

ВОСЬМОЕ



ЧУДО

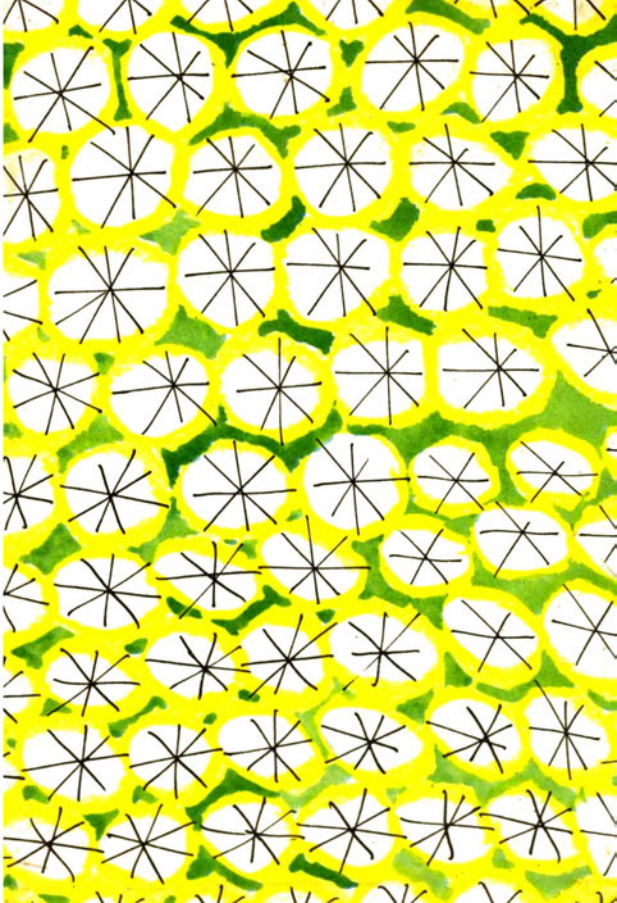
ИЗДАТЕЛЬСТВО

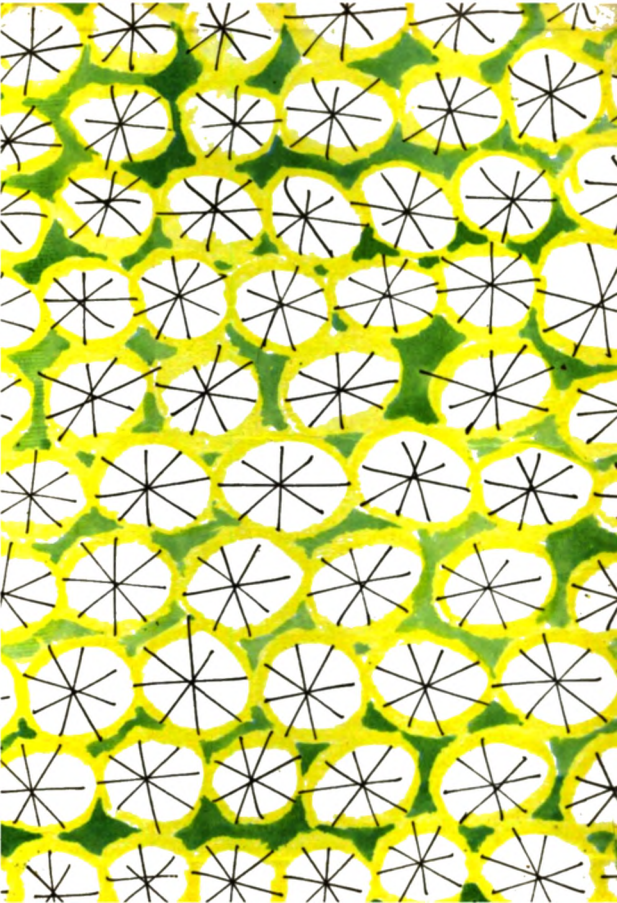
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»



СВЕТА











ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Рассказы
чешских и словацких
писателей

Перевод, составление и предисловие

О. Малевича

Рисунки Г. Ковенчука

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

И(чеш)
В 78

**В 78 Восьмое чудо света: Сборник рассказов/Пер. с чешск.,
сост. и предисл. О. Малевича; Рис. Г. Ковенчука. — Л.:
Дет. лит., 1982. — 128 с., ил.**

В пер.: 50 коп.

Сборник рассказов чешских и словацких писателей о жизни современных школьников, об их серьезных делах и юмористических приключениях.

486302000—128
В————— 433—82
М101(03)—82

И(Чеш)

© Издательство «Детская литература», 1982 г.

Приглашение к путешествию

Юный читатель, я хочу пригласить тебя в путешествие... Не за семью чудесами древнего мира и не в Южную Америку, хотя первый рассказ в книге, которую ты открыл, носит заманчивое название — «На горизонте Огненная Земля». Я хочу пригласить тебя в чудесную страну, расположенную значительно ближе, в самом сердце Европы, и даже граничащую с нашим государством. Эта страна, где живут два братских народа — чехи и словаки, — Чехословацкая Социалистическая Республика.

Чудеса героизма проявляли чехи и словаки в борьбе за свободу своей родины. Достаточно назвать имена непобедимого полководца Яна Жижки, мужественного журналиста и подпольщика Юлиуса Фучика, предсмертные слова которого «Люди, будьте бдительны!» облетели весь мир, Героев Советского Союза Отокара Яроша и Яна Налепки...

В Чехословакии немало подлинных чудес. Игра природы создала здесь сказочные пещеры с подземными реками, по которым можно кататься на лодках. Среди высоких гор голубеют озера (чехи и словаки поэтично называют их «горным оком»)...

Поразительны творения человеческих рук. Сотни туристов собираются перед староместской ратушей в Праге, чтобы полюбоваться диковинными часами с движущимися фигурами. Чудо архитектуры являют готические соборы святого Вита в Праге и святой Барбары в Кутной Горе. Мне надолго запомнилась удивительная картина: по древнему каменному мосту через Влтаву, построенному еще в середине XIV века при императоре Карле IV, с развернутым знаменем и под бой барабана идет пионерский отряд... А какие дива-дивные творят чешские стеклодувы, словацкие резчики по дереву и вышивальщицы! Сколько современных чудес создали руки чешских и словацких рабочих и крестьян!

Неисчерпаемы богатства духовной культуры чехов и словаков. Народная фантазия щедра на легенды и сказки... В чешской горе Бланик будто бы уже многие века спит рыцарское войско, чтобы в минуту решающей схватки с врагом прийти на помощь соотечественникам... А словацкие ребята любят сказку про озорного и сметливого Янко-горошинку, легко справившегося с грозными разбойниками.

Настоящее чудо — музыка Сметаны и Дворжака... Всему миру известны Ярослав Гашек, подаривший читателям неунывающего бравого солдата Швейка, и Карел Чапек, создатель пьесы о восстании роботов, «гейзер поэзии» Витезслав Незвал и крупнейший словацкий поэт XX века Ладо Новомеский... Наверное, ты видел книги с веселыми иллюстрациями Йозефа Лады и Ондржея Секоры, сказочные фильмы Иржи Трнки и Карела Земана, смеялся над позождениями Лимонадного Джо... Уже ради всего этого стоит совершить путешествие в Чехословакию. Но я хочу познакомить тебя с восьмым чудом света.

Что это за чудо? Дети Чехословакии. Твои сверстники, твои младшие и старшие братья и сестры. Я хочу, чтобы ты пожил с ними, узнал их заботы, интересы, радости и огорчения.

Чешские и словацкие ребята идут в школу не с семи, как у нас, а с шести лет. Большинство из них заканчивает девять классов, а те, кто после этого поступает в гимназии, учатся еще четыре года. За отличные знания чехословацким школьникам ставят... единицы, а за очень плохие... пятерки. Но, несмотря на эти и другие различия, ты обнаружишь, что чешские и словацкие ребята очень на тебя похожи. Им, допустим, ничего не стоит превратить обыкновенный старый мотоцикл в... носорога. И так же, как перед тобой, жизнь ставит перед ними задачи, решая которые надо уже не понарошку выбирать между паясничаньем и рыцарством, правдой и неправдой, добром и злом.

Мне хотелось, чтобы эта книга отразила разные стороны жизни ребят современной Чехословакии и чтобы в ней чередовались шутка и грусть, серьезное и забавное, школьные дела и развлечения, игра и реальная повседневность. Подобно мозаике, сборник состоит из множества рассказов, вышедших из-под пера почти двух десятков чешских и словацких писателей. Среди них есть маститые (народный писатель Чехословакии Богумил Ржига, заслуженные писатели Гелена Шмагелова, Рудо Мориц, недавно умерший Вацлав Чвартек, Гана Зелинова, лауреат международных премий Ота Гофман, лауреаты национальных премий за детскую литературу Мария Дюрчикова и Вера Адлова), есть и совсем молодые. Имена ряда авторов, возможно, уже знакомы тебе (на русский язык переведены произведения Ржиги, Гринчиржа, Шмагеловой, Чвартека, Дюрчиковой, Адловой, Гофмана, Морица).

Я отыскивал рассказы в пионерских газетах и журналах, в книгах отдельных писателей и в коллективных сборниках. Когда я перевел их, получилась книга «Восьмое чудо света». Надеюсь, ты прочтешь ее с пользой и удовольствием.

ОЛЕГ МАЛЕВИЧ

На горизонте Огненная Земля¹



ТАЯНИК

До самого мостика Мартин бежал вместе с Градецким потоком. Но когда речушка нырнула под каменный свод, обдавая его брызгами, нетерпеливо помчалась к месту слияния с другой речкой, — мальчик остался на мостике. Порылся в кармане, вытащил бумажку. Хотел было... да вовремя огляделся по сторонам и недовольно присвистнул. На дороге к мостику старый Шимон толкал тачку с песком. Тачка была на шинах, двигалась бесшумно, так что Мартин чуть не нарушил правил пользования тайником, которые объяснил ему Шари.

Мартин сунул бумажку назад, в карман, подобрал несколько камушков и стал пускать по воде «блины». «Теперь бы Шари меня похвалил», — решил Мартин, исподтишка наблюдая за приближавшимся Шимоном.

Но на сей раз «блины» не занимали Мартина, он снова достал

¹ Печатается с сокращениями. (Здесь и далее прим. перев.)

бумажку. Старый Шимон уже за мостиком — только бы не оглянулся! Мартин развернул и прочитал свое послание:

РОМЧЕВЕ ДУБУ НА КЕВЫШІ

РАВЧЕ ВАСНО ЛОРЕГОІ

СИНЕПРИ НОКЛЬБИІ

«Вот это язык! — улыбнулся Мартин. — Синепри нокльби! Здорово Шари придумал! Синепри нокльби!» — пробормотал он, довольный собой. И вновь сложил бумажку.

Тачка пенсионера Шимона исчезла в проулке.

Мартин не стал больше ждать. Спустился под мостик, нащупал в своде выемку от выпавшего камня и вытащил засунутую в нее жестяную коробку. Коробка была пуста. Значит, Шари не оставил никаких распоряжений. Вздохнув, Мартин вложил в банку свою записку с зашифрованным текстом, понятным только ему да Шари.

Потом выглянул из-под мостика. Ни души. Он вышел на дорогу и направился к Млынцу. Мартин был доволен собой. Он сделал удивительное открытие, сулившее немало увлекательных приключений. Еще вчера Шари насмешливо скривил рот, когда услышал о странном сиянии на горизонте. А теперь, согласно его приказу, Мартин положил в тайник записку, сообщавшую, что странный огонь снова горел где-то на северо-западе. Теперь-то Шари поверит ему, оценит его открытие и будет по-прежнему с ним дружить, хоть он и моложе Шари на три года.

ШАРИ

Давно стемнело, а Шари все не шел. Мартин с отсутствующим видом смотрел на экран телевизора и дожидался знакомого свиста. Он бы и сам давно отправился к условленному месту и сейчас уже следил бы за горизонтом с наблюдательной вышки. Вдруг снова появится загадочный свет... Но должен же Шари прийти!

Мартин поднялся и на цыпочках выскользнул из комнаты. Родители и сестра не отрывали глаз от телевизора.

Через раскрытое окно на кухне Мартин выглянул наружу. Слабо освещенная дорога была безлюдна. Шари все не шел и не шел. Правда, от Млынца до Горки, на которой стоял их дом, почти километр, но сообщение в тайнике не могло оставить Шари равнодушным. Никогда больше этот странный огонь не увидишь. Только отсюда, с их чердака, точнее — с наблюдательной вышки.

Шари бы лучше его понял, что это за огонь и где он горит. На северо-запад от Млынца Мартин знает всего одну деревню — Карлов. Там живут тетя с дядей.

Мартин и Шари могли бы их навестить. А то каникулы так и пройдут без единого приключения. Шари ни при каких обстоятельствах не теряется, из любого положения найдет выход. Еще бы, он ведь почти взрослый, сдал экзамены в техникум! Но перед мальчишками моложе себя нос не задирает и всегда готов поддержать интересную затею.

Всего два месяца назад Мартин почти ничего о Шари не знал. То есть знал его, но только как Рихарда Чейку, который окончил восьмой класс и живет на Речной улице. Впрочем, Мартин не слишком интересо-

вался этим Чейкой. Да и чего ради? Восьмиклассники тоже не интересовались Мартином и его сверстниками. Для них это была малышня... Малышня из пятого класса!

Но как-то раз долговязый Риша вдруг снизошел до малышни. Мартин хорошо помнит тот день. Это было в июне у плотины. Там сошлись мальчишки и девчонки из их класса. Мартин, Зденек, Любош и несколько девчонок обсуждали школьную экскурсию на Махово озеро.

Тут к ним на одной ноге подскакал долговязый Чейка из восьмого. Он только что вылез из воды, видно, его заинтересовал разговор об экскурсии.

— Каждый год осенью Махово озеро переплывают самые закаленные пловцы, моржи, — еще издала сообщил он пятиклассникам, пытаясь вытряхнуть воду из уха. — В этом году и я попробую. У нас тут вода такая холоднющая — лучшего места для тренировок не сыщешь.

Минуты не прошло, как Рихард уже чувствовал себя среди одноклассников Мартина своим человеком. Подсел. Заглянул к Вите Элиашевой в книжку, словно бы между прочим рассказал, как ходит ловить форель, которая порой доплывает до самой плотины. А когда Гедва, подвинувшись, предложила ему половину своей подстилки, улыбнулся и сказал:

— Спасибо.

Мартин ушам не верил. Восьмиклассник говорит «спасибо» девчонке из пятого класса! Если бы он выдернул из-под Гедвики подстилку, а Гедванку сбросил прямо в Клокотку, — это было бы в порядке вещей. Но благодарить и улыбаться!

Когда компания расходилась, Мартину с Ришей оказалось по пути до того места, где в Клокотку вливается Градецкий поток. Невысокий Мартин с долговязым Рихардом постояли там, и будущий студент техникума рассказал, что несколько лет назад вырезал из древесной коры лодочки и пускал их по Градецкому потоку. Под каменным мостиком, который был отсюда виден, у него была настоящая пристань.

С того июньского дня Мартин искал встреч с Ришей. Была ли это дружба? Мартин так и не мог разобраться. Иной раз Риша вел себя совсем как мальчишка, с удовольствием встречался с новым приятелем. А порой проходил мимо, не обращая на него внимания.

— Вот что. Если хочешь о чем-нибудь срочно мне сообщить, напиши, — сказал он как-то Мартину. — Шифром. И положи в тайник.

Мартин был несколько озадачен, но слушал затаив дыхание.

— Я придумал шифр. Никто не догадается. Понимаешь, каждое слово состоит из слогов. А мы поменяем их местами. Сначала последний, потом предпоследний и так далее. Вот, например, что это? — Риша ударил по струнам гитары, с которой куда-то направлялся. Возможно, на плотину.

— Гитара, — проговорил Мартин.

— А для нас — «ратаги»!

Мартин расхохотался:

— Здорово! Погоди, я тоже что-нибудь тебе скажу. Ша-ри сет-не ру-та-ги.

— Правильно, — одними уголками рта улыбнулся долговязый Чейка. — А теперь прости, я тороплюсь. До завтра зашифруй мне письмо.

Шари с довольным видом забросил гитару на плечо и пошел. Потом еще раз обернулся:

— Только домой не носи. Тайное письмо кладут в тайник. Найди какое-нибудь местечко.

Мартин был в полном восторге и сгорал от нетерпения. Поскорей бы испробовать все на практике! Быстро огляделся по сторонам, показал:

— Да хоть вон там. У вас за водосточной трубой. Внизу...

Шари поднял брови, оттянул книзу уголки рта:

— Просчет! Большой просчет! Там письма будут подмокать. А главное — вся улица увидит, куда мы их кладем. И наконец, тайник должен быть где-нибудь на полпути между нами. Знаешь что? Пожалуй, лучше всего подойдет мостик через Градецкий поток. Вокруг безлюдье. И под ним есть дыра, я прятал в ней свои лодочки... Там и будет наш тайник.

Шари кивнул на прощанье и заговорщически подмигнул. Потом повернулся и зашагал в гору. Наверное, к плотине.

Мартин побежал домой. Такую великолепную идею нужно осуществить немедленно! Он сейчас же зашифрует письмо и отнесет в тайник.

В тот исторический день Риша превратился в Шари.

ОГОНЬ

Мартин вглядывался во тьму, тщетно ожидая, когда покажется длинная тощая фигура Шари. Со стороны Млынца никто не появлялся.

А там, на северо-западе, наверное, уже горит огонь! То яркий, то еле заметный... Может, он как раз догорает? И я его прозвоню! Но если Шари поднимется на вышку, а за Млынцем будет сплошная тьма, он скривит рот и скажет: «Не будь наивным, Мартин. Кто-то жег там пирей. А ты сразу — огонь, огонь!..»

Мартин, взволнованный, отошел от окна, побежал в переднюю, на ощупь ухватился за перила. По деревянной лестнице ступал тихо-тихо: отец наверняка поинтересовался бы, зачем он в такую позднюю пору лезет на чердак.

Осторожно прикрыл за собой дверь. Еще несколько неуверенных шагов в густой тьме. И вот он уже у слухового окна, через которое пробивается слабый лунный свет.

Теперь это не чердак, а наблюдательная вышка.

— Сказочный вид! — сказал Шари, когда Мартин недавно привел его сюда днем. — Настоящая наблюдательная вышка!

Шари умеет всему дать подходящее название. Это он превратил чердак в наблюдательную вышку, жестяную коробку под мостиком в тайник, а Витю Элиашеву в Викторку¹.

— Ты сидишь у плотины, как Викторка, — сказала ей Шари тогда, на берегу Клокотки.

¹ В и к т о р к а — девушка, от горя потерявшая разум после того, как ее разлучили с возлюбленным; персонаж из повести чешской писательницы XIX в. Божены Немцовой «Бабушка».

Мартин придвинул к слуховому окну ящик, встал на него и приоткрыл фрамугу. Потом высунул голову и в изумлении застыл.

Огонь сегодня был еще ярче. Он не только высоко взывался, от него ключьями отлетали языки пламени. Взмывали ввысь, падали, гасли. И сразу же вновь взлетал к темному небу огонек, другой, и еще один... Прямо фейерверк!

Как жаль, что не пришел Шари! Тот наверняка бы удивленно сказал: «Это неспроста. Необходимо дознаться, что там горит».

Послышался какой-то звук. Мартин насторожился. Но нет, это просто кошки. Свист Шари он бы услышал даже с наблюдательной вышки.

Мартин щурил глаза, потом, наоборот, широко раскрывал их, что-бы лучше видеть трепещущее зарево на северо-западе. Сложил ладонь трубкой, но разве могла она заменить бинокль Шари?

Когда несколько дней назад Мартин впервые увидел на горизонте крошечный огонек, он испугался, что где-то пожар. Ведь сейчас август, поля и леса высохли, а за Млынцем проходит железная дорога. От паровоза могла отлететь искра. Или загорелся стог. А что если горит в Карлове? И как раз дядина рига? Он позвал папу. Отец быстро взобрался на чердак, поглядел в слуховое окно и махнул рукой:

— Чему гореть-то! Обыкновенный костер. Кто-нибудь жжет пырей.

Пырей! Каждый день — и все пырей? Сколько бы его понадобилось? Сегодня бы папа, наверно, решил по-другому... Что же все-таки означают эти взлетающие ввысь огненные искры? Покружат в темном небе и падают на землю... Сбежать за Шари? А будет ли до тех пор гореть огонь?

Больше Мартин не мог выдержать. Не затворяя фрамуги, соскочил с ящика и бегом спустился по лестнице. Ура, родители еще сидят у телевизора! Мартин схватил фонарик и помчался с Горки к Млынцу. Разумеется, напрямик, вдоль Градецкого потока.

А раз уж бежишь мимо мостика, отчего не заглянуть в тайник? Он зажег фонарь и полез под мостик. В коробке была записка. Ответ? Шари пишет ему, что не сможет прийти?

Мартин нетерпеливо осветил на развернутый листок: РОМЧЕВЕ ДУБУ НА КЕВЫШ...

И огорченно сунул письмо назад в тайник. Шари сюда не приходил. И не подумал взять зашифрованное послание Мартина: ВЕЧЕРОМ БУДУ НА ВЫШКЕ! ВЧЕРА СНОВА ГОРЕЛО! ПРИНЕСИ БИНОКЛЫ!

Трибуна

От мостика до Речной улицы совсем недалеко. И Мартин, не успев даже как следует себя обругать, уже стоял перед домом, где жили Чейки. Чутьочку поколебался, потом все же нажал кнопку звонка.

Наверно, Шари было некогда. И потом, он же не мог знать, что в тайнике лежит такое важное сообщение. Завтра ему самому будет обидно, что проморгал фейерверк у Карлова.

Одно из окон бельэтажа, за которым, как и в других, светился экран телевизора, отворилось.

Из окна выглянула пани Чейкова.

— Нету дома. Где-то болтается. Вроде тебя. Сегодня целый день играл...

Мать Шари изобразила правой рукой нечто похожее на удар ракеткой, и Мартин сразу понял: Шари у Лацинов.

Может, встречу его по дороге. Ведь для настольного тенниса позновато. Зато самое время посидеть и поболтать с братьями Лацинами. И не только с ними. У Лацинов во время каникул собирается молодежь со всей округи. В саду среди деревьев стоит стол для пинг-понга, свидетель бесконечных спортивных встреч и турниров. Те, кто в этот момент не играет, сидят на куче досок, как на трибуне, и наблюдают, болеют, спорят. А когда стемнеет, на этой же трибуне ведут бесконечные дебаты, рассказывают анекдоты, а иной раз и поют песни.

Несколько минут Мартин бежал против течения Клокотки. Потом услышал гул плотины. «Вечером он гораздо громче. А ночью, поди, прямо грохот стоит», — усмехнулся Мартин. Но сразу понял, что гул падающей воды всегда одинаков. Только в ночной тишине его лучше слышно.

Впрочем, это место какое-то необычное. Спокойно текущая Клокотка вдруг переламывается надвое и падает с двухметровой высоты в водоем, где вполне можно плавать. Вода под плотиной бурлит, пенится, мечет в каждого пловца брызги, отбрасывает его от стены.

Но тот, кто поотважней, прорывается сквозь завесу падающей Клокотки. И оказывается между прозрачной пеленой воды и каменной стеной плотины. Там можно дышать, но вода падает с таким гулом и грохотом, что уши закладывает. Долго тут никому не выдержат. Смелчак либо нырнет поглубже и проплывет ниже водяной завесы, либо опять стремительно прорвется сквозь нее. Потоки воды обрушиваются на него, толкают вниз, а потом выбрасывают в пенящиеся волны.

Мартин прошел мимо домика Элнашевых. Что там делает Витя-Викторка? Тоже смотрит телевизор? Вот он уже обогнул и домик Лацинов...

Ребята здесь! Слышны голоса. На теннисный стол уже наброшена игелитовая крышка, но парни и девчата сидят на досках и разговаривают. Порой доносится аккорд гитары. Значит, там и Шари...

— Глядите, опять планирует, — слышит Мартин девичий голос. Неужели Гедва? — Ой, как ловко от нас увернулась...

— Да у нее же радар. Смотри, Викторка, не высовывай голову, а то запутается в твоих волосах.

— Запутается так запутается, — отозвалась Витя. — Я возьму ее домой. Летучей мышью у меня еще не было.

Ага, значит, и Викторка на трибуне. Почему бы ей и не быть, ведь они с Лацинами соседи. А Шари? Его голоса Мартин не слышит.

— Раз у меня в волосах запуталась пчела, — опять заговорила Гедва. — И не успела я ее вытащить, как она меня ужалила.

— Вот видишь, с летучей мышью тоже надо осторожней. — Это голос младшего Лацины.

— Разве у нее есть жало?

Болтают всякую чепуху. Насколько интереснее фейерверк на горизонте! И чего ради Шари тут околичивается?

Мартин пролез через дыру в частоколе и оказался за смородиновы-

ми кустами. Теперь он видел трибуну, узнал Викторку, которая на всякий случай держала над головой ракетку. А возле нее вроде бы сидит...

Догадку подтвердила Гедва:

— Можешь не бояться, Витя! Риша не даст тебя в обиду даже летучей мышью.

Трибуна разохоталась. Мартин закусил инжину губу. Он там! Ну да, Шари сидит около Викторки.

Зазвенела гитара.

«Надо дать задний ход, — решил Мартин, — в таком шуме меня никто не услышит». И направился к зобору. Ему вовсе не хотелось присоединяться к общему веселью.

Но от расстройств он спутал направление и треснулся о зобор.

Трибуна стихла.

— Слыхали? Кто-то стоит за зобором!

— И подслушивает.

— Это летучая мышь. От наших разговоров она ошалела и стукнулась о зобор. Радар не сработал.

Мартин уже нашел дыру. Тут снова заиграла гитара, и Шари громко запел:

— Тинмар зетле дасю, дасю зетле Тинмар..

Викторка прыснула:

— Ты что поешь, Риша?

Дальше Мартин не стал слушать. На цыпочках побежал к гудящей плотине. Кулаки гневно сжаты. Он-то лонял песенку Шари:

«Мартин лезет сюда, сюда лезет Мартин...»

ВИКТОРКА

Шари предал его. Шари нет никакого дела до Мартина, ему важнее Витя. Потому-то он и прискакал к ним на одной ноге, потому и переименовал Витю в Викторку.

— Викторка! — улыбнулась она тогда. — Что ж, это красивее, чем Витезслава.

Витя. Витя Элиашева. Мартин знает ее давно. Они вместе ходили еще в детский сад. А потом в один класс. Витя всегда была тихая, незаметная. Никогда не старалась выделиться, обратить на себя внимание. Наверное, потому, что ей вечно некогда. Все читает. Обыкновенная-то она обыкновенная, да Шари ею интересуется. А почему? Что-то ведь его привлекло? И что мальчишкам может нравиться в девчонках? Лицо? Волосы? Глаза? Волосы у Вити каштановые. А глаза? Какие у Викторки глаза? Скорее всего карие. Глаза коричневые, волосы коричневые... Ничего интересного. Чем же она его привлекла? Может, тем, что не мелет без конца языком, как остальные девчонки?

Так или иначе, а Шари она нравится...

Отчего бы и нет? Ему, Мартину, она тоже... нравится... Хотя сам он над этим еще не задумывался.

Один раз они сидели рядом на школьном утреннике. Не сказали друг другу ни слова, но почему-то Мартин об этом часто вспоминал.

А теперь около нее на трибуне сидит Шари.

Так поздно Мартин никогда не возвращался. И все равно не спешил, тащился к своей Горке, и было ему как-то не по себе. Может, просто грустно... Он ходил рядом с Витей, будто совсем ее не знал. А теперь вдруг объявился Шарн... Мартин ничего не понял, он-то думал, что Шари хочет дружить с ним. Прилепился к нему, ходил за ним по пятам, как собачонка, навязывался...

Вот, значит, для чего Шарн придумал шифр и тайник. Чтобы отвязаться от Мартина. Чтобы ходить к плотине одному. Оттого и не интересовался его открытием, даже не взял письмо из тайника.

Мартин отворил калитку. В окнах темно. Родители и сестра спят. Достанется ему завтра на орехи!

Долго не мог уснуть. В голове путалось. Но как ни странно, про загадочный огонь даже не вспомнил.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮ ТЕБЯ

Два дня Мартин не выходил из дому.

— Что с тобой? Даже купаться не ходишь! — удивлялась мама.

Мартин пробурчал что-то о жалкой лозани у плотины и добавил, что в ванне и то больше места.

— А знаешь, неплохая идея! — просияла пани Веселкова. — Выскобли как следует металлическую ванну, что стоит под водосточной трубой, и купайся прямо в саду.

У Мартина разочарованно вытянулось лицо, с горя он решил залезть на вишню. Глотая терпкие ягоды, сплевывал косточки и злился на весь свет. Каникулы близились к концу, Шари его предал, таинственные огни пропали. Два дня как на северо-западе не было никакого сияния.

К полудню, когда он уже серьезно раздумывал, не приготовить ли, и правда, для купания ванну, мать послала его с каким-то поручением к бабушке. Он и не возражал. Оставаться дома больше невозможно, но не идти же к плотине, где он будет только мешать Шари и Викторке.

Мартин взял велосипед, собираясь сделать порядочный крюк, чтобы не пользоваться обычной тропой, которая вела мимо мостика. Но и это ухищрение не помогло. Велосипед, точно никто им не управлял, покинул широкую дорогу и поехал по тропке вдоль Градецкого потока, прямо к мостику. Да, видно, сам у мостика и остановился, сам положил себя в траву. Мартин с упреком на него посмотрел и беспомощно пожал плечами. Потом по привычке огляделся. Ни души.

Он вздохнул и, точно кто его подталкивал, спустился под мостик. В последний раз. Надо же забрать свое письмо. Шари оно не интересуется...

Полез в тайник и от удивления чуть не свалился в речку. В тайнике был пакет! Мартин саватил его, выбрался наверх и дрожащими руками развернул.

Синий электрический фонарик. Его собственный фонарик! Как он сюда попал?

И при нем записка! Написана шифром, который придумал Шари:
ЛАСЬЧИСЛУ ДАБЕ...

Первая фраза так поразила Мартина, что он выпустил из рук фонарик, тот упал на склон и покатился к потоку. Чтобы схватить его, Мартин быстро соскользнул вниз, успел затормозить и оказался по щиколотку в воде. Зато фонарик был спасен. Мартин снова поднялся на берег, развинтил корпус фонарика, вынул батарейку и все части разложил для просушки на тропе.

Это, действительно, его фонарик. На нем вырезано «М. В.» — Мартин Веселка. Он взял его с собой в тот вечер, когда прятался в саду у Лацинов за кустом смородины. Видно, там его и потерял. А Шари нашел и теперь возвращает с помощью тайника. Все-таки Шари настоящий друг. И пусть на первом плане у него Викторка, но и Мартина он не забывает.

Однако письмо начинается так загадочно! Шари писал его поспешно, неровными, необычно крупными печатными буквами. Мартин, нетерпеливо переставлял слог:

СЛУЧИЛАСЬ БЕДА! Я ПЫТАЛСЯ РАЗЫСКАТЬ ОГНЕННУЮ ЗЕМЛЮ И ЧУТЬ НЕ ПОГИБ. ПРЕДОСТЕРЕГАЮ ТЕБЯ! НЕ ХОДИ НА ОГНЕННУЮ ЗЕМЛЮ! НЕ ЗАГОВАРИВАЙ СО МНОЙ. Я НАХОЖУСЬ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ. ВСТРЕТИМСЯ, ДЕЛАЙ ВИД, ЧТО МЫ НЕЗНАКОМЫ. МНЕ УГРОЖАЮТ ОГНЕПОКЛОННИКИ. СЛЕДУЮЩЕЕ СООБЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ.

Мартин вновь и вновь перечитывал странное письмо. Шари в опасности! Что случилось?

ЮГАРЕТЕДОСПРЕ БЯТЕ — ПРЕДОСТЕРЕГАЮ ТЕБЯ! — НЕ ВАЙРИВАГОЗА МНОЙ СО — НЕ ЗАГОВАРИВАЙ СО МНОЙ!

Мартин прерывисто дышал, точно на велосипеде взобрался на вершину Горки. Предчувствие, что с этими огнями не все в порядке, не обмануло его!

Огненная Земля! Удивительный человек этот Шари, нашел такое точное название для загадочного места на северо-западе. Огненная Земля! Такого бы ему, Мартину, вовек не придумать. А может, этим названием пользуются те странные огнепоклонники, и Шари, рискуя жизнью, узнал его от них. Кто они такие, если их власть простирается даже сюда, если они проникли даже в Мирный Млынец?

Что теперь делать? Не может же он сидеть и ждать? Целую неделю! Этак пожалуй и каникулы кончатся. Да черт с ними, с каникулами! Шари что-то угрожает... А Шари — его товарищ!

Он нарочно не искал Мартина, нарочно не ходил к тайнику, чтобы не выдать его. Об огнепоклонниках он знал давно, да не хотел посвящать в тайну Мартина. Старался его уберечь. И тогда, на трибуне, вовсе не смеялся над ним, а предупреждал. Делал вид, будто поет заграничную песенку... Значит, и там за Шари следили огнепоклонники? Откуда они вообще взялись? Почему жгут костры? Шари не должен был ходить туда один. Видно, он что-то предчувствовал и хотел уберечь Мартина от мести этих людей. Скорее всего, там, на северо-западе, Шари чуть было не раскрыл их тайну. И вот ему угрожает опасность. Нет, Мартин должен ему помочь! Но ведь приказано не искать его, даже не здороваться при встрече.

Словно во сне подобрал он высохшие части фонарика, поднял раскаленный от солнца велосипед и медленно поехал к бабушке. Промокшие сандали приятно охладили ноги.

ШАРИ, Я С ТОБОЙ НЕ ЗНАКОМ

Приказ Шари, переведенный на нормальный язык, Мартин помнил наизусть. А главное, уже немного опомнился и кое-что сообразил.

Распоряжение Шари он выполнит. На Огненную Землю, что к северо-западу от Млынца, не отправится. И к Шари не пойдет, не станет его окликать на улице. Но сидеть дома он все равно не может, надо куда-нибудь пойти — хотя бы к плотине. Ведь еще жарко, кое-кто купается. Шари у плотины не будет. А если он вдруг там онажится, Мартин сделает вид, будто его не замечает. Как велено.

— Ну что? — засмеялась мама, увидев, что Мартин берет плавки. — В жалкую лохань?

Мартин пожал плечами.

— Ага. Пойду измерю. Может, она все-таки больше ванны?

У плотины все было как в любой день каникул. В воде брызгалось несколько мальчишек, на траве загорали девочки, в мелководье барахтались малыши. На берегу, над плотиной, сидела Викторка. Она была в купальнике, колени под самым подбородком, и разумеется, читала какую-то толстенную книгу.

Шари у плотины не было. «Значит, все в порядке», — подумал Мартин. Но при этом был немного огорчен. Отчего бы ему здесь и не быть, ведь Мартин к нему не подойдет.

Тут вдруг раздвинулась завеса падающей воды и вынырнул Шари. Мокрые волосы падали ему на лицо, Марина он явно еще не видел. А вот — увидел... Шари потряс головой, отбросил волосы. Мартин старался не смотреть на него, но все же уловил в лице друга еле заметный испуг.

Тогда Мартин прыгнул в воду и несколькими гребками подплыл к мальчишкам. Тем надоело брызгаться, и они стали в шутку топить друг друга. Кто-то вспрыгнул ему на спину. Мартин пошел под воду, немного хлебнул, но сразу же вынырнул и бросился на противника. Через минуту он уже был одним из беззаботных мальчишек, участвовавших в морском сражении под плотиной.

Временами он исподтишка поглядывал на Шари. Тот был явно доволен, что Мартин действует согласно приказу. Раз, правда, чуть не столкнулся с Марином. На мгновение они встретились взглядами. Мартин успел заметить, что Шари испуганно заморгал и поспешил удалиться. Странная игра. Не ссорились, а не разговаривают и избегают друг друга.

И все из-за таинственной Огненной Земли. Из-за коварных огнепоклонников.

Мартин потихоньку огляделся. Неужели и здесь, у плотины, кто-нибудь преследует Шари? В сторону реки смотрят несколько домиков. Может, в каком-нибудь из окон... Но это невероятно! Неужели у Элиашевых, у Лацинов или у старой пани Гонзликовой мог скрываться мститель, угрожающий безопасности Шари?

Мартин лег на воду и поплыл по течению. Увы, это недолгое удовольствие — сейчас он доплывет до преграды из камня и дерна. Зато в таком положении удобнее всего осмотреться: где теперь Шари? Вот он. Вылез из воды, стоит возле Викторки. Витя читает что-то увлекательное и явно не хочет его слушать. Заткнула уши, продолжает смотреть в книгу. «Может, это «Мушкетеры», — улыбаясь, думает Мартин. Точно

так же Викторка сидит в школе на переменах. Сидит, читает и ушк заткнет, чтобы ей не мешали. Если бы Шари учился в одном с ней классе, он бы зря не старался...

Мартин наткнулся на преграду. Какое ему дело до этой Викторки? Пускай себе читает свою книжку. Мартина больше интересует Шари, неведомая Огненная Земля и таинственные огнепоклонники.

О черт, и что это Шари все крутится около Викторки, он же и ее ставит под угрозу!

Мартин беспокойно взглянул на берег, возвышавшийся над площадью. Шари был уже в одежде, сел на велосипед. А Викторка продолжала читать, так и не разжав уши. Видать, думала: Риша все еще ей что-то говорит. Но если бы она опустила руки, то услышала бы только шум воды.

ДОРОГА

Огненная Земля снова напомнила о себе. Через три дня на северо-западе опять разгорелось пламя. Мартин смотрел на него с наблюдательной вышки и еще больше волновался. Прежде это был всего лишь странный свет. Кто-то вполне мог жечь там пырей или сучья на лесной вырубке. Но теперь Мартин уже твердо знал: костры связаны с какой-то тайной и жгут их огнепоклонники.

Он даже начал догадываться, почему три дня Огненная Земля скрывалась во тьме. Отважный Шари осквернил землю огнепоклонников, и им пришлось прервать свои обряды.

Мартин смотрел на трепещущую светлую точку. И казался себе мореплавателем, который увидел с корабля огненные сигналы на девственных землях Южной Америки.

Это заставило мореплавателя Мартина принять важное решение.

Он отправится в путь и пристанет у загадочного берега. Вопреки предостережениям Шари. Разве может мореплаватель целую неделю пребывать в бездействии? Впрочем, он почти не нарушит приказ товарища. Враг не застигнет его врасплох. В отличие от Шари, он уже знает, что надо быть осторожным, и подберется к Огненной Земле незаметно: поплывет, точнее — поедет для виду в другое место...

Утром Мартин подкачал заднее колесо велосипеда, взял кое-что из еды и отправился в дорогу, получив на то полное согласие мамы.

Но поехал он вовсе не на северо-запад, а на юг. Чтобы сбить со следа возможного лазутчика с Огненной Земли. Кружным путем — через Лготу, Хотеч и Смирчину — он упорно приближался к Карлову. Что вы, это вовсе не смелая разведка на территории Огненной Земли, это обыкновенная поездка к родственникам. В Карлове живет тетя, старшая сестра его мамы. Мартин едет в гости к тете, к дяде и к трем двоюродным сестрам, которых не умеет различить. Не то чтобы они были так уж похожи, но онк Мартина не интересуют, с ними лучше не связываться. Говорят, старшие двоюродные сестры еще возили его в коляске, пеленали и сюсюкали над ним. И до сих пор не могут взять в толк, что он уже вырос.

Перед Карловым Мартин соскочил с велосипеда. Это был порядочный крюк, но чего не сделаешь ради того, чтобы разгадать тайну? Опре-

делил по солнцу стороны света и взглянул на юго-восток. Там находился Млынец. Если провести прямую от Млынца до Карлова, где-то тут и будет место, которому Шари дал великолепное название — Огненная Земля. За деревней виднеется пригорок, а дальше — более высокие холмы.

Мартин мог бы наплевать на двоюродных сестер и первым делом осмотреть этот пригорок. Через жнивье он добрался бы туда в два счета. Но как он нарушит свой план и приказ Шари!

Он снова сел на велосипед и вот уже въезжает в Карлов. Дом, в котором жили его дядя и тетя, был пуст и заперт на замок. Белый лохматый Трезор, весь вывалившийся в черной земле, подбежал к Мартину, дружески вилая хвостом.

— Ты меня помнишь, Трезор? — обрадовался Мартин и стал гладить пса. — А где тетя? В поле, да?

Трезор прыгал на него, вертелся волчком, радостно лаял, но у Мартина не было лишнего времени. Поставив велосипед под навес, он вышел со двора. Без велосипеда будет неприметней. Моряк, приближающийся на шхуне к побережью, вызовет у туземцев подозрение. Но пеший моряк, прогуливающийся по берегу, — совсем иное дело, на него и внимания не обратят.

Моряк Мартин достиг площади и нерешительно остановился перед одноэтажным зданием нового магазина. Нигде ни души, деревню словно вымело. Может, в магазине найдется лимонад, моряку жутко хотелось пить. Он проверил, есть ли в кармане мелочь, и вошел.

ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА

— Мартинек! — воскликнула пухленькая продавщица в белом халате и выбежала из-за прилавка. — Откуда ты взялся, малыш?

Не успел Мартин опомниться, как очутился в белых объятьях, от которых не было спасения. Ну вот и дождался! Одна из трех сестер. Либуше? Или Власта? А может, Шарка?

Мартин был поражен, он и не подозревал, что одна из его двоюродных сестер продавщица.

— Постой, постой, — пытался он вывернуться из объятий и пригладить волосы. — Я ведь зашел что-нибудь купить.

Со стаканом лимонада в руке Мартину все-таки пришлось отвечать на «семейные» расспросы. Сестра при этом бегала вокруг и приносила разные лакомства.

— Дядя с тетей в поле? — вставил наконец Мартин, чтобы поскорее перейти к главному. — Может, там, под пригорком? Я кого-то видел издали...

— Да нет, они у молотилки.

— Что это за пригорок? Я прежде его не замечал. Там что-нибудь есть?

— Что там может быть? — удивилась пухленькая кузина. — Два-три деревца, щепенка... Еще шиповник растет. И терновник.

¹ Либуше, Власта, Шарка — героини древних чешских сказаний.

— А там, дальше, что за холмы? О них ничего не говорят!
Власта, Шарка или скорее всего Либуше (потому что та самая старшая) рассмеялась:

— Дед называл их Малые горы. Туда ходят за черникой и брусникой, а то и по грибы. Да я те места плохо знаю, чаще хожу на Бабу.

— На Бабу? А это что?

— Тот пригорок, про который ты раньше спрашивал.

Мартин чуть не поперхнулся лимонадом. Он ищет Огненную Землю, а тут какая-то Баба!

— Откуда у пригорка такое название?

— По-правильному-то его называют Баба-Яга. — Мартин смотрел на нее как баран на новые ворота. — В последний день апреля там жгут ведьму из хвороста. Обычай такой.

Мартин удивленно заморгал. Ведьму! Ага, значит, разводят костер! Но ведь сейчас август...

— Да разве вчера было тридцатое апреля?

Пухленькая продавщица рассмеялась:

— Ты прав. Этим летом там почти каждый день жгут костры. А всему виною ведьма!

Морепплаватель Мартин вытаращил глаза. Запахло жареным! Огненная Земля уже встает на горизонте!

— Видишь ли, прежде там, действительно, жгли на костре ведьму. Ребята наносят уйму хвороста, бочку из-под дегтя притащат и все, что надо. Поджигают хворост, подбрасывают вверх, прыгают через костер. А нынче в тот апрельский вечер было слишком ветрено. Костер приготовили, а зажечь не смогли. Ветер бы все разметал. Вот и лежала эта куча хвороста до лета. Теперь парни про нее вспомнили. Разожгли здоровенный кострище. Но всего хвороста опять не сожгли. Ну, они и в следующую ночь... Потом еще натаскали — понравилось! В это лето мы на Бабе, у костров, собираемся чуть не каждый вечер.

— Как это? — подскочил Мартин. — И ты тоже? Вы, вы все... огнепоклонники?

— Какие еще поклонники? Эх, чего надумал!

— Что ты о них знаешь? Не отпирайся!

Сестра нахмурилась, подбоченилась.

— Ну, уж это слишком. Не забудь, я возила тебя в коляске и грела для тебя молочко!

— Ладно, больше не буду, я просто так...

Двоюродная сестра погладила его по голове.

— Мартинек, ты что-то скрываешь. Что это за поклонники?

— Да говорю же — ничего. Я только хотел сказать, — наверно, на вашей Бабе собираются здешние ведьмы.

Двоюродная сестра, которая могла быть и Либуше, и Властой, а может, и Шаркой, схватила с прилавка какую-то коробку и швырнула в Мартина. На счастье она оказалась пустой.

Зато двоюродная сестра сразу подобрела.

— Костры на Бабе — наша единственная забава. Приходи и ты. Ярда играет на гитаре, мы поем, болтаем всякую всячину, шутим...

В магазин вошла пожилая женщина. Купила хлеба, масла, манной крупы...

— Помнишь, — улыбнулась после ее ухода Власта, — как ты любил

манную кашу? Раз как-то у меня получилась с комками, а ты все равно орал: исё, исё...

— Мне пора, — быстро поднялся Мартин. — Велосипед я оставил у вас дома.

— Приезжай еще!

Но Мартин уже закрыл за собой дверь и вышел на площадь.

Дошел до конца деревни и стал глядеть на высокий холм. На склоне росло несколько диких слив. Выше зеленели кусты. (Ага, шиповник и терновник!) Еще выше росло несколько кривых березок, можжевельник, да из травы выглядывал небольшой зубастый утес.

Так вот оно что, искал Огненную Землю, а нашел Бабу! Сделал двенадцатикилометровый крюк, вынюхивал, как переодетый сыщик, — и вдруг — бац!.. Самое интересное, что здесь найдешь, — незрелые сливы.

И все же Мартин поднялся на пригорок, присел возле кострища на срубленное могучее дерево. Глядел на пепел, на обуглившиеся хворостины, и очень ему было обидно: никаких опасностей тут нет. Всего час назад он был убежден, что откуда-нибудь из-за его спины, из гущи кустов должны показаться хранители этого костра с ножами в зубах...

Вскоре Мартин уже неторопливо ехал на своем велосипеде, — конечно, кратчайшим путем, прямо на юго-восток, к дому. «Ну и попался я на удочку! — говорил он себе. — А все — Шари... Нет, этого имени он не заслужил», — одернул себя Мартин.

Он больше не сердился на Шарн. Что с него возьмешь, это же обыкновенный Рихард Чейка!

БУЛЬКИ

Рихард Чейка сидел над местом слияния Градецкого потока и Клокотки и с увлечением плевал в воду.

Мартин некоторое время издали наблюдал за ним. Потом усмехнулся. Хорошо, что он встретил Рихарда именно здесь. Они поговорят в самом опасном месте. Потому что если какой-нибудь огнепоклонник и следит за Рихардом, так скорее всего именно на Речной улице, где тот живет.

Мартин встал около будущего студента Чейки и энергично плюнул в Клокотку, чтобы обратить на себя внимание.

Это произвело эффект. Риша вздрогнул и испуганно заморгал.

«Ничего, теперь меня не собьешь с толку», — ухмыльнулся в душе Мартин, а вслух, нарочито растягивая слова, произнес:

— Еще живой?

Рихард Чейка уставился на Мартина Веселку и от удивления даже приоткрыл рот.

— Просто я интересуюсь, не замучили ли тебя до смерти огнепоклонники?

Риша только сглотнул. А Мартин продолжал:

— Вот была передрыга, правда? Что поделаешь — на Огненной Земле всегда подстерегают опасности.

Чейка встал, переступил с ноги на ногу. Казалось, он собирается уйти. Может, все еще боится невидимого лазутчика с Бабы? Мартин чуть не потерял уверенность. А вдруг огнепоклонники все-таки есть на свете, и Шари с ними встретился? Ведь его двоюродная сестра может чего-то и не знать про Бабу! Но тут Риша вдруг обрел дар речи:

— Обалдел? Какая земля? Какие огнепоклонники?

— Боишься, что тебя услышат? — Мартин улыбался, но на всякий случай закончил уже полупешотом.

— Черт возьми, говори по-человечески! Может, тебя хватил солнечный удар?

— Если тут кто ненормальный, — разозлился Мартин, — так тот, кому мерещится, будто его преследуют огнепоклонники, и кто предостерегает об этом в письмах.

— В письмах?

— Ладно. Было только одно письмо. Но зато какое! Югаретедоспре бате! Гайбеиз чивстре мной со! Мной за дятсле!

Рихард Чейка рассмеялся. Ага, понял, наконец, что отпираться бессмысленно!

— Значит, я написал тебе шифрованное письмо? И положил его в тайник?

Мартин кивнул. Неожиданная перемена в поведении Риши сбивала его с толку.

Чейка отвернулся и некоторое время стоял так, глядя вверх, против течения Клокотки, точно ждал: вот-вот по ней что-нибудь приплывет. Потом посмотрел на Мартина.

— У тебя с собой это письмо?

Мартин отрицательно покачал головой:

— Зачем оно мне? Да ты и так его знаешь!

Риша подумал и предложил Мартину:

— Пошли со мной. И по дороге вспоминай, что я тебе написал.

А потом я тебе кое-что покажу.

— Зачем мне повторять? Разве ты забыл? Югаретедоспре бате...

Риша-Шари остановился, поглядел на небо и поднял руки над головой. В ту минуту он и сам был похож на огнепоклонника. Или, скорее, на солнцепоклонника. Но Мартину только сказал:

— Изъясняясь нормально! Переведи на человеческий язык!

Однако стоило Мартину напомнить несколько слов письма, как Риша снова прервал его:

— Так, говоришь, я был на Огненной Земле?

Мартин разозлился:

— Я говорю? Это ты говоришь! Вернее, пишешь. Не станешь же ты отрицать! Никто, кроме нас, шифра не знает. Никто не знал об огнях! Никто не знал о нашем тайнике!

Риша не отвечал. Мартин поддал ногой камень, и тот плюхнулся в Клокотку. Куда ведет его Шари? Вроде бы к плотине...

— Огненная Земля... — повторил Рихард. — Я даже не знал, что ты придумал этим огонькам такое название!

Теперь бы, вслед за камнем, Мартин охотно столкнул в Клокотку и самого Ришу.

— Ничего я не придумывал! Все ты! Это в твоём письме было написано Наяненог Лязем!

— Хм... — неопределенно протянул Риша. — Огненная Земля... Вроде она где-то есть... В Австралии, что ли?

— Ах, ты даже не знаешь! Тогда зачем?... Огненная Земля — в Южной Америке. В самом низу, под Патагонией. Я смотрел карту. Куда мы идем?

— У меня есть кое-какое дельце, — ответил Риша. — И ты мне можешь.

Долговязый Риша и маленький Мартин, действительно, подходили к плотине.

Здесь, как всегда, в воде и на берегу было много полуголых ребят. Риша заговорщически подмигнул Мартину.

— А теперь гляди в оба. Кое-кого мы сейчас швырнем в Клокотку. Но отступать ты не смейся! Дай руку! Поклянись! Это в интересах Огненной Земли.

Мартин, ничего не понимая, протянул Рише руку. Может, все-таки здесь спрятался какой-нибудь лазутчик, которого надо обезвредить?

Рихард сделал еще несколько шагов и шепнул:

— Я схвачу ее за руки, а ты хватай за ноги — и в воду!

Мартин вытаращил глаза. Перед ними с книгой в руке сидела Витя Элиашева. Викторка!

Не успел он опомниться, как Риша сзади схватил Витю за руки.

— Давай! — крикнул он Мартину.

— Но... это же...

— Ты поклялся!

Мартин как во сне обжег вырывающуюся Викторку и схватил ее за ноги, под лодыжками.

— Раз-два-три!

Бульк!

Викторка плюхнулась в середину водоема. Вееером взлетели брызги. Мартин все еще не мог опомниться. Сделал шаг и чуть не споткнулся о брошенную Викторкой книгу. Ничего не соображая, прочел название: «Мореплаватели, путешественники, первооткрыватели».

Тем временем Викторка уже вылезала из Клокотки и ругала их на чем свет стоит. Такой злой Мартин ее никогда не видел и только сконфуженно переступал с ноги на ногу. Зато у довольного Риши рот растянулся до ушей. Он даже крикнул:

— Огнепоклонникам полезен холодный душ!

Наконец-то Мартин все понял, но возразил:

— Она не огнепоклонница...

— Да ведь это она все натворила! Насочиняла!

Мокрая Витя схватила книжку и побежала домой. По дороге еще раз обернулась, ее большие карие глаза точно хотели просверлить смущенного Мартина:

— Почему ты не подождал до конца недели? Экий нетерпеливый! Изумленный Мартин глядел ей вслед. Потом бросился на Ришу:

— Это ты виноват! Ты ей все рассказал! Выдал наш шифр и тайники! Предатель!

Риша только пожал плечами и протянул ему руки:

— Ладно. Брось и меня в речку.

Охотней всего Мартин убежал бы отсюда куда глаза глядят. Но одна мысль не давала ему покоя:

— Зачем ты это сделал? Зачем бросил ее в воду?
— Мы, кажется, делали это вместе? Разве с ней что-нибудь случилось?
— Но... ведь она... не будет с тобой разговаривать.
Рихард Чейка весело засмеялся:
— Ты не знаешь девочонок! Щенок ты еще...
Дальше Мартин слушать не стал. Быстро повернулся и побежал прочь.

ОЖИДАНИЕ

Огненная Земля!

Витя нашла это название в толстой книге о мореплавателях и первооткрывателях. Может, она даст почитать ее Мартину? Очень бы хотелось знать насчет этих огней...

«Огненная Земля!» — повторял утром Мартин, стоя у фрамуги своей наблюдательной вышки. Но смотрел не на северо-звпад, а скорее на юго-запад. В сторону мостика с тайником.

Вчера миновала неделя с того момента, как Мартин нашел там фонарик и предупреждение, которое начиналось словами: «Случилась беда...» И это дело рук Викторки. Значит, и правда, Витя не совсем обыкновенная девочонка...

Шари, вернее — Риша, наверняка тогда вечером, на трибуне, перевел песенку о Мартине, который «лезет сюда», за смородиновыми кустами Витя нашла фонарик с буквами М.В., а Риша похвастал: «Видишь, я был прав. Это был Мартин! Бегаешь за мной по пятам!» А потом выболтал ей все. И про шифр, и про тайник, и про огни на горизонте. Поди, рассказывал об открытии Мартина с презрительной усмешкой: мол, Мартин еще маленький, все бы ему играть...

Уж Риша-то был уверен, что Викторка только посмеется над огнями, над перевернутыми словами и тайником. А ей это было интересно. Она не посмеялась над ним, ничего девочкам не выболтала. Зато взяла письмо Мартина вместо Риши, который и думать забыл про их тайник. И сама стала сочинять...

Залезть под мостик и прочесть письмо Мартина она могла и из любопытства. Написать ответ за Шари — просто в шутку. Но то, как это письмо написано, доказывает, что настоящие приключения интересуют Викторку куда больше, чем Ришу или кого-нибудь другого из мальчишек.

А главное — какое она придумала название — название земли, мимо которой впервые проплыл Магеллан! А огнепоклонников выдумала для того, чтобы Мартин не искал Ришу и не дознался об ее участии в игре. И все пошло как по маслу. У Риши перед Мартином совесть была не чиста — ведь он выдал их тайну. Потому-то он испугался встречи с Мартином.

Мартин не спускал глаз с дороги к мостику. Она была пуста. И все же он с надеждой улыбнулся. Викторка! Уж она такая, всех перехитрит...

Наверняка рассердилась не на то, что ее бросили в воду, а на то, что Мартин нарушил правила игры. Он не должен был ездить в Карлов!

Ведь вчера кончилась неделя со дня получения письма. Теперь бы он уже получил второе письмо об Огненной Земле! А может, это второе письмо оказалось бы приглашением к путешествию на Огненную Землю? Как здорово и страшно было бы обследовать пригорок, искать следы огнепоклонников! Может, он нашел бы их тотем или тайник под кустом? Витя бы непременно что-нибудь такое придумала. Она знает толк в приключениях, и вообще она отличная девчонка, первый сорт!

Кто угадает, что еще придумала бы Викторка и как бы продолжалась игра. Да, жалко...

Вдруг Мартин насторожился. И чуть не выпал из слухового окна. На дороге показался человек! Направляется к мостику!

Неужели... Эх, вот бы сейчас бинокль!

Мартин соскочил с ящика и покинул наблюдательную вышку. Значит, Викторка решила продолжать игру в Огненную Землю. Она несет новый приказ...

Он выбежал из дому и помчался к Горке. Но на полпути разочарованно остановился. Человек миновал мостик. Он был чуточку сгорблен и что-то перед собой толкал. Опять это старый Шимон со своей тачкой!

Мартин грустно вздохнул, но все же не остановился, пошел дальше. Надежда не оставляла его. Викторка могла положить письмо в тайник еще вчера вечером. Чтобы никто ее не видел.

В Градецком потоке вода снова пересыхает. Под мостином бежит еле заметный ручеек. Так же лениво, как этот ручеек, тащится назад Мартин.

Тайник оказался пуст.



В коридоре за дверью послышалось чье-то шарканье. Я быстро захлопнул дверь и залез в ванну. Через минуту раздался звонок.

— Кого это опять черти несут! — проворчал отец, разгадывавший на кухне кроссворд.

• Звонок повторился.

— Открой! — услышал я громкий голос отца.

— Не могу! — прокричал я из ванной. — Моюсь. — И отвернул кран, чтобы мое объяснение выглядело правдоподобней.

— Именно теперь ему приспичило мыться, — услышал я ворчанье отца из передней.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер! — послышался хриплый женский голос.

— Добрый вечер, пани Ключикова.

Так я и знал! Не заставила себя ждать. Уже тут. Пять минут назад тетушка Ключикова выгнала нас — Фери, Милана, Рудо и меня — из подвала.

— Я вам дам! Я вам дам! — грозила она.

— Что мы вам сделали, тетя? — спросил Фери.

— Он еще спрашивает! Каждый день что-нибудь выкидываете.

— Это мы-то? — удивился Рудо.

— А то кто же? — тетушка Ключикова внимательно нас оглядела. Вид наших не слишком чистых физиономий (мы чинили велосипед Рудо) еще более утвердил ее во мнении, что мы самые отвратительные хулиганы. Это была ошибка, явная несправедливость. Лучше бы она посмотрела на Яно и Мишо Кроботов!

— Мы? — я огляделся вокруг и перестал качать насос. — Разве не видите, мы чиним велосипед!

Тетушка Ключикова небрежно взглянула на гаечные ключи и винты, разбросанные вокруг велосипеда. Но подозрения ее лишь возросли.

— Ничего себе — чините, — заметила она. — Всего минуту назад я видела, как вы бежали вниз по лестнице.

— Мы бежали за насосом, — включился в разговор Милан.

— А почему визжали?

Это уж слишком! Пускай мы не ходим на цыпочках и еще не успели превратиться в высохшие мумии, но назвать боевой клич апачей визгом — это черт знает что! Оскорбление нужно смыть если не кровью, то хотя бы словом.

— Сами вы визжите, — с достоинством произнес я и еще несколько раз качнул насос, чтобы придать себе смелости, а своим словам весу.

Тетушка Ключикова оперлась о стену. Казалось, она вот-вот брякнется в обморок. Но потом ей все же удалось выдать из себя:

— Я? Это я-то визжу? Слыхали вы что-нибудь подобное? — Ее голос дрожал.

Внизу отворилась входная дверь.

— Мельчиха, — шепнул Рудо. — Только ее и не хватало. Пошли!

Мы наскоро собрали инструменты, винты, тряпки и вместе с велосипедом спрятались за выступом стены. Потом через другой ход выбрались из подвала и на цыпочках взбежали на третий этаж, где жил Фери, бывший в то время нашим вождем.

— Скройтесь! — приказал он. — На сегодня кончаем.

Я жил этажом ниже. Свесился над перилами — интересно, что докладывает тетушка Ключикова Мельчихе.

— Вы слышали? Слышали?

— Нет. А что? — любопытствовала Мельчиха.

— Опять эти мальчишки! Беда с ними.

Дальше не стоило слушать. Всякому ясно, что за этим последует. Причитания по поводу дурно воспитанных, дерзких, неблагодарных детей. Тетушка Ключикова больше любит кошек, чем ребят. С кошками она всегда сладенько разговаривает, а нас гонит из парадного: «Убирайтесь! Отчего вы не идете играть на улицу?»

— Не оставляйте этого так, — слышу совет Мельчихи.

— Конечно, конечно, схожу к его папаше.

— Сходите.

Вижу: тетушка Ключикова ставит ногу на первую ступеньку. Очевидно, направляется к нам. Так и есть, я не ошибся.

Резко закрываю кран. Дверь ванной распахивается.

— Вылезай! — приказывает отец.

— Сейчас, только вытрусь. — Тру лицо и шею, хотя на них не более четырех капель воды.

— Довольно! — терпение отца лопается.

Тетушка Ключикова сидит на кухне, как архангел с огненным мечом.

— Ну, как же все это было? — сразу атакует отец.

— Что? — спрашиваю я, стараясь отдалить момент, когда неизбежно выяснится горькая истина.

— Насчет яблок.

Я прямо-таки подскочил от радости. Мне казалось, речь пойдет об оскорблении!

— Каких яблок? — переспросил я.

— Тех, что были в моем саду, — ответила тетушка Ключикова.

— Знать ничего не знаю! — выпалил я.

— Я же вам говорила, он ни в чем не сознаётся, — победоносно воскликнула пани Ключикова.

Отец с подозрением на меня посмотрел. Я выдержал испытующий взгляд, даже постарался улыбнуться.

— Если бы он был виноват, он бы сознался, — сказал отец.

«Спасибо, папочка, — подумал я. — Век не забуду».

На тетушку Ключикову слова отца не подействовали:

— Я сама видела, как он шатался по саду.

— Я хотел посмотреть на кроликов.

— Ничего себе кролики, — насмешливо передразнила тетушка Ключикова. — Не их ли ты угостил яблочками?

— Нет! — до чего меня злость разбирала, так бы и стукнул кулаком по столу. — Мы не крадем, — гордо провозгласил я.

— Кто это — мы? — спросил отец.

— Наша компания.

— Все одним миром мазаны, — не отступалась тетушка Ключикова. — Без конца по лестницам носятся, а чуть отвернешься — лезут в сад и крадут яблоки.

— Когда их у вас украли? — поинтересовался отец, возвращая тетушку Ключикову к фактам.

— В ночь с пятницы на субботу.

— Откуда вы так точно знаете? — не без ехидства вставил я.

— Молчи! — прикрикнул отец. — А почему вы думаете, что это сделали именно они? — обратился он к тетушке Ключиковой.

— А кто же еще? Взрослый рад, что ночью может спокойно выспаться, а дети...

— Дети ложатся спать в девять, — заступился за нас отец.

Но тетушку Ключикову такое объяснение не удовлетворило.

— Если только они, и правда, спят, — с сомнением проговорила она. — Сколько раз я слышала, как они верещат во дворе и после девяти.

«Это кошки твои верещат», — подумал я. А потом сказал:

— Только по пятницам, потому что на другой день не надо рано вставать.

— Вот видите! — с торжеством произнесла тетушка Ключикова. — Я же говорила: никто другой этого сделать не мог.

Лучше бы я откусил себе язык — ведь сам себя топлю!

— Однако это еще не значит, что именно они крадут яблоки, — снова вступился за меня отец. — У каждой семьи в саду две-три яблоньки. Чужие яблоки никому не нужны.

Я бы с удовольствием его расцеловал! Говорит, точно председатель верховного суда.

— Тогда уж и не знаю, пан Мразнк, — печально отозвалась тетушка Ключикова. — Но у меня украпи яблоки — это факт. А детям я вообще не верю...

— Вижу, — сказал отец.

— Дело не в килограмме яблок, — продолжала тетушка Ключикова, — главное, чтобы это больше не повторилось. Но теперь-то я глаз не спущу со своих яблонь. Вот увидите — поймаю вора и приведу к вам. Тетушка Ключикова встала и вышла в переднюю.

— Буду рад, если вы его действительно поймаете, — сказал отец.

— Не сомневайтесь. Поймаю, даже если придется сторожить днем и ночью. Ни одного яблочка больше не украдут!

— Надеюсь, — заключит разговор отец.

Дверь за тетушкой Ключиковой захлопнулась.

— А теперь я хотел бы кое о чем договориться с тобой, — обратился отец ко мне.

— Она прогоняет нас во двор, даже когда дождь, — пытался оправдаться я.

— Не удивляйся. Она любит покой.

— Она любит только своих кошек!

— Кроме них, у нее никого нет.

— Что верно, то верно, — признал я. Тетушка Ключикова жила в нашем доме уже много лет и ни с кем не подружилась.

— Такой человек нуждается в помощи, а вам бы только дразнить ее, — поучал меня отец.

На другой день я рассказал ребятам, в чем обвинила нас тетушка Ключикова. Мы сидели на деревянных скамьях перед универмагом «Утро».

— Эк чего нагородил! — испугался Милан. — Беда, если такое дойдет до мамы.

— Что будем делать?

— Отомстим, — решительно сказал Феро.

— Но как? — отозвался Рудо, взволнованный мыслью о предстоящей мести. Он встал рядом с Феро в знак того, что при любых обстоятельствах будет стоять с ним рядом, плечом к плечу.

— Увидишь, — пообещал Феро.

— Девайте плюнем на все это, — высказался я примирительно, вспомнив предостережения отца.

Только Милан молчал, глядя на струйку воды, бьющую из фонтана.

Рудо сердито на меня напустился:

— Хочешь, чтобы она все лето обвиняла нас в любых кражах? Она ведь не постесняется и в милицию заявить.

— Сбрэндил! — испугался Милан. — Этого мама не переживет.

— Пошли, — позвал нас Феро.

Войдя во двор, мы сразу же увидели в окошке тетушку Ключикову. Она спряталась за занавеской и не спускала глаз с садовой калитки.

— Поглядите, — шепнул Милан, точно боясь, что тетушка Ключикова не только увидит его, но и услышит.

— Пускай себе, — отмахнулся Фери и вдруг, ни слова нам не сказав, убежал.

Мы ждали его на третьем этаже. Фери вернулся с духовым ружьем.

— Ого! — обрадовался Рудо. — Постреляем!

— Нам сейчас не до развлечений, — охладил его пыл Фери, чтобы этот чудак не думал, будто они пойдут к забору стрелять по жестяной банке. И молча кивнул нам на чердак.

Дверь на чердаке оказалась незапертой. Первым вошел Фери, за ним Рудо. Милан остался на площадке.

— Пойдем, — позвал я его. — Неужели боишься?

— Чего? — проворчал Милан, но на чердак не пошел.

— Как хочешь. — Вслед за Фери и Рудо я ступил на чердак и потихоньку затворил дверь.

Через слуховое окно был виден сад. Сентябрьское солнце озарило пожелтевшие деревья, среди которых была и яблонька тетушки Ключиковой.

Фери достал коробку с дробью.

— Дай заряду, — предложил Рудо.

Фери лег на живот и протянул руку — Рудо вложил в нее заряженное дробью ружье.

На яблоньке тетушки Ключиковой покачивались пять краснощеких яблок. Мы смотрели на них как загипнотизированные. Было полное безветрие, но все равно казалось — они подрагивают на ветках, словно кто-то невидимый пытается раскатать ствол.

Фери затаил дыхание. Поймал на мушку первое яблоко. Выстрел — дробинка отхватила кусок листа, но яблока не задела.

— Заряди! — крикнул Рудо.

Только после четвертого выстрела яблоко упало.

— Попал! — воскликнул Рудо.

Фери рассмеялся и снова попросил зарядить ружье. Но Рудо и самому не терпелось пострелять.

— Теперь я, — попросил он.

— Каждому по десять выстрелов, — распорядился Фери.

Девятым выстрелом он сбил следующее яблоко. Оставались еще три. Рудо, который стрелял ничуть не хуже Фери, тоже сбил два яблока с третьей и седьмой попытки. От остальных выстрелов он великодушно отказался в мою пользу.

Я стрелял семь раз и, наконец, сбил последнее яблоко.

— Готово, — сказал Фери.

Озираясь по сторонам, мы покинули чердак. Фери отнес домой духовое ружье, и мы как ни в чем не бывало вышли во двор.

Окно на кухне тетушки Ключиковой было раскрыто настежь, а сама она, навалившись грудью на подоконник, во все глаза смотрела на свою яблоню.

«Этого не может быть», — казалось, шептали ее трясущиеся губы.

Рудо прикрыл рот ладонью, чтобы не рассмеяться вслух. Фери

нарочно, для отвода глаз, стал с серьезным видом объяснять ему принцип зарядки электрических батареек.

А я не знал, что делать. Спрятал руки в карманы, точно на них остались следы крови, и пошел к воротам.

— Постой! — задержал меня Рудо.

Тетушка Ключикова откашлялась.

— Мальчики, — позвала она.

Рудо и Феро с самыми невинными лицами подошли к ее окну.

— Вы никого не видели, мальчики? — спросила тетушка Ключикова.

— Где? — протянул Рудо и огляделся по сторонам.

— В саду.

Мы сделали вид, будто заглядываем в сад.

— Там никого нет, — сказал Феро.

— И не было, — добавил Рудо, а потом хладнокровно спросил: — Что, вас опять обокрали?

— Опять, — сокрушенно подтвердила тетушка Ключикова.

— Яблоки? — предположил Рудо.

— Яблоки. Теперь уж ни одного не осталось.

— Удивительное дело, — заметил Феро, — среди бела дня!

— Да, да, — вторила ему тетушка Ключикова. — И кто бы это мог быть?

— Видать, опытный вор, раз вы его даже не заметили, — Рудо с участием покивал курчавой головой.

— Никого я не видела, а ведь сторожү весь день! Только на минутку отлучилась — дать кошкам молока...

— И кто бы это мог быть? — вслух рассуждал Феро.

— Скорее всего, кто-нибудь из детей, — заметил Рудо.

— Уж и не знаю, — сокрушенно призналась тетушка Ключикова, — поди угадай. — В ее глазах блеснули слезы.

Она стояла у окна, садая и сгорбленная. «У нее никого нет, — вспомнил я слова отца. — Такой человек нуждается в помощи.» И верно, она была беззащитна и одинока. «Ну что это за месть?» — подумал я, и самому стало стыдно. Я попытался успокоить совесть — мол, тетушка подзревала нас в воровстве. Но это не помогло. Хотелось поскорее убежать.

Рудо тоже перестал смеяться и предложил:

— Пошли отсюда.

— Куда? — задумчиво спросил Феро. — Куда мы пойдем?

Тетушка Ключикова закрыла окно и задернула занавеску.

— Что теперь будем делать? — спросил я.

— Ничего, — огрызнулся Рудо.

Мы снова направились к деревянным скамьям. Феро подошел к фонтанчику, вымыл руки. Вернулся, и по лицу его было видно, что он размышляет.

— Пожалуй, мы перегнули, а? — тихо сказал он.

— Еще бы, — отозвался я.

— Лучше бы палили в консервную банку, — вздохнул Феро.

Рудо не сдавался:

— Ничего, зато получилась отличная шутка.

— Тоже мне — шутка, — с горечью произнес Феро.

— Мы ей отомстили, — стоял на своем Рудо.

— Старухе-то, — возразил я.

— Ну и что, она хотела объявить нас ворами. Вы забыли? — но Рудо говорил все тише, точно у него иссякла уверенность в нашей правоте.

— Что-то надо сделать, — опять сказал Фери.

— Но что? — спросил Рудо.

Фери пожал плечами.

— Давайте купим три кило яблок и подарим их Ключиковой, — предложил я.

— Три кило? — испугался Рудо. — Там и килограмма не было!

— Неважно, — поддержал меня Фери. — Купим ей три кило и делу конец.

— А где мы достанем денег? — поинтересовался Рудо.

И верно, капитал каждого из нас не превышал нескольких геллеров. А три кило яблок стоят около двадцати крон. Если попросить денег у родителей — не миновать расспросов: для кого да для чего...

Стоим мы во дворе и исподтишка наблюдаем за неподвижной занавеской.

— Ну, что теперь? — спрашивает Рудо. — Как мы это сделаем?

— У вас есть дома старые газеты, журналы? — спросил Фери.

— Сколько? — выпалил Рудо.

— А хоть сколько! Чем больше соберем, тем лучше.

— Встречаемся через час, — приказал Фери. — Рудо захватит тележку.

Через час мы стояли перед воротами. Бумага была связана в аккуратные пакеты, сложена на тележку. Макулатуру принимали за углом. У приемного пункта нас приветствовал маленький лысый старичок с нераскуренной трубкой во рту.

— Соревнование по сбору макулатуры? — спросил он.

Мы горячо закивали.

— Хорошее дело. Старайтесь, старайтесь...

В первый раз мы заработали семь крон.

— Мало, — сказал Фери.

Я предложил включить в сбор и Милана. Он наверняка нас поддержит. Второй сбор увеличил наши капиталы до шестнадцати крон.

— Не хватает еще четырех, — подытожил Милан, выбранный кассиром.

— Жаль, — заметил Фери, — бумаги больше нету.

— Разве так обязательно покупать три кило? — сказал Рудо. — Хватит с нас, если купим на шестнадцать крон.

— А как мы отдадим ей эти яблоки? — спросил Фери.

— Да-а-а, — протянул я. — Может, бросим на кухню через окно? Когда она выйдет прогуливать своих кошек.

Фери мое предложение категорически отверг:

— Нельзя пугать старуху. Еще получит инфаркт.

Мы снова сидели на скамье перед универсамом. Вода в фонтанчике, словно насмехаясь над нами, весело подпрыгивала. Вокруг беззаботно бегали дети, только мы ломали себе головы, как исправить то, что натворили. И чем дольше думали, тем безутешней казалось нам наше положение.

— Давайте сознаемся, — предложил Фери.

— С ума сошел! — испугался Рудо.

— А что? — Я был согласен с Феро. — Если она примет яблоки — все будет в порядке.

— Ага, в порядке, — проворчал Рудо, — видать, ты не знаешь, что такое ремень.

Вдруг Милан подскочил, точно его оса укусила.

— Что с тобой? — удивился Рудо.

— Пойдемте! — предложил Милан.

— Куда? — заинтересовались мы.

— Увидите! — Милан был загадочен.

Мы вернулись во двор. Рудо не пошел, Милану он совсем не доверял.

— Куда ты нас ведешь?

— Теперь нам крышка, — вздохнул Феро, когда Милан постучал к тетушке Ключиковой.

Дверь приоткрылась.

— Кто там?

— Это мы, пани Ключикова, — закиваяще проговорил Милан.

Рудо схватился за голову.

— Чего вам? — холодно осведомилась Ключикова.

— Мы собираем макулатуру, — продолжал Милан. — Не можете ли вы нам помочь? Разумеется, не даром.

Дверь раскрылась шире.

Через минуту мы выносили от тетушки Ключиковой груды газет, иллюстрированных журналов, картонных коробок, бумаги.

— Не меньше десяти кило, — радостно прикинул Милан.

Мы закинули макулатуру в старые мешки.

— И у меня чище будет, — говорила тетушка Ключикова. — Давно бы так.

Рудо подкатил тележку.

— Пошли! — скомандовал Феро.

И мы потопали по широкой дороге, катя впереди тачку.

— Вы что, ограбили читальню? — удивился старичок все с той же трубкой во рту.

— Хотим поставить рекорд, — сказал Милан.

Вместо предполагаемых пяти крон, мы получили четыре кроны сорок геллеров. Но всего уже набралось свыше двадцати крон.

— Отлично! — заявил Феро, взяв у Милана деньги. И мы направились к магазину «Овощи-фрукты». Купили три кило самых крупных, самых спелых и румяных яблок — уж явно лучше тех, что были на яблоне тетушки Ключиковой. Перед дверью Феро передал яблоки Милану.

— Держи, отдашь ей.

— Можешь и сам, если хочешь, — предложил Милан.

— Нет, — отговорился Феро, — это твоя идея.

Милан постучал.

— О господи! — воскликнула тетушка Ключикова, открыв дверь. — За что?

— За бумагу, — ответил Милан. — Я же говорил, мы берем не за даром.

— Но тут так много! — удивилась тетушка Ключикова. — Столько на

моей яблоньке еще ни разу не уродилось. — Она взяла яблоки, а когда увидела, как мы, потупив глаза, молча стоим перед ее дверью, улыбнулась. — Я и не знала, что в нашем доме такие славные мальчики.

Мы переступали с ноги на ногу.

— Ну, — с сомнением произнес Шеро. — Мы не хуже и не лучше других.

— Возьмите, — тетушка Ключикова стала угощать нас яблоками. — Возьмите же, — повторила она, видя, что мы стесняемся.

Мы переглянулись.

— Берите, — сказал Милан и первый взял яблоко.

Мы последовали его примеру.

Яблоки были сочные и сладкие. Да будь они хоть жесткие и кислые, все равно для нас они были бы самыми сладкими плодами начинающейся осени.

ВОТ КАКИЕ
БЫВАЮТ
УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СЛУЧАЙНОСТИ



Я наблюдал, как заходящее солнце скользит по стене нашей комнаты. Вот-вот спрячется за шкаф, и наступят сумерки. Жаль было чудесного весеннего дня, который я просидел дома над чистой страничкой тетради. Нашей учительнице по чешскому пришла в голову сногшибательная идея: мы получили задание написать кому-нибудь письмо. Кому пожелаешь, пусть хоть вообще выдуманному лицу!

Только мне писать некому. И никого я не выдумал. Может, у некоторых ребят в нашем классе и хватит на это фантазии, но я так не умею. Сижу, томлюсь, а все попусту. Внизу, на улице, ребята играют в футбол. Глухие удары по мячу отдаются у меня в голове, в спине, в груди... точно ребята целят не в ворота, а прямо в меня.

Вокруг — жуткая тишина... Никогда я не замечал, чтобы в нашей квартире было так тихо. Чем дальше, тем я становлюсь ленивей, хочется спать. Мебель вокруг идиотски на меня уставилась. До чего она старая,

потерта! Давно бы нужно купить новую. На ковре большое жирное пятно. На занавеске — дыра.

Фу, что за глупые мысли! Какое мне дело до мебели, до дыры и жирного пятна! Надо попить воды. Если не освежится, я и вправду усну.

Я выпил стакан воды с малиновым сиропом. Пил не торопясь, без всякого желания, лишь бы немножко прийти в себя. Когда я снова сел к столу, я вовсе не был уверен, что это мне помогло.

Ковыряю ручкой в носу, в ухе, чешу голову... Не взять ли яблоко? «Витамины — это как-никак витамины», — говорит наша мама. И верит в их могущество.

Сажу, кусаю яблоко и слушаю голоса ребят с улицы. Хотя бы что-нибудь пришло в голову, хоть бы какая-нибудь путеводная нить, за которую можно ухватиться, — отправился бы я играть в футбол, а вечером, перед сном, что-нибудь уж нацарапал... Но вот так, когда в башке ни малейшего следа даже самой жалкой мыслишки, я не осмеливался все бросить и уйти. Может, сунуть голову под кран? Говорят, вода — эликсир жизни. Сказано — сделано! И без промедления!

Я даже вымочил «эликсиром жизни» воротник рубашки, но сразу понял, что в мозгу у меня не просветлело. Наверное, чтобы вода действовала по-настоящему, надо погружаться в нее медленно, иначе чудодейственная сила эликсира пропадает. Где-то я читал, что мозг начинает лучше работать, когда усиливается приток крови. А лучшее средство, чтобы кровь прилила к голове, — погрузить ноги в холодную воду.

Я налил в таз ледяной воды и сунул туда ноги. Даже зашипел от холода. Ледяную воду я очень люблю, только когда прыгаешь в нее вниз головой и плывешь. Но полоскать в ней один ноги? Было чуточку стыдно перед самим собой. Все это выглядело явно не спортивно, надо же отколоть такой идиотский номер!

Вода в тазу согрелась от моих ног, а в голове по-прежнему были пустота и туман, и напрасно я ждал хоть искорки, хоть зародыша мысли. Я жутко обозлился. Швырнул тетрадь на пол да еще притопнул мокрой пяткой.

И самому себе показался смешным... К чему такой взрыв ярости, когда ты один, без зрителей? Устыдившись, я вылил «эликсир» и решил лучше отрезать кусок хлеба. Намазал его толстым слоем топленого сала со шкварками. Оказывается, я здорово проголодался! И хотя где-то я, кажется, слышал, что особой продуктивности мозг достигает, когда человек голоден, но мне уже было все равно. Я больше ни во что не верил.

Откусываю потихоньку хлеб и пытаюсь смириться с мыслью, что сочинения у меня завтра не будет. Придется что-нибудь выдумать: будто у меня болели живот, рука, зубы... Мне заранее тошно, как представляю себе, что буду стоять за партой и бубнить перед учительницей и классом этакую чепуху, которой, конечно же, никто не поверит. Но что делать? Теперь уж беде не поможешь!

Вдруг зазвонил телефон. Я лениво поднялся с места.

— Алло! У вас наш Тонда? Пускай идет домой.

— Никакого Тонды тут нет, — отвечаю я писклявому девчончьему голоску.

— Не сочиняй! Думаешь, я тебя, Ярда, не узнала? И Тонду слышу, как он хохочет. Скажи ему, чтобы сейчас же шел домой.

— Ну и тонкий у тебя слух! А как растет трава, ты случайно не слышишь? Никакой я не Ярда и никакого Тонды знать не знаю.

— Мальчишки, не думайте, что вам удастся меня провести. Тонда ходит только к вам. Пускай сейчас же идет домой, или он у меня работает!

— С удовольствием бы ему сказал, — еле раскрываю набитый хлебом рот, — передал бы твой приказ не задумываясь, даже собственноручно выставил бы его за дверь, хоть мы с ним и не знакомы, все дело в пустяке — нужно, чтобы он тут был...

— Тонже нашел развлеченье! — прервала она меня. — Я ведь слышу, как он смеется за твоей спиной. Ярда, — вздохнула она, — я боюсь одна. Пускай Тонда идет домой.

— Бонься? Скажи мне, как скорой помощи, где ты находишься? По какому адресу прописан твой страх?

— Не притворяйся, будто не знаешь. Ты все смеешься! А я серьезно. Тонда сказал: погуляю чуточку винзу, а потом забегу к Ярде.

— Где это винзу?

— Ясно — на площади Горького!

Я проглотил последний кусок. Было очень приятно, что эта испуганная девочка меня задерживает. Прекрасный повод не сидеть над тетрадью.

— Значит, по-твоему, меня зовут Ярда, — продолжаю я беседу. — Не можешь ли по крайней мере описать, как выгляжу?

— Посмотри в зеркало, дуралей, — обрезала она. — Если Тонда сейчас же не придет домой, я все про него скажу. Все! Так и передай!

— Ого, да ты, я вижу, примерная сестренка! Как тебя звать-то?

— Тебе не стыдно все время надо мной шутки шутить? Кончай развлекаться и позови к телефону Тонду.

Кажется, будет хорошая потеха. Я поудобней устроился в кресле, положил ноги на журнальный столик.

— Тонда не может сразу уйти. Он велел передать, что придет домой, когда мы доиграем партию в шахматы.

Некоторое время было тихо — на другом конце провода размышляли.

— А не врешь? Тонда ни в какие шахматы играть не умеет.

— Откуда ты знаешь, что он умеет, а чего не умеет? Тонда — зверски способный парень. Стоит ему раз взглянуть — и он уже всему научился.

— Балбес он и паршивец, как и ты, — сердито накинулась она на меня. Но вдруг голос ее сорвался и задрожал: — Пускай он идет домой, тут все время что-то скрипит.

Ого, да она здорово трусит! Понятное дело — девочка! Темнеет. А ведь она там одна. Где живет этот Тонда? Окрестности площади Горького мне не так уж хорошо знакомы. Я прямо-таки видел эту девочку, как она стоит у телефона, — длинные светлые волосы падают ей на лицо. Не знаю, почему я всегда представляю себе придуманных девочек светловолосыми, — конечно, если мне вообще такое приходит в голову! Эту я держал у телефона, точно на поводке. Сколько ей лет?

— У тебя светлые волосы? Расскажи, как ты выглядишь, таинственная «х». Уравнения решать умеешь? — спрашиваю. Мне представилось, будто мы с ней — два неизвестных в таинственном уравнении.

— Не болтай глупости.

Судя по голосу, ей лет одиннадцать, но для этого возраста девчонка на удивление решительна и находчива.

— Тонда! — вдруг испуганно вскрикнула она. — Тут что-то стукнуло и треснуло. Скорее иди домой!

— Это домовые, — говорю я, — ты их не бойся, они никого не обижают. Как только стемнеет, вылезают из подвала и забираются в квартиры. Сходи на кухню, возьми самый большой нож и держи его в левой руке. Домовые терпеть не могут кухонных ножей и сразу уберутся.

— Никаких домовых не бывает. Вообще никаких духов и призраков не бывает, если хочешь знать, — произнесла она твердым голосом. А потом просительно: — Ярде, прогони Тонду!

— Разве я могу кого-нибудь прогнать? Не хочет идти добровольно — ничего не поделаешь, факт! А тебе велел передать, чтобы ты катилась колбаской. Только на него ябедничаешь, все вкусное съедаешь, а все интересное ворует, — фантазировал я.

— Так он и сказал? — крикнула она возмущенно. — Этот Тонда — самый страшный врун на свете, можешь ему передать. Врет как по нотам! Он сам про меня ябддничает, сам все у меня ворует и съедает!

— Не слыхал, чтобы мальчишки ябедничали. Но в ваши дела мешаться не буду, разбирайтесь сами.

— Ой, кто-то стоит за дверью! — вдруг завизжала она. — Я очень боюсь. Пускай Тонда бежит домой!

Я слышал, как она волнуется. Трубку она сжимала, точно это была единственная нить, которая связывала ее с миром, откуда она ждала спасения. Пожалуй, я своим разговором немного ее успокаивал.

— погоди, ладно? — крикнула она и отбежала от телефона. Может, пошла на кухню за ножом? По звуку мне показалось, что она бежит куда-то долго, наверное, через большую комнату. Скрипнула дверь, потом довольно громко хлопнула. Ее шаги и эти звуки казались ненастоящими, как будто из телевизора или с экрана кино. Вот она уже вернулась. Дыхание такое живое, словно она дышала прямо мне в лицо. Я даже немножко ее жалел. Не живи я на другом конце Праги, я бы сбегал на площадь Горького и заорал во все горло этому Тонде, который явно окочалчивался где-то там, неподалеку: «Тонда, домой!»

— Кто там был за дверью? — с участием спросил я. — Тонду это тоже интересует.

— Не знаю, — сказала она упавшим голосом. — Я поставила перед дверью стул. Если придет какой-нибудь грабитель, я сначала услышу, как он двигает стул.

— Отлично придумано. Умница. Обычно под светлыми волосами рождаются самые светлые мысли.

— Оставь, — сказала она без злости и нерешительно. — Волосы у меня каштановые. Будто сам не знаешь! А Тонда заработает, можешь ему передать.

— Ты ему все угрожаешь да угрожаешь, а ведь он тебя любит. Говорит: «Ребята, у меня отличная сестренка. Жутко умная и внешнеюстью ничего себе. Чтобы и то и другое — это редко когда встречается. Для девчонки — вполне сносный характер, можно сказать — нормальный человек. А главное — добрая, факт».

— Так и сказал? — неуверенно переспросила она. — Он тоже доб-

рый, только ни минутки не сидит дома. Все где-то болтается. Сказал, сразу вернется, сбегает к тебе списать задание и сразу домой, а самого с трех часов все нету и нету. Если он сейчас же придет, я дам ему крону. Даже две.

— Да ты богачка! Тонда мигом примчится. Говорит, у тебя денег — куры не клюют. И мама тебе дает, и папа, и бабушка — все только знай пихают тебе монеты.

— Вот обманщик! — развеселилась она. И победным тоном продолжала: — Видишь, какой он обманщик? Ведь у нас нет никакой бабушки! Врет и не краснеет!

Я подумал, что бы еще сказать, но тут она простонала душераздирающе:

— Тонда, иди же домой! Я дам тебе красный календарик.

Этот парень, если и вправду явится, будет удивлен щедростью сестры. Не выторговать ли для него еще что-нибудь? Девчонки, известное дело, любят собирать всякую всячину, которая вполне может пригодиться мальчишке для меня.

— Послушай, Тонда серьезно собирается идти. Только хотел бы что-нибудь в добавку к календарю.

— А что? — спросила она сердито.

— Говорит, ты прекрасно знаешь. Он не хочет нахальничать, предложит сама.

Она раздумывала. Легкий шелест в трубке был, наверно, ее дыханием. Где-то в их комнате тикали часы, и этот домашний звук действовал на меня так, словно я присутствовал там, у них, своим гигантским, сверхъестественным ухом. И тут она вскрикнула, даже уху стало больно:

— Тонда! Ярда! У нас кто-то ходит в передней! Спасите!

Я испугался. Наверняка глупость, выдумка испуганной девчонки, у которой от страха глаза на лоб полезли. Она убежала. Я напрягал слух. Старался проникнуть ухом туда; к ним, точно мог ее защитить. Но положенная на стол трубка доносила только хаос далеких и неразборчивых звуков. Теперь кто-то приближался к телефону решительным шагом. Я приготовился услышать ее голос.

— Тонда пришел, — объявила она как бы между прочим, словно нечто само собой разумеющееся. И решительно положила трубку.

Конец. Но я все еще чего-то ждал, надеясь, что снова позвонит она или Тонда, хотя это и была явная бессмыслица. Ведь связь прервана, а значит, мы оба пропали друг для друга начисто и безвозвратно.

Мне казалось, я что-то потерял, или точно меня выставили откуда-то за дверь. Жалко, я ведь даже не знал ее фамилии, а то можно было отыскать их в телефонной книге по адресу.

Вдруг меня осенило. Я сел и написал этому Тонде длинное письмо. И сочинение готово! На душе сразу полегчало, будто гора с плеч.

Вот какие бывают удивительные случайности!

Между прочим,
это здорово



В классе, где я учусь, почти все — единственные дети в семье. Только у троих есть братья и сестры. А нас у мамы — четверо! Ребята из моего класса думают, будто мне жутко не повезло. Я и сама иногда так считаю. Потому что конфеты и пирожные надо делить на четверых. И все остальное тоже.

Как-то я думала: кого из нас могло бы не быть, чтобы получилось хоть на одного меньше?

Веры?

Еще чего! Да когда мама уходит на работу (она водит трамвай), Верона у нас вторая мама! И полдник приготовит, и ужин. А если мама уходит в утреннюю смену, так и в школу нас отправит. Сначала проводит на работу отца, потом нас троих, а напоследок и сама отправится. Потому что и она еще ходит в школу. Так что без Вероны мы бы не обошлись ни за что на свете!

Тогда, может, без Мелитки?

Еще чего! Ее мы любим больше всех. А она, между прочим, больше всех любит меня. Хотя, конечно, на первом месте маму, а уж потом меня. Я вожу ее в детский сад, а после обеда хожу с ней в парк качаться на качелях. Иногда мы гуляем вдвоем мимо витрин, и она держится за мою руку своей маленькой теплой ручкой. Или идем прокатиться в мамином трамвае и следим, как убегают назад витрины, фонари, газетные киоски и телефонные будки.

Нет, нет, Мелитку я бы не отдала ни за что на свете! Так, может, Милана? Как вам сказать... Милан — шалун и выдумщик, к тому же любит попользоваться чужим: то выхватит у меня из-под носа кусок шоколада, то еще что-нибудь... Правда, сейчас он в больнице (у него инфекционная желтуха), так что конфеты и пирожные делаются только на троих. Хотя все равно Милану бы их не дали, ему прописана строгая диета.

Но мне все-таки жалко Милана, ведь он должен лежать, а для него это великое наказание. Наверняка ему грустно. Мы с Мелиткой, когда идем на прогулку, обязательно подходим к больнице. Бросим в окно камушек, и Милан сразу выглянет: подпрыгивает, машет нам руками — до того рад! И еще кричит что-то, только через закрытое окно не слышно.

В субботу после обеда Верона принарядилась, сказала, что идет с Викой на футбол. Вика — ее подруга, и обе они любят ходить на футбол.

Я вышла на улицу, чтобы сравнить, которая из них будет наряднее в новом брючном костюме. И вдруг вижу: с другой стороны, от парка, бежит наш Милан. Тот, что в больнице с инфекционной желтухой!

Я так и ахнула: ну чистое привидение в пижаме! Но он меня даже не заметил — и напрямик домой, только шлепанцы мелькают.

Мама всплеснула руками:

— Господи, да откуда ты взялся?

Он бросился к маме и обнял, уткнувшись головой в ее испачканный мукой передник.

— Я убежал, — бормочет, — мне в больнице не нравится. Там все колют да колют. И бегать не дают.

Потом поднял голову и жалостно так говорит:

— Я очень хочу есть.

Он, и верно, хотел есть, сразу видно: белый как мел, и глаза запавшие. А все потому, что желтуху лечат строгой диетой.

Сел за стол и ждет. Думал, наверное, что мама подаст ему обед, но она принесла только черешневый компот. Ой, как он на этот компот накинулся — точно сто лет не ел! Мелитка стала хныкать, мама и ей дала. И мне тоже перепало! Разве на вкусные вещи имеют право одни желтушники?

Мама удивилась:

— Как же ты прибежал в одной пижаме?

— Очень просто! — говорит Милан, а сам набивает рот черешней.

— Но... по улице!

— А чего такого?

Милан даже косточки не стал выплевывать, до того оголодал.

— Но как ты проскочил через проходную? Ведь там сторож!

— А я пригнулся и прошмыгнул под окошечком, чего такого!

— Да ты еще больно!

— Вовсе не больной! Только голодный!

Мама очень расстроилась. Боялась, что доктор рассердится. Поскорей скинула передник и побежала в больницу — спросить, можно ли Милану остаться дома.

Только ушла, как мы принялись кататься на лифте. Мы живем в двухэтажном доме, но все равно лифт у нас есть, его придумал Милан.

Шкафы в комнате стоят почти рядом, расстояние между ними меньше полуметра: местечко — будто специально для лифта. Мы кладем между шкафами подушку, садимся на нее — и поехали вниз! Чем не лифт? И ни разу еще не портился.

Так мы спускались по очереди: Милан, Мелитка и я. Милан, Мелитка, я. Милан, Мелитка, я.

На шкафу как раз был Милан, когда в комнату вошел незнакомый человек. На белой шапке вышито «Нарздрав», и я сразу поняла, что он из больницы. Смотрит строго, нахмурился.

— Прошу вас, молодой человек! Машина скорой помощи подана. — Слова смешные, а смотрит строго.

Милан в последний раз спустился на лифте. Нам даже не разрешили его поцеловать.

— Он еще заразный, — сказал незнакомец.

Пришлось Милану уйти, как следует не простившись. Глаз не подымает, смотрит на шлепанцы, в которых убежал из больницы. Мелитка расплакалась. И мне стало его жалко. Я бы с радостью отдала Милану и свою долю пирога, который мама испекла к воскресному ужину. Но раз у него диетал.. Теперь-то я точно знаю, что быть одной из четверых не так уж плохо. Ребята в школе ошибаются.

Между прочим, когда у тебя две сестры и брат, — это здорово!



—Экий ты шалопай! — часто слышит Польша Врана и дома и в школе и всюду старается оправдать эту лестную аттестацию.

Идет с товарищем по улице — навстречу женщина с продуктовой сумкой.

— Я ее знаю, Бартова из нашего дома, — говорит Польша. — Возьму и не поздоровуюсь! — Руки в карманы, походка вразвалочку, дерзко смотрит ей прямо в глаза и бровью не поведет.

А бывает, найдет на него — и с воплем «Чего раззявились!» вдруг врежется в стайку девочек на тротуаре.

С танкстевенными извивами Польховой души на первом же уроке пришлось познакомиться новой учительнице, которая явилась к нам вместо тяжело заболевшего зоолога Бимы. Когда она вызвала Польшу к доске, тот принял свою любимую позу: руки в карманы.

— Вынь руки из карманов! — строго сказала учительница.

— Да, раз мне холодно, — заявил Польша и победоносно оглянулся на ребят.

А за окном, между прочим, солнечный сентябрьский день, все еще сидят в летних рубашках и платьях.

Кто-то прыснул в ладонь, напряженные взгляды следят, какотреагирует учительница.

— Тогда надень завтра свитер, — говорит она как можно спокойней.

— Извините, он у меня в чистке, — выпаливает Польша первое, что приходит на ум.

— Ладно, — говорит учительница, — садись.

Понимает, конечно, что идет на уступку, но ничего лучше придумать не может.

— Увидите в следующий раз, — пообещал Польша ребятам после урока, — увидите, на что еще способна... эта головушка, — и пальцем постучал себе по лбу.

Тут вмешался Петр. Он сидит на следующей за Польшой парте, тихий, малообщительный, троечник, любитель плавания и гребли...

— Послушай, Врана, если ты опять начнешь, как сегодня, я съезжу тебе по уху, — сказал он спокойно, ровным голосом, словно речь шла о чем-то для них обоих постороннем.

Польша воинственно задрал подбородок.

— Ого! Захочу — и скажу ей, чтобы катилась к чертям собачьим, как говорю это сейчас тебе.

— Смотри, я предупредил, — произнес Петр тем же ровным голосом и устоялся в тетрадь.

— А я тебя предупреждаю: никто не будет мне приказывать, тем более — ты, — расхорохорился Польша на глазах у всего класса. — На спор, я ее поддену... эх ты, джентльмен!

— Дело твоё, — повторил Петр и перестал интересоваться Польшой, отчего тот расхорохорился пуще прежнего. Чувствовал превосходство Петра, а к этому он не привык. Наконец, поддавшись уговорам девчат не делать глупостей и оставить новую учительницу в покое — «она ведь вовсе не плохая!», — Польша умолк.

Опытный учитель, ступив на порог седьмого класса, наверняка бы сразу почувствовал какую-то нервную атмосферу, но у новой учительницы еще не настолько развилось чутье. Она преспокойно записала в журнал, что положено, повторила с ребятами пройденное и начала объяснять новый материал. Прохаживается вдоль окон, говорит медленно и четко:

— ...таким образом, пришлось человекообразным расстаться с жизнью в лесу...

Остановится, задумается и совсем не замечает, как ребята украдкой поглядывают на Врану. Но тот эти взгляды прекрасно видит, ему кажется, что затылок его так и сверлят глаза Петра. Польша не забыл вчерашнее предупреждение — оно и настораживает, и словно бы подталкивает, дразнит... Польша колеблется. Решив пока занять выжидательную позицию, он удобно развалился на парте.

— ...хватаяющие передние конечности они используют для сбора растительной пищи...

— Фу, не люблю овощей! — не упускает повода сострить Польша.

Кто-то засмеялся, но Польша и сам понимает, что его острота не из первосортных.

Учительница никак не реагирует и продолжает объяснение.

Врана почувствовал: на карту поставлена его репутация. Вынув из кармана зеркальце, он раскрыл рот и принялся рассматривать зубы. А поскольку учительница по-прежнему не замечала или делала вид, что не замечает, решил обратить на себя внимание более энергичным способом. Откинул голову и стал ковырять пальцем в зубах, строя при этом пресмешные рожи. В классе нарастал шум. Пришлось учительнице «заметить».

— Дай-ка сюда свое зеркало, Врана!

— Да, раз у меня болит зуб...

— Зеркалом делу не поможешь. Дай его сюда!

— Да, раз мне надо знать, который зуб болит!

Класс безмолвно следит за дуэлью, в которой решается гораздо большее, чем судьба Польдиного зуба. Учительница тоже это понимает. До чего ей хочется залепить этому паршивцу пощечину! Наверняка сразу бы выздоровел.

— Что ж, сходи к зубному врачу, — мирно произносит она, даже с ноткой участия в голосе.

— Да, раз мне жалко пропустить урок. — Польша победоносно оглядывает класс. Этот гол признан всеми. Короткая пауза — и класс хохочет.

Только Петр не смеется. Он вскакивает и хладнокровно выполняет вчерашнее обещание.

Врана точно окаменел. В глазах удивление. Схватившись за ухо, он выбегает из класса.

Петр стоит между партами, и злость, заставившая его вскочить, постепенно улетучивается. В правой руке он ощущает неприятную мелкую дрожь. Слышит свою фамилию и поднимает на учительницу виноватый взгляд.

Учительница, строго сжав губы, смотрит на него, но в ее глазах светится нечто похожее на восхищение.

— Придется записать тебе замечание в дневник, — говорит она тихо, а самой так и хочется подойти и погладить этого покрасневшего от смущения парнишку по голове. «Увы, рыцарство не всегда укладывается в правила поведения школьника», — с сожалением думает она.



В новом поселке все было для Михала чужим: дома, их квартира, соседи, ребята. Только папа, с которым они четыре дня назад переехали сюда, был свой, родной. Они с мамой развелись, и теперь мама с сестренкой Дагмар живут в домике на другом конце Праги, а здесь, в небольшой квартире, где поселились папа с Михалом, пусто без них. Папа машинист, естает на рассвете, возвращается поздно вечером. Но даже когда он дома, толкового разговора от него не дождешься. Папа привык выражать свои мысли односложно: живо, постели, гляди, поужи, дай, отлично, готово. Порядок в новой квартире папа навел очень

просто: одежду побросал кое-как, и только его форменная фуражка, описав в воздухе полукруг, взлетела на полку над вешалкой. Всю еду он варил в одной кастрюле — точно вообще забыл, что обед бывает из трех блюд. Постель не застилал, костюм ни разу не переменял.

В квартире было бесприютно и тоскливо. Михал чувствовал себя покинутым. Решил проветриться. Несколько раз обошел из конца в конец весь новый поселок. И что же увидел? Несколько кварталов крашенных в разные цвета домов, утомительно однообразных и скучных... По улицам мчатся машины, люди куда-то спешат... Но куда — Михал понятия не имел, потому что все они были чужие, незнакомые. И ему захотелось увидеть, что сейчас делается там, в родном Бржезнове, где он знал каждый закоулок.

Знал, когда пани Малкова отправляется за молоком, когда должен прийти почтальон и отчего виляет хвостом соседский пес. Там у него тоже порой случались неприятности, но проспав ночь — и наутро все снова в порядке. А тут? Михал проспал на новом месте уже три ночи, и все равно на душе пасмурно. Сегодня утром даже заговорил сам с собой, просто так — и сразу забыл, о чем. Умолк, и стало еще грустней.

Не хотелось себе сознаваться, но здесь, в новой квартире, ему очень не хватало сестренки Дагмар, с которой так чудесно ссориться, хотя ей всего семь лет, а ему уже одиннадцать. На улице ему не хватало товарищей. Найдется ли тут какой-нибудь друг? И если да — то хорошо бы, чтоб это случилось до субботы, до поездки в Бржезнов, когда он встретится с Дагмар, которая хочет покататься на его велосипеде. Не жаловаться же ей на свое одиночество! Как сестренка Даша к этому отнесется? Вдруг только посмеется над его горестями?

Товарищи свалились прямо с неба. И вроде бы даже не просто товарищи, а настоящие братья. Как все получилось? Михал околачивался возле навеса с мусорными бачками, поддавал ногой пустую консервную банку. Неожиданно из-под навеса вышел паренек, на полголовы выше Михала, уголком глаза лениво смерил его с макушки до пят, до его летних тапочек, а потом недвусмысленно объявил:

— Я тебя знаю.

— Откуда? — удивился Михал.

— Вы с нашего этажа.

— Значит, ты тоже живешь в этом доме?

Михал попытался припомнить, не видел ли паренька прежде. Пожалуй, нет. Он бы его непременно узнал, очень уж приметный парень: косящая фигура, острый нос, волосы, как проволока. Только рот пухлый и круглый. Что-то в этом парне Михалу не нравилось, но что именно — он бы не определил. Зато как-никак живая душа, есть, с кем словом перекинуться, а значит — конец одиночеству!

— Меня зовут Эмилиан, — сообщил новый знакомый.

— А меня Михал.

— Мы с тобой братья.

— Я и ты? — снова удивился Михал. Он знал, что у него есть сестренка Дагмар, но брат?.. Как ни ломал он голову, никак не мог этого понять.

— Ясное дело, — подтвердил Эмилиан. — Между прочим, у меня еще пятеро братьев. Всего нас теперь семеро. Хочешь познакомиться?

— А где они?

Вместо ответа Эмилиан громко свистнул. Тут же из разных домов, из разных парадных выскочило несколько мальчишек, и все сбежались к Эмилиану. Сначала Михал даже подумал, что их не меньше десятка, но потом сосчитал: оказалось всего пятеро. С первого взгляда видно, как непохожи они друг на друга: один рыжий, второй лопухный, третий курносый, четвертый тощий, а пятый смуглый, точно цыган. Михал смотрел на них раскрыв рот: может, это бред и мальчишки ему помешались?

— Мы все — единственные дети в семье, — спокойно объяснил Эмилиан, когда ребята стихли. — Это Роман, это Людвиг, это Дивиш, это Станислав, а это Эвжен. Чтобы не скучать, мы побратались. Ты ведь тоже один?

— Да, — подтвердил Михал и сам удивился, как легко он отрекся от своей сестренки Дагмар. Но неприятное чувство быстро улетучилось, когда он вспомнил, что здесь, в этом поселке, у него действительно больше никого нет. Сколько детей живет с его отцом? Он один!

— Мы, как братья, вместе играем, вместе ходим в школу, во всем друг другу помогаем. Понимаешь? — продолжал объяснять Эмилиан, явно главный среди братьев.

— Чего тут не понять? Я тоже ваш брат, — с восторгом согласился Михал. Наконец-то он не один! Давно пора жить по-настоящему, как все мальчишки. Ведь так можно превратиться в святого отшельника!

— Ну вот, — улыбнулся Эмилиан, — я же тебе говорил.

— Ура! — в один голос завопили остальные мальчишки и тут же послали Михала домой за чем-нибудь повкуснее. Раз среди них объявился новый брат, надо устроить настоящий пир. Михал сразу сообразил, что делать: сбежал за копченым окороком, который им с отцом прислал моравский дедушка, да захватил еще семь кусков хлеба. Каждому из шести новых братьев и себе.

Когда все семеро сидели кружком за бачками и жевали копченое мясо, Михал впервые за эти дни почувствовал себя совершенно счастливым.

С этим ощущением счастья ехал он в субботу на велосипеде к сестренке Дагмар на Бржевнов. Даже не столько к маме, сколько к сестренке, потому что мама все равно еще на работе, и до обеда они с Дашей будут одни.

Хорошо ехать по набережной Влтавы! Небо полно солнечного сияния, машины сигнализуют велосипедисту. Подъем к Хотковым садам Михал одолел единым духом, даже футболка не пропотела. Даша уже стояла перед знакомым домиком в узком переулке под Белой горой и встретила брата замечанием: почему так поздно?

— Нас теперь семеро братьев! — с ходу выложил новость Михал.

— У тебя... семеро братьев? — Дагмар удивленно таращила глаза.

— Нет, только шестеро.

— И ни одной сестры?

— Сестра у меня одна — это ты, — ответил он смущенно.
— А что ты будешь делать со своими новыми братьями?
— Мы будем вместе играть, вместе ходить в школу, помогать друг другу... — вспоминал Михал слова Эмилиана. И вдруг сообразил, что про совместную трапезу лучше умолчать. Даша во всем видит подвох. Ему ли не знать ее привычек!

— Только бы они тебя не обманули, — задумчиво сказала Дагмар и покачала головой, точно хотела «рассмотреть» вопрос и с той и с другой стороны. Михалу надели ее подозрения, он поскорее опустил на велосипеде седло — пускай Дагмар покатается.

— Давай садись!

— Привет! — успела крикнуть сестренка и выехала за ворота. О новых братьях она мгновенно забыла. Пожалуй, даже не заметила, что изрядно подпортила Михалу радость от новой дружбы и заронила в его душу зерно сомнения. Ладно, захотелось братьям окорока — отчего не принести, но что им потребуется в следующий раз?

Это выяснилось в воскресенье утром. На свист Эмилиана семеро братьев сошлись под навесом с мусорными бачками. Присев на корточки, молча шевелили губами, точно произнося про себя какие-то слова. Когда кончили, Эмилиан, оглядев их, тихо приказал:

— Роман, пощупай-ка мой подбородок.

Рыжий мальчишка поднялся, пощупал...

— Ты заметил что-нибудь особенное, чего раньше не замечал? — спросил Эмилиан.

— У тебя растет борода.

— Отлично! — улыбнулся Эмилиан. — Людвик, пощупай ты.

Лопухный мальчишка пощупал его подбородок.

— Правда, у меня растет борода?

— Растет, — убежденно кивнул Людвик.

— Итак, вы обнаружили у меня на подбородке то, чего прежде не было. Выходит, мне пора бриться. Но как, если у меня нет безопасной бритвы? Кто из вас мне поможет?

Эмилиан внимательно оглядел братьев. Наверное, ожидал, что вызовутся все шестеро. Но не вызвался ни один. Мальчишки молча переглядывались. Михал даже пытался спрятаться за спины других.

— А на что у нас младший брат? — спросил наконец смуглый Эвжен.

— Ура! — закричали остальные. — Да здоровствует младший брат!

Сердце Михала куда-то провалилось. Ведь это он — младший брат!

— Правильно, — кивком головы Эмилиан похвалил братьев. — Только я не хочу обыкновенную бритву за двадцать шесть крои, я хочу бритву фирмы «Жилетт» за сорок. Понятно, Михал?

— У меня нет денег, — упавшим голосом произнес Михал. Кабы речь шла о пяти кронах, он бы еще подумал. Но таких огромных деньжищ у него в жизни не бывало.

— При чем тут деньги! — удивился Эвжен.

— Мы живем без денег! — смеялись братья.

— Тогда покажите мне магазин, где бритвы дают бесплатно, — напустился Михал. Кажется, он уже догадывался, чего хотят от него ребята.

— За углом магазин самообслуживания, — заметил Эмилиан и

встал. — Там такие бритвы есть. Возьмешь задарма. На это тебе дается неделя. Все свободны.

Ребята разбежались, словно по ним выстрелили из дробовика. Михал тоже встал, медленно подошел к Эмилиану и остановился перед ним. Кровь в его жилах вдруг потекла медленно-медленно, а мысли в голове скрещивались как молнии. Выходит, он, Михал, должен украсть бритву? Они хотят, чтобы он угодил в тюрьму?

— Я тебе подчиняться не обязан, — еле выдавил он непослушными губами.

— Хочешь, чтобы я ходил небритый? — холодно спросил Эмилиан.

— Хочу, — кивнул Михал и приказал своей правой руке дать Эмилиану затрепину. Только вот рука не спешила исполнить распоряжение. Эмилиан успел опередить Михала и энергичным взмахом двинул его в нижнюю челюсть.

Михалу вдруг почудилось, будто голова у него распухла и клонится набок. Ноги не держали. Если бы не стыд, он опустился бы на четвереньки... Весь мир вокруг завертелся. Михал качнулся вперед, как-то обмяк, но все же удержался на ногах. Казалось, прошло не менее получаса, пока он доковылял до дому.

Дагмар напряженно слушала его рассказ. Сидела в кухне на табурете и вроде бы даже про велосипед забыла. Стала еще меньше, чем была на самом деле. Она смотрела на Михала с укоризной и жалостью. Всегда и на все у нее находились возражения, она умела погасить любую надежду, но теперь явно хотела помочь брату. Когда тот кончил рассказ, Дагмар тихонько вздохнула. Сразу видно: все лопяла. Глаза ее блестели, правое плечо воинственно выдвинулось вперед.

— Думаешь, тебе придется эту бритву украсть? — шепотом спросила она.

— Ни за что.

— Думаешь, он тебя уже победил?

— Это еще как сказать! — покачал головой Михал.

— Я знаю, — оживилась Дагмар. — В следующий раз победишь ты.

— Другого выхода нет, — согласился Михал, хотя новой драки вовсе не жаждал. Подумалось даже: насколько лучше девчонкам, вот бы — раз-два — и превратиться в девчонку! Но потом он понял — этим делу не поможешь! Из старого домика на Бржезнове уходить не хотелось. Никогда прежде Михал не испытывал к нему такой привязанности, но сейчас только здесь чувствовал себя в полной безопасности. Не остаться ли? Даша и мама будут только рады. И начинать ему на всех шестерых братьев. Нет, так нельзя. Где же спасение? И он нашел его.

— Без новой драки с Эмилианом не обойтись, — угадала его мысли Дагмар.

— А я и не боюсь, — поднял голову Михал.

— Только тебе надо быть ловчее и сильнее.

— Я и сам думал... — согласился Михал.

Надо как следует поупражняться дома с гантелями... Накопить огромную силу, чтобы в будущем бою она вырвалась из него, как гейзер. Конечно, Михал не герой, но ведь и не трус же! Дагмар права, он должен стать ловчее и сильнее. Не ждать, пока ему двинут в челюсть.

— А теперь расскажи что-нибудь веселое, чего я еще не знаю, — попросила Дагмар. Она видела, что Михал принял решение.

Это была трудная неделя. Он упражнялся с гантелями, поднимал стулья, прыгал, боксировал с воображаемым противником. А солнце жарило, как всегда, в кустах пели птицы, деревья в ближнем лесочке вздыхали в ожидании ветерка. Михал взвешивал все возможности. Необходимо была не только сила мускулов, но и твердость духа. Нужно полностью освободиться от девчоночьего влияния, которого он набрался, подрастая вместе с Дагмар, воспитать в себе мальчишескую злость. И всю, без остатка направить ее на костлявого Эмилиана. Во что бы то ни стало он должен победить! Да, он будет воевать за свою свободу! Ведь если он сейчас поддастся, то, пожалуй, никогда не сможет себя уважать. И Дагмар не будет признавать в нем старшего. Михал упражнялся и упражнялся, стараясь мобилизовать все свои силы.

Даже отец заметил что-то новое в выражении его лица, хотя не очень-то обращал внимание на сына.

— Что там у тебя? — торопливо спросил он, словно куда-то спешил, а Михал его задерживал.

— Мне надо помериться силами с одним типом, а я его чуточку боюсь. Что делать?

— Главное тут — сердце, — сказал папа и еще раз со значением повторил это слово. Потом, забыв и про сердце, и про Михала, заспешил в ванную.

«Не драться же мне сердцем! — подумал Михал. — Может, папа имеет в виду что-нибудь другое? Где в человеке таятся смелость и решимость? Где в нашем теле запрятана честь? Где, как не в сердце! Все это, наверное, и хотел сказать папа. Ясно, Михал не собирается вступать в драку без сердца! В его сердце будет все, что необходимо для победы. В этом папа может не сомневаться».

В воскресенье утром Михал внимательно осмотрел свое отражение в зеркале. Дагмар советовала надеть старые брюки и футболку погрязнее, но он поступил как раз наоборот. Надел все чистое, праздничное. Он должен выглядеть достойно. Однако сейчас он не слишком себе понравился: на лбу поблескивали капельки пота, а глаза моргали так часто, как будто им тошно было смотреть на белый свет.

Раздался свист. У Михала сжалось сердце, в глазах потемнело. Нелегко было перебороть себя. Наконец ослабевшие ноги послушались. Он спустился по лестнице, вышел из парадного.

Ребята, как и в прошлый раз, сидели полукругом, один Эмилиан стоял. Он казался еще выше и костлявей, чем обычно. Лицо почти белое, могло даже показаться, будто он трусит. Так Михалу и показалось. И это привело к любопытным последствиям. Михал вдруг понял, с кем имеет дело. Сердце разжалось, он вдруг точно обрел свободу и теперь уже твердо стоял на ногах. В руках он почувствовал силу, глаза дерзко заблестели.

— Мы тебя ждем, — упрекнул Эмилиан не совсем уверенно.

— Я пришел, Эмилиан, — ответил Михал.

В эту минуту он, и правда, думал об одном Эмилиане, потому что остальные мальчишки его не интересовали. Поначалу его собственный голос донесся откуда-то издалека, но потом Михал быстро сообразил, что произнес это сам. И еще больше успокоился: значит, все в порядке.

— Где бритва? — спросил Эмилиан, оглядывая Михала сквозь прищур опущенных век. Остальные братья сидели молча и не спускали с них глаз.

— Подойди поближе — получишь.

Все видели: в руках у Михала ничего нет. Что будет дальше?

— Ах ты, поганая рожа! — крикнул Эмилиан и бросился на него. Как и в тот раз, его правая рука вылетела вперед, но в челюсть не попала. Михал стремительно пригнулся и ударил неприятеля головой в живот. Тот упал как подкошенный, Михал тоже упал, но сумел оказаться наверху. Стал коленями Эмилиану на грудь, притиснул к земле его руки и крикнул в лицо:

— Ну, хочешь еще бритву?

— Отпусти, — прохрипел Эмилиан.

— Ладно, отпущу, но чтоб духу твоего здесь больше не было!

Михал встал, Эмилиан тоже медленно поднялся и, ни на кого не глядя, покинул поле боя. Он дагался медленно, как будто его давил тяжелый груз.

— Ура! — закричали мальчишки. — Михал, теперь ты наш главный брат!

— Нет, — сказал Михал и внимательно посмотрел на каждого. — Нет у меня никаких братьев, зато есть сестра, и зовут ее Дагмар. Запомнили?

Притихшие мальчишки смотрели на Михала. Может, ждали, что он еще сделает? И он сделал: сел на велосипед и поехал на Бржезков.

ОТЦЫ, СКАЖИ ПРАВДУ¹



Сегодня с самого раннего утра мне десять лет. В школе учительница сказала:

— Встаньте, ребята, и поздравьте своего товарища Томаша Даниша. Сегодня ему десять лет!

Все встали, а Дениса Крижанова, лучшая ученица нашего класса, подошло ко мне и торжественно произнесла:

— Дорогой Томаш, мы, твои одноклассники, поздравляем тебя с днем рождения.

Лойзо Поло за ее спиной скорчил гримасу (ох и рожи он умеет строить!), потом ребята сели, и учительница вызвала Лойзо к доске. Не меня, потому что она никогда не вызывает к доске ученика, у которого день рождения. Это я знал железно и уроков не учил. Ведь вчера отмечали мой день рождения. Мама купила ананасный торт и из шоко-

¹ Печатается с сокращениями.

ладных конфет выложила на нем десятку. Отца еще не было, хоть он клялся и божился, что придет вовремя. Он пришел, когда мы доедали последнюю шоколадку от единицы, и засмеялся:

— Глянь-ка, женушка, нашему Томашу лет!

Шутка довольно плоская, но мама рассмеялась. Наверное, потому, что он назвал ее женушкой.

Мама у меня замечательная, а отец еще лучше. Он знает гораздо больше, чем мама, и притом понимает наши мальчишеские интересы. Не только умеет вести машину одной рукой, положив вторую на мамино плечо, но и починит любой мотор, миксер, даже электрический паровозик соседского Робика. О рыбах он знает уйму вещей: какую сделать насадку, чтобы они брали, на какую леску ловить судака, на какую карпа, когда мечет икру и на какую мощку наверняка выскочит форель. А уха сварит такую замечательную, что на дне котелка и капли не останется. Все-то он умеет, люди думают, будто у него вообще нет недостатков. Может, он и сам так думает, и мама тоже, но не я. Я-то знаю, что у моего отца есть один большой недостаток. Мой отец Ондрей Даниш часто вр...хм... мой отец Ондрей Даниш не всегда говорит правду. Я уже давно это знаю, но молчу, потому что он бы рассердился или ему стало бы передо мной стыдно... Вот отец и продолжает свое... Не говорит правду ни маме, ни бабушке, ни продавщице в магазине, ни папу Мелишу, который ходит с нами на рыбалку, но чаще всех обманывает меня. И только одному человеку он всегда говорит правду — старшему сержанту Поло, который живет на пятом этаже, над нами, отцу моего товарища Лойзо. Не знаю почему, возможно, потому, что у того военная форма и рентгеновский взгляд. Факт — рентгеновский. По крайней мере Лойзо так говорит, а кому это знать, как не Лойзо. Он несколько раз проверял. Последний раз — позавчера.

Мы, как всегда, играли в футбол. В нашем поселке можно играть в футбол только за котельной. Так вот, играли мы в футбол за котельной, надежно скрытые от всех родительских взглядов. Так что и отец Лойзо видеть нас не мог.

Люди у нас в поселке — порядочные растяпы. А самый большой растяпа тот, кто забыл в траве грабли. Лойзо их не заметил — они лежали в траве как раз там, куда залетел мяч, который я отбил от ворот. Лойзо — лучший футболист в нашем поселке. Могу съезжать на спор зубную щетку — когда-нибудь он будет играть на Олимпиаде. Помчался Лойзо за мячом, немного обогнал его, потом вернулся, но так и не ударил, хотя я видел, как он уже и ногу занес. Вместо мяча он с такой силой саданул по граблям, что сломал палку и, как майский жук, шмякнулся в траву. Когда я подбежал, Лойзо рассматривал разорванную левую штанину. Почему левую? Да потому что он левша, не только в футбол играет левой ногой, но даже пишет левой рукой, и совсем не плохо.

— Это твои новые штаны? — спросил я, потому что знал, о чем он думает.

— Ага, — сказал он, и мы пошли к бабушке.

Моя бабушка — человек надежный. Никогда не наядбедничает маме или отцу и зашила мне уже не одну дыру, о которой маме ничего не известно.

Бабушка зашила Лойзо штанину так отлично, что никто бы ничего не обнаружил. И мы преспокойно доиграли в футбол. Не понимаю, как

мог отец Лойзо узнать, что случилось за котельной, когда, кроме нас, никто этого не видел. Однако старший сержант Поло сразу же его прищучил:

— Опять не переоделся после школы! Покажи штаны, бьюсь об заклад — успел разорвать...

Лойзо показал отцу штатину, ясное дело — правую, но старший сержант Поло, как нарочно, велел показать другую, зашнурованную, хотя Лойзо предусмотрительно спрятал левую ногу за правую и стоял перед отцом, точно аист.

Вот я и не знаю, что лучше: иметь отца с рентгеновским взглядом, который видит тебя насквозь, даже за углом котельной, или такого, что не всегда говорит правду. Все же, думаю, лучше первое. Штаны рвутся не каждый день, с Лойзо это случилось впервые за десять лет, а я ловил отца на лжи уже несколько раз.

Закон о рыболовстве гласит, что рыбу можно ловить с пятнадцатого марта. За день до этого мы с отцом, как порядочные рыбаки, готовились к открытию сезона. Отец варил из кукурузных хлопьев кашу, перемазал маме всю плиту, но она не сказала ни словечка, в ящике дождевых червей и раскопал чуть не весь газон перед домом. Нашел всего трех, тоненьких как спички. Куда их таких? У отца с хлопьями тоже не ладилось. Каша пригорела. Кастрюлю мы спрятали от мамы в чулан — за банки с черешневым компотом. Но остальные приготовления завершились образцово. И вот в субботу утром мы загудели под окнами Мелишей, как было условлено. Пан Мелиш показался в окне с шарфом вокруг горла, в халате и сделал знак руками, что, мол, у него грипп, ехать он не может и очень огорчен, — носовым платком он вытер не только нос, но и глаза.

Отец, видно, тоже расстроился, потому что мы отродясь ездили на рыбалку с паном Мелишем, и громко закричал: дескать, это ерунда, он наловит рыбы за двоих, да еще отборнейшей!

Пан Мелиш грустно нам закивал, и мы двинулись, довольные хотя бы тем, что едем на рыбалку и что у нас нет гриппа. Но радовались мы недолго. Отец не поймал даже рыбной чешуйки. Я не мог понять почему. И отец тоже не мог понять. Сперва обвинял погоду — то дует южный ветер, то северный, а когда настало безветрие, он решил, что виноваты мои червяки, которых рыбы просто не могут разглядеть, даже если бы смотрели в полевой бинокль. Я хотел сказать, что он спугнул рыб запахом анисовки, но вовремя понял — мое дело почитать и уважать отца, а потому об анисовке даже не упомянул, сказал только, что пан Мелиш, наверное, целый день сидит у окна и ждет нас, так надо поймать для него хоть сардинку, иначе остается одно — превратиться в муравьев, чтобы он не заметил нашего возвращения.

Отец признал, что я говорю разумно, но рыбы этого не признали, хотя я изобразил им целый спектакль. Не только попросил червяка приманить карпа, но еще и поплевал на него. Все было зря, и вот наконец отец распорядился:

— Сматывай удочки, такой мертвой воды нет даже в Мертвом море!

Мне не верилось, что вообще существует какое-то Мертвое море, мы ездили только на Черное, но я с радостью собрал удочки, спиннинги и крючки, потому что вспомнил: ведь мама обещала сделать к вечеру блинчики с творогом.

Отец возился с машиной, а я ненадолго вернулся к озеру — уж очень оно стало красное. Все фиолетовое. Далеко за озером опускалось солнце, и так все кругом было здорово, что мне не захотелось уходить, хотя, конечно, блинчики с творогом гораздо вкуснее, когда они горячие. Я все еще стоял у озера; но вот отец завел машину и позвал меня, и тут я увидел, как над озером подпрыгнула сперва одна, а потом сразу другая рыба. Вторая была больше, чем моя рука, а когда она плюхнулась назад в воду — словно кто бросил туда стокилограммовый камень.

— Отец, рыбы! — крикнул я, но отец не слышал. Он уже был гонщиком на мотокроссе и о рыбах не думал. А я думал. «Почему, — размышлял я, — от отца они прятались, а передо мной выделяли балетные номера? Может, они тоже кое-что соображают, может, знают, кто им опасен, а кто нет?»

Наш «жигуленок» с воем подлетел к поселку. Издалека светились окна Мелишей. Отцу и гудеть не пришлось — пан Мелиш с завязанным горлом уже стоял у окна и сразу же, как только отец вылез из машины, спросил:

— Ну как дела, пан Даниш? Брали сегодня?

Я ожидал, что отец ответит:

— Не брали, проклятые!

Но отец, расставив руки, громко воскликнул:

— Как ненормальные!

Я посмотрел на отца: что он говорит? Но отец на меня не смотрел, только на пана Мелиша.

— Поймал не меньше десятка, девять — недомерки, а десятый... мм! — отец причмокнул, точно слизывал с ложки сбитые сливки. — Такого вы еще не видели, пан Мелиш... Красавчик, кило на три, чешуйчатый карп, хребет словно золото...

Пан Мелиш чуть из окна не вывалился, смотрел на отца, разрисовывавшего ему мифического карпа, а отец перед ним скакал, жестикулировал и сочинял:

— Ташу я его... все тип-топ, сразу видно, что он не новичок, прошел не один семестр рыбных наук: то отплывает, то на дно бросится, а я себе отпускаю леску — метров на сто отпустил, на, говорю, потешься, а потом опять наматываю, он и не заметил, как я его переэнтрил и подтащил к берегу... Вижу — голова высовывается, круглая, симпатичная... но — жуткое дело! — крючок на самом краешке губы...

Я сидел впереди, около руля, и мне казалось, словно я в театре, а не в машине перед нашим домом, и отец играет на сцене как самый заправский артист. То, что он рассказывал пану Мелишу, было ложью, но рассказывал он это как истинную правду. Пан Мелиш даже снял с горла платок и стал махать им, как будто не только отец, но и он вытаскивал из воды красавчика-карпа.

— Что же дальше? — хрипло проговорил он и утер вспотевший лоб.

Отец всплеснул руками, как делает бабушка, когда у нее сбежит молоко:

— Оборвался...

Пан Мелиш окаменел. И все вокруг нас окаменело. Только отец не окаменел и проворковал сладчайшим голоском:

— Не расстраивайтесь, пан Мелиш. Через неделю я все равно его

поймаю, не будь я Даниш! А вы постарайтесь выздороветь, чтобы не упустить этот момент...

Пан Мелиш закрыл окно, отец поставил машину в гараж. Когда мы выходили из лифта, я попросил:

— Отец, скажи правду... — Но не окончил, потому что отец закинул голову, точно хотел убедиться, не вывернул ли кто на потолке лампочку, втянул носом воздух и сказал:

— Чуешь, мама уже печет блинчики с творогом!

Второй раз я слышал, как он лгал в магазине самообслуживания.

Была суббота, а по субботам мы ездим в загородный парк. Моя обязанность — купить по дороге рогалики и молоко. Минут пять я стоял в очереди один, потом пришел Лойзо, и мне стало веселее. Мы потихоньку продавливались вперед, правда, не очень быстро. Но отцу, видно, надоело ждать в машине. Неожиданно он подошел ко мне, взял меня за руку и провел прямо в отдел. Люди, стоявшие перед нами, что-то ворчали, но отец на них — ноль внимания к громко говорит:

— А что, детям вы сетки не даете? Мой простоял тут почти час и продолжал бы стоять до вечера... Очень сожалею, но нам некогда. Дайте мне, пожалуйста, сетку...

Продащица хотела возразить, но потом раздумала и дала отцу сетку. Отец накупил всякой всячины, а молоко забыл, но я ему напомнить не стал, мне было стыдно перед Лойзо, ведь он все слышал и знает, что я стоял в очереди немногим больше пяти минут.

Тогда я снова собирался сказать своему отцу, что он солгал, но отец как раз в эту минуту рассмеялся, а когда он смеется, смеется и мама, и всем становится весело.

В понедельник утром, когда мы шли в школу, Лойзо не сказал мне, как обычно:

— Привет. Жаль, что вчера не было землетрясения, сегодня бы мы не учились.

А вместо этого сказал:

— Я бы не хотел иметь отца, который врет.

— Сам ты врешь! — закричал я, но не ударил его.

Лойзо знал, почему я не стал драться, и, поддав ногой крышку от лимонада так, что она отлетела под колесо оранжевой «Татры», добавил:

— Я бы от него ушел.

Но куда бы он ушел, сказать забыл.

В школе я думал: куда бы я мог уйти? К бабушке? Нет, там бы меня сразу нашли, к Лойзе — тоже нет, там этот старший сержант Поло с рентгеновским взглядом...

Но потом отец пообещал мне, что на день рождения свезет меня в зоопарк. Я попросил взять и Лойзо с Игорем, потому что у их родителей нет машин. Отец согласился, и я сообщил эту новость ребятам. Игорь на радостях даже перекувырнулся через голову.

На другой день я напомнил отцу про его обещание, и хорошо, что напомнил, а то он уже забыл, а я этого допустить не мог.

В день рождения, кроме ананасного торта, я получил духовое оружие и краски. Утром в школе учительница сказала: «Встаньте, ребята»... Но об этом я уже рассказывал. Только забыл добавить, что отец в мое отсутствие, видно, решил, что обещания надо выполнять, и потому сразу после торта заявил:

— Вижу, ты хороший мальчик и отлично моешь на кухне пол. Мой его каждую субботу, а вечером я покатаю тебя по автострате со скоростью сто двадцать километров в час.

— Ого, вот здорово! — Я так обрадовался, что согласился и с мытьем пола. Мама — плохой спортсмен, она сказала, что вполне хватит и стокилометровой скорости, но отец подмигнул мне — мол, пускай себе говорит что хочет...

Когда мы подошли к машине, отец оглянулся вокруг: где мои товарищи, но я сказал, что ведь Лойзо и Игорь собирались ехать с нами в зоопарк, а не на автострату, и потому я их не позвал.

— Как хочешь, только пристегнись! — заметил отец. Я пристегнулся. Мы тронулись, но этого никто из ребят не видел, а жалко...

По автострате из Братиславы до Сенца шестнадцать километров, она блестит, как начищенная, возможно, потому, что ее совсем недавно открыли. Мы неслись со скоростью сто десять километров в час — не так, как хотела мама, но и не так, как обещал отец, хотя в душе я признал, что это правильно.

Отец всю дорогу рассказывал, как строят автострады. Жаль, Лойзо не слышал. На спор, он слушал бы с раскрытым ртом. Отец у меня классный мужик, когда говорит правду. А потом он как бы между прочим заметил:

— Назад поедem по старой дороге.

Я знал почему. У старой дороги стоит ресторанчик, а отец больше любит вино, чем воду. Мама про это знает и не разрешает ему туда заходить. Но ведь я не мама. Я сын, и должен во всем подчиняться родителям. Даже когда не хочу. Отец зашел в ресторанчик, а мне велел сторожить машину. По счастью, я сторожил недолго: ресторанчик был закрыт.

Вернувшись, отец спросил, как таксист:

— Куда желаете, уважаемый?

— На край света! — ответил я.

Отец засмеялся, щелкнул меня по носу и сказал:

— Как прикажете! Я и сам еще там не бывал.

Я не знаю, где находится край света, но знаю, как туда ехать. Сначала по асфальтовому шоссе, потом через мост и через деревню, и все время петь любимую песенку отца:

Три дня за мною по пятам
Гнались жандармы по горам.
Пускай себе шмыряют,
Ан, дудки — не поймают...

Мы орали во всю глотку, а мне было обидно, что Лойзо не видит этого и не слышит. От зависти у него разболелся бы живот, потому что его отец, старший сержант Поло, петь не умеет.

Мы еще пели: «...ан, дудки — не поймают», но уже добрались до края света. До железной калитки с двумя серебристыми елочками. За ней была вилла с садиком, а запереть калитку кто-то забыл. Из калитки выскочил пес, бульдог — и прямо под колеса нашей машины. Отец нажал тормоз, сказал что-то похожее на «ох», но так тихо, что я не слышал. А может, не расслышал потому, что свалился с сиденья, хоть и был пристегнут, и стукнулся головой, обо что — не знаю.

Отец выбрался из машины быстрее, чем я, у него ведь перед глазами не прыгали искры и на лбу не высочила шишка. А когда из машины выбрался и я, отец нес бульдога к калитке и был белый, как мел. Я сразу понял, что он хочет сделать: отнести убитого бульдога к хозяевам. Представил себе, как они будут кричать, ругаться, как побегут звонить в милицию и отца поведут в тюрьму...

Я испугался и схватил отца за руку. Пришлось ему положить пса на землю и прикрыть мне рот, чтобы все кругом не услышали, как я кричу:

— Уедем, отец! Никто не знает, что случилось. Я никому не скажу! Честное пионерское!

Отец погладил меня по голове и говорит:

— Скажем правду, сын мой. Запомни, всегда и везде нужно говорить правду. — Потом вынул свою визитную карточку и засунул бульдогу за ошейник. Посадил меня в машину, и мы потихоньку поехали.

Я сидел как пришибленный. В голове — полный сумбур. Ведь это мой отец сказал: «Всегда и везде нужно говорить правду». Ну и ну!

— Но ведь ты сам не всегда говоришь правду! — возразил я отцу, когда в боковом зеркальце уже не было видно мертвого пса у калитки.

Отец сидел, точно статуя, но когда мы переехали через мост, ожил настолько, что я стал понимать, что он говорит:

— Мне было семь лет, когда кончилась война. У моих родителей был трактир, и в нем погреб, куда спускались из отцовской спальни по веревочной лестнице. Нужно было оттащить постель на середину комнаты, скатать ковер и поднять крышку. Погреб открывался дважды в день: в полдень туда спускали миску теплого варева, хлеб и кринку молока, а вечером, когда было совсем темно, оттуда выходили трое незнакомых мужчин, мылись в нашей ванной и тихо лежали в саду, под сиренью. Такого погребка ни у кого в деревне больше не было, это я узнал позже, после войны, когда отца наградили за помощь партизанам.

Отец думал, что я не знаю ни о погребке, ни о тех трех подпольщиках, которых он прятал, ни о том, что один из них — русский. Но я все знал. Ведь дети нередко подглядывают в замочную скважину и подслушивают, когда их отсылают спать или играть.

Отец приглушил голос и не сразу продолжил рассказ. Мы как раз сворачивали на ту асфальтовую дорогу, с которой нам не следовало съезжать и за миллион, и мне вдруг показалось, будто отец знает обо мне все и не только о моем подглядывании в замочную скважину. Пожалуй, он, как отец Лойзо, видит и за углом котельной. Я положил руку ему на колено.

— Да, сынок, — продолжал он свой рассказ. — Помню, была весна. На лугах цвели подснежники. Это я помню точно, потому что один подснежник я принес матери на кухню. В тот день она не варила обед, и, хотя давно уже отзвонили полдень, плита на кухне была холодная. Мама над подснежником горько расплакалась. Я плакал с ней вместе. Потом мама сказала, что жандармы увели отца в город и что мы должны быть добрые, потому что люди злые...

Отец затормозил. Перед нами горел красный свет. Пока не появился желтый, а потом зеленый, отец не произнес ни слова.

— Я тебе уже говорил: я был совсем маленький, семилетний.

Разве такой малыш поймет, кто добрый, кто злой? Но на другой день я понял это сам.

— Как ты это понял? — спросил я, потому что мы снова стояли перед красным сигналом и отец молчал. Он ответил, не отрывая глаз от светофора:

— Очень просто. Утром в наш класс вошли три человека. Все узнали одного из них — директора школы. С ним был мельник. Не знали мы только третьего, в кожаном пальто. Директор вызвал меня и велел отвечать тем двоим правду...

Колонна машин двинулась, и мы вместе с нею, а затем свернули к своему кварталу. Дома возвышались перед нами, как великаны, и сняли всеми окнами, но отец не обращал на них внимания. Он смотрел на панель управления, где светился огонек, означающий, что мы уже стоим и фары у нас погашены.

Мы стояли. Я даже не заметил, когда отец поставил машину в гараж. Он оперся локтями о руль и сказал:

— Осталось уже немного.

— Пускай будет много! — возразил я и придвинулся к нему ближе. Отец продолжал свой рассказ совсем тихо:

— Мельник спросил, знаю ли я, почему мой отец в тюрьме, я ответил, что знаю.

— Тогда скажи мне — почему?

— Потому что его увели злые люди, — ответил я.

Мельник посмотрел на директора и на человека в кожаном пальто и говорит:

— Спроси у моей дочки Анички — разве я злой человек? Аничка, какой я человек?

Аничка встала и заплакала, я и сейчас не знаю, отчего она плакала. После войны они уехали из нашей деревни, так что я этого никогда и не узнаю.

Отец закурил, и я впервые обратил внимание, что он похож на бабushку, как я на свою маму.

— Потом тот, в кожаном пальто, поднял указательным пальцем мой подбородок и добрым голосом спросил, были ли у нас гости и кто? Мол, он даст мне свой кожаный ремень — и тут же принялся его расстегивать. — Отец повернулся ко мне. — Да будет тебе известно — о кожаном ремне мечтал тогда каждый мальчишка. И я, конечно, тоже. А его ремень еще был лакированный, с серебряной пряжкой — ну а мне было всего семь лет, и никто на свете не купил бы мне такого ремня...

Я застыл, как бывает, когда учительница вызовет к доске, а я не знаю урока, и схватил отца за руку.

— И ты ему сказал?

Отец криво усмехнулся.

— Чуть не сказал, — сознался он. — Да директор еле заметно покачал головой, и я сразу понял не только то, что не должен говорить о тех тронх в нашем погребке, но понял и то, как выглядит добрый человек. Как наш директор.

— А потом? — допытывался я.

Отец вздохнул, но продолжал шепотом.

— Потом я врал, — сказал он и выкинул в окошко машины недокурную сигарету. — Врал, что не знаю никакого погреба под отцовской

комнатой. Врал, что никогда не видел в нашем доме и в нашем саду тех трех незнакомых людей. Врал, что у нас в ванной, кроме нас, никто не моется. И чем больше я врал, тем больше был доволен наш директор и кивал головой, так что меня оставили в покое. А теперь, сын, спроси, зачем я тебе это рассказываю.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил я тихо, потому что громче у меня не получилось.

— Чтобы показать тебе разницу между ложью и ложью. — Отец обнял меня за плечи, как маму, когда ведет машину одной рукой.

Я прижался лицом к его груди, — хоть к правой стороне, но все равно сердце слышал. Оно стучало громко, и я отчетливо понимал его речь, заранее догадываясь, что скажет отец.

— Я знаю, что ты думал обо мне, когда я расписывал наши рыболовные успехи пану Мелишу. Знаю, ты себя при этом чувствовал отвратительно. Но я хотел доставить пану Мелишу удовольствие. А что приятнее всего рыболову, который заболел гриппом и должен сидеть дома? Рассказ об увлекательной рыбной ловле...

— Ясное дело, — сказал я.

— Знаю, тебе не понравился и тот глупый случай в магазине, — продолжал отец. — Завтра же схожу туда и извинюсь. Пойдешь со мной?

— Ясное дело, — ответил я.

Отец лотрепал меня за ухо и сказал, как мужчина мужчине:

— Даю тебе слово, это не повторится. Ты мне веришь?

Я опять хотел сказать: «Ясное дело!» — но вместо этого сказал:

— Я верю тебе, отец.

Отец был легкий, как птица. Стукнул меня по спине, а перед этим поцеловал в лоб. Не знаю, почему именно в лоб, но отец-то наверняка знает. А потом мы вышли из машины и направились прямо к старшему сержанту Поло.

Тот уже был в халате и шлепанцах, но когда мы пришли и отец стал рассказывать, что с нами случилось, снова надел форму. Когда отец рассказывал, я держал его за руку и радовался, что мне никогда больше не придется просить:

— Отец, скажи правду...

Убили нашего Виннету



В нашей школе произошла ужасная трагедия. Началось это так: мы все походили с ума от Виннету. И от Виннету, который в фильме, и от Виннету, который в книжке. Все стали индейцами. Эло Зубец был вождь Виннету, я его помощник или заместитель. Сделали налобные повязки с перьями, томегаки и трубку мира, правда, все в тайне — поди угадай, придется ли это взрослым по вкусу!

Сами не знаем, откуда проведали про это наши учителя. Ведь мы дávalи обет молчания. Но так или иначе, им стало известно главное: мы потеряли головы от Виннету, Олд Шэттерхенда, Ншочи и Рибаны. Что тут началось!

На уроке математики нам предлагали такие задачи: если Виннету мчался на коне со скоростью «х» из точки А, а Олд Шэттерхенд со скоростью «у» из точки В, где и когда они встретились? Или: Олд Шэттерхенд узнал, что его другу Виннету угрожают бледнолицые. С какой скоростью он передвигался, если столько-то километров проехал за такое-

то время? По грамматике мы писали трудный диктант на тему «Виннету и его друг Олд Шэттерхенд». Там не было ничего общего ни с историей Виннету, ни с историей его друга Олд Шэттерхенда, на каждом шагу были расставлены ловушки на всевозможные правила, и даже Великий дух вождя Маниту не спас многих от единицы.

На классном часе нам вдалбливали в головы, что мы не умеем себя вести, мол, Виннету на нашем месте вел бы себя так-то и так-то, и, разумеется, мы должны брать с него пример. И пошло, и пошло!

Поначалу мы слушали весь этот бред серьезно, потом нас начало от него мутить.

Первым взбунтовался Эло Зубец, наш настоящий Виннету. Послал под партами листок, исписанный печатными буквами:

БРАТЬЯ! ЭТО БЕЛИБЕРДА! ВИННЕТУ НЕ ЗАНИМАЛСЯ АРИФМЕТИКОЙ. ОН ВОЕВАЛ! НАС НА МЯКИНЕ НЕ ПРОВЕДЕШЬ!

И мы нарочно не стали считать, с какой скоростью шел Виннету, а ошибки в диктанте сажали кто во что горазд. Думаете, нас поняли? Ничуть не бывало. Свалили все на нашу бестолковость и лень! И стали еще больше пичкать нас примерами с Виннету и Олд Шэттерхендом. Мало того, это как заразная болезнь перешло и на остальные предметы. Виннету писал химические формулы, был втянут в сферу действия физических законов и явлений, попал даже в географию, хотя мы проходили горы Чехословацкой Республики.

От такого Виннету у нас головы пухли.

Виннету не слепопыт, а математик. Не волшебный стрелок, а знаток грамматики. Не вождь, а обыкновенный турист, бродящий по Татрам.

Ох уж эти бледнолицые! Что-то должно было произойти. Что-то необычное!

И вот тайно собрался совет нашего племени, сидим — ноги крест-накрест, налобные повязки повесили на тотемный столб.

— Хватит, мы сыты таким Виннету по горло! — начал Эло и сплюнул сквозь зубы. Все зашумели в знак согласия. Ясно, сыты по горло! Но как мы дадим об этом знать учителям? Очень просто. Напишем на доске.

И вот на другой день перед математикой на доске было написано большими буквами: **УБИЛИ НАШЕГО ВИННЕТУ!**

Пришла училка, поглядела на нас, потом на доску и говорит:

— Сотрите, будем решать задачи. Эло Зубец — к доске!

И опять пошло! Виннету мчался со скоростью «х»...

Волосы у нас вставали дыбом... а Эло, конечно же, схватил кол.

Перед уроком грамматики мы снова написали на доске: **УБИЛИ НАШЕГО ВИННЕТУ!** И опять нам велели стереть, потому что мы изучали склонение имен существительных и первым склонялось **РУЖЬЕ** Виннету.

Это уж было слишком! Этого уже нельзя было перенести.

И вот после уроков мы собрали новый совет, ликвидировали наше индейское племя, налобные повязки разорвали, а перья пустили по ветру, томагавки закопали в землю, трубку мира выбросили в реку. И дали торжественное обещание не ходить на фильмы о Виннету, не читать о нем книжек. Для нас Виннету не существует, нашего Виннету убили.

Пускай теперь делают с ним что хотят на уроках математики, грамматики, химии, физики... Нас это вообще не касается!



Возьми еще, — предложила мама.

— Спасибо, не хочется, — ответил я.

— Смотрите-ка, — сказал папа, — талию блюдешь?

Какая уж талия!

Иногда я съедаю галушек в три раза больше, я их жутко люблю, но сейчас не знал, как бы поскорее выскочить из-за стола: пока длился ужин, я только и думал, как бы смыться на улицу, как бы что не помешало.

Это было очень важно.

Военный совет назначил Мишо, и все ради нас, ему-то самому беспокоиться не о чем: он-то высокий, его, пожалуй, пропустят и так. Это просто здорово, что он захотел помочь товарищам, придумать что-то и для них. Только не надо было назначать совет после ужина. Ему хорошо, может вечером выйти на улицу, у него одна мама, да и та возвращается с работы часов в десять, а нам, остальным, это не так-то

легко. Но никто и словечком не обмолвился, все делали вид, будто для них это раз плюнуть.

Интересно, как выберется из дому Борис? Мы ни о чем не сговаривались, делали друг перед другом вид, точно нам море по колено, а теперь и он явно мозгует: как попасть в подвал?

Дело в том, что Мишо назначил место сбора в подвале своего дома. Вернее, на ступеньках, ведущих в подвал, потому что сам подвал дворник запирает. Но лестница там широкая (это старый дом), и сидеть на ступеньках очень даже удобно. Мы уже приняли там не одно важное решение.

— Правда, больше не хочешь? — спросила мама и, когда я завертел головой — нет, мол, не хочу, — начала собирать посуду.

У меня напряглись все мускулы.

Сейчас мама пойдет на кухню, а папа, как всегда, начнет искать сигареты. В этот миг я попытаюсь смыться.

Десять, девять, восемь, семь... считал я про себя, как в телевизоре, когда показывают взлет ракеты, — четыре, три, два, один... пуск!

Я катапультировался со стула, одним прыжком оказался в передней, а когда дверь за моей спиной хлопнула, был уже этажом ниже — единым махом перепрыгнул ступеньки, как знаменитый разбойник Яношик.

Не знаю уж, кричала мама мне вдогонку или нет, я мчался вниз с такой скоростью, что даже голова закружилась.

Когда я выскочил за дверь, было ясно: я спасен. Вот она, выгода жить на восьмом этаже! Остальным ребятам мамыши могли кричать из окна, но у нас такой номер не пройдет: с такой высоты все равно ничего не услышишь, тем более — когда слышать неохота.

За углом я замедлил шаг. Не могу же я примчаться в подвал, точно взмыленный жеребец!

Тут я увидел, как из-за угла, будто мотоцикл на гравевой дорожке, вырывается Борнс. Заметил меня и притормозил так резко, что даже зашатался. Ага, значит, и у него были свои сложности!

Дальше мы пошли вдвоем. В доме, где жил Мишо, уже собралась вся компания.

Говорил Йожо.

— Предлагаю вот что. Сложимся и купим в буфете конфет. Мишо, раз он побольше, угостит билетершу, она будет рыться в кулке, выбирать, что повкуснее, а мы тем временем проскочим.

— Как бы не так — проскочим! — возразил Дэнё. — Она вытащит конфетину не глядя.

— Пускай Борис завопит: «Пожар!» — высказался я. — Билетерша закричит: «Где?», засуетится...

— ...всех зрителей выведут из кино на улицу, сеанс будет сорван, нас поймают, завтра всех вызовут к директрисе, и тройки по дисциплине обеспечены, — продолжил мою мысль Жиго.

— Не каркай, — прервал его Феро. — Трусишь, так не ходи. Никто тебя не заставляет.

— Кто трусит? — взвыл Жиго. — Сам ты трусишь! А с пожаром все равно ерунда. Пускай лучше Мишо подойдет к билетерше и скажет: «Извините, вас к телефону!»

— Она запрет дверь и пойдет. А потом попробуй попадись ей на глаза! — заметил Борнс.

Мы молча размышляли.

Разве просто придумать, как попасть в кино, когда на афише написано: «Дети до 16 лет не допускаются»?! Это был ковбойский фильм, самый настоящий боевик! Мы уже целую неделю рассматривали картинки в витрине. И ждали, когда наконец сменят программу... Но едва тот кинобоевик начали демонстрировать, мы обнаружили на афише проклятую надпись: «Дети до 16 лет не допускаются».

Ковбойский фильм — и не допускаются! Слыханное ли дело!

Мы так и застыли перед витриной с разинутыми ртами.

Такого подвоха никто не ожидал. С каких это пор ковбойские фильмы только для взрослых?! У них и так фильмов хоть отбавляй, еще и ковбойские у нас отнимают. Нет, это уж слишком! Ковбойские... они ведь испокон веку специально для мальчишек. Мы были возмущены. И, воротившись из кино несолоно хлебавши, решили, что так дело не оставим. На этот фильм мы должны лопасть во что бы то ни стало!

И вот мы сидим и ломаем головы.

— Я думаю, — помолчав, сказал Жиго, — надо незаметно бросить на пол десятикратную бумажку и сказать билетерше: «Смотритель! Десять крон! Кто-то потерял! Спрячьте их у себя, может, кто спросит!»

Она нагнется — кто не нагнется за деньгами! — а мы пока прошмыгнем в зал.

— А что если наши десять крон подберет кто-нибудь из зрителей? — усомнился я.

— И у кого из нас есть лишние деньги? — подхватил Данё.

Воцарилась тишина. Лишних денег ни у кого не было, предложение не прошло.

— Нет, надо брать за дело с другого конца, — сказал Мишо, который всегда строил из себя умника, но никогда еще ничего лутного не придумал. И теперь тоже не мог объяснить, с какого такого конца.

Мне было холодно. Лампочка еле мигала, из подвала, от картошки, тянуло плесенью. И я подумал: как бы поскорей что-нибудь сообразить, не сидеть же тут до ночи! Чем позднее вернусь домой, тем больше достанется. Но меня уже клонило в сон, и сообразить я ничего не мог.

— Придумал! — вдруг воскликнул Борис. Все на него уставились. — Билетершу не надуешь, это глупости. Единственное, что можно сделать, — это выглядеть шестнадцатилетними.

— Но как? — протянул Фери, самый маленький из нас и жуткий забияка, потому что всякому, кто давал ему не больше девяти, он отвечивал оллеузу.

— У всех есть сестры... — сказал Борис.

— У меня нет, — залпотестовал я.

— ...или мамы, — продолжал Борис, — можно стащить парик. А в парике любой из нас сойдет за шестнадцатилетнего.

Мы задумались. Идея неплохая.

— И очки! — неожиданно вскричал Жиго. — В тонкой оправе, как у битлзов и стариков! Я стащу у дедушки!

— У нас нет! — хором отозвались Фери и Мишо.

— Очков? — удивился Жиго.

— Дедушек! — ответили оба.

— Тогда стащите у папаш темные очки от солнца, — нашелся Борис. — Они закроют все лицо.

— Нету, — объявил уже только один Мишо. Мы забыли, что его мама разошлась с отцом.

— Возьмешь мамини, — утешил его Жиго.

Все видели, что Феро хочет еще что-то сказать, но не решается. Весь красный, он, видно, стеснялся напомнить нам, что при его росте ни очки, ни парик не помогут...

Борис угадал.

— А кто маленький, возьмет у мамы босоножки на платформе. — И глянул на Феро.

— Бабские? — захохотали ребята.

— Болваны! — разозлился Борис. — Поглядите, какие длинные у нас брюки. Из-под них видно только самый низ подошвы! Женских туфель тоже никто не увидит! Одна подошва...

И это показалось нам вполне разумным.

Борис, и верно, голова!

— Может, у кого есть другие предложения, как проникнуть на вражескую территорию, не применяя огнестрельного оружия? — спросил он.

Других предложений не было.

Пожалуй, еще и потому, что большинство из нас уже обдумывало вопрос, как вернуться на вражескую территорию родного дома.

На другой день после обеда я забрался в чулан. Помнилось, в какой-то коробке с барахлом я видел старые дедовы очки. Но в которой?

Я прикрыл за собой дверь и двигался, как мышь, но когда понадобилось заглянуть на верхнюю полку, дощечка подо мной треснула, и я с жутким грохотом сверзился на пол.

Дверь распахнулась.

— Что ты тут творишь?

— Ничего.

— Это не ответ! Почему ты в чулане?

— Ищу дедушкины очки.

— Зачем?

— Я... Я... Я в школе плохо вижу... что на доске... хотел попробовать...

— Плохо видишь? — всполошилась мама. — А почему ничего не сказал?

Я выбрался из-под горы вещей, которые потянул за собой при падении.

— Иди в комнату, — велела мама.

В комнате она посадила меня на стул и куда-то убежала. Вернулась с афишей, объявлявшей о концерте группы «Потоки», которую я повесил в передней.

Мама приложила афишу к стене и сказала:

— Читай.

— Потоки, — прочел я.

— Нет, что помельче, — велела она, — виизу.

— В пятницу, пятнадцатого мая, в молодежном клубе, — читал я.

— Еще ниже.

Буквы были совсем мелкие, но я видел их прекрасно, однако сообразил, что, если прочту верно, мама догадается: насчет зрения я ее обманул.

— Бото... тобо... — мямлил я.

— Не видишь?

— Зибо...

— Типография Мартин, — сказала мама. — Ты, и правда, не можешь прочесть?

Я испугался и сделал шаг к отступлению:

— Как когда... то вижу, то не вижу...

— Пойдем к главному врачу, — сказала мама, но сразу о чем-то вспомнила и поглядела на меня с подозрением. — Не пойму только, зачем ты это скрывал, зачем тайком искал дедушкины очки, когда прекрасно знаешь, что чужие очки вообще не годятся.

— Я только хотел попробовать, пойдут ли они мне, — соврал я, но больше искать в кладовке не осмелился.

Вечно у меня неприятности.

Еще придется идти к главному врачу!

В день, когда была назначена наша операция, я сказал маме за завтраком:

— У тебя красивая прическа.

Это я сказал просто так, для пробы, потому что сам никогда бы не определил, когда мама «от парикмахера», а когда ее «словно только что вытащили из Дуная» (есть у нее такое любимое выражение). Мне-то кажется, она всегда причесана одинаково. Но я знаю: три дня перед тем, как идти к парикмахеру, мама носит парик, иначе, мол, на нее глядеть тошно. Это она так считает, а по-моему, так вовсе не тошно.

Сегодня я заикнулся про прическу, чтобы знать, наденет ли мама парик.

Если да — я погиб.

— Ох, умираю, — сказала мама папе. — Федор заметил, какая у меня прическа. Вот чудеса!

— Старееет, — отозвался отец и налил себе еще чаю.

— Заметил, да все равно неправильно: ведь я сейчас выгляжу, словно меня только что вытащили из Дуная.

— Нет! — дико возопил я.

Родители переглянулись.

— Нет! — продолжал кричать я. — Ты выглядишь замечательно! Как будто прямо от парикмахера!

— Что с тобой? — удивилась мама. — Что ты раскричался? И вообще, какое тебе дело до моей прически?

— У тебя красивые волосы, — сказал я. — А в парике ты, как пугало. Не наденешь его сегодня?

— Странные речи, — промолвил отец и взглянул на меня с подозрением.

— Пожалуй, пора бы его и надеть, — вздохнула мама, — но у парикмахера я буду только в среду. Еще три дня придется потерпеть без парика.

Когда я вернулся из школы, парик лежал в шкафу. Я был дома один, родители еще не вернулись, и можно было спокойно заняться

своей внешностью. Я надел парик, глянул в зеркало: ну чистое чучело! Длинные волосы чуть не до плеч, пришлось впереди расчесать их на пробор, чтобы хоть немного походить на мальчишку. Пускай чучело, а все-таки я стал гораздо старше! Прав был Борнс.

Из ящика я взял темные отцовские очки. Порядок! Но все казалось — чего-то не хватает... И тут мне пришла в голову отличная идея.

Я сбегал в спальню и вытащил из шкафа мамину новую кружевную блузку. Мама принесла ее на прошлой неделе, и мы с папой не поверили, что в нее вообще можно влезть, такая она была маленькая. Но мама сказала, что в том-то вся штука: блузка «безразмерная», а это значит: она растягивается на какую хочешь фигуру.

Растянется и на меня. К тому же я ведь тоньше мамы!

И верно, растянулась как миленькая. Никто бы не подумал, что она не моя.

Парик, кружевная рубашка... видок, точно у тех парней, о которых папа говорит: «Дунешь — и нет его, улетит!»

Улетит или не улетит — еще неизвестно, зато любому из таких парней не меньше шестнадцати. Кто моложе шестнадцати, того в таком виде ни за что в школу не пустят. Еще раз окинул взглядом комнату.

Цепочка!

Вот она, на туалетном столике. Мама надевает ее вместо пояса на платье.

Так, нацепим на шею.

Я оглядел себя в зеркале.

Лучше не бывает!

•

Около трех я отправился в кино. Бежал вниз по лестнице и боялся, как бы кого не встретить: соседи целый день так и шныряют в лифте туда — сюда. Прогмыгнул по нашей улице и понял, как много значит одежда. Я нарочно не поздоровался с соседкой Шишнячковой, а она меня даже не узнала. Покосилась и проворчала:

— Фу ты, чистый Тарзан!

Где ей сообразить, что это я! Вот потеха! Я хохотал еще за углом, но тут вдруг меня ткнул в бок какой-то хулиган. Я спросил:

— Будем драться?

В ответ он заржал, и тут я понял, что это Борнс. Ну и ну! На нем сестрины джинсы, ее же белый свитер и блондинистый кучерявый парик. Я чуть не лопнул со смеху, он, глядя на меня, — тоже. Мы хохотали, словно ошалелые, люди на улице оглядывались и качали головами.

Остальные ребята тоже были хороши.

Мы с Борисом увидели их перед кино и взвыли, как шакалы: у Данё с носа падали очки, у Феро из-под брюк торчали полуметровые каблучки маминих туфель.

Вдоволь нахохотавшись, мы двинулись в кино. Феро держался за меня, в своих очках он ничего не видел. Шел, опираясь на мою руку, — ни дать ни взять инвалид.

Борнс собрал деньги и кинулся в кассу. Мы издали приглядывались к билетерше.

Это была пожилая женщина, на вид не слишком приветливая. Глянула на нас разок-другой, но особого интереса не проявила.

Борис вернулся с билетами, роздал их: теперь каждый должен действовать на собственный страх и риск. Кто не пройдет, сам виноват, надо было лучше переодеться.

Первым отважился Мишо, потому что он самый высокий.

Протянул билет, билетерша равнодушно оторвала корешок, и Мишо с победоносной улыбкой вступил на завоеванную территорию. Остановился неподалеку и стал ждать: как остальные...

— Иду, — прошептал Данё голосом злодея из телевизора. Парик у него съехал набок, сзади торчала голая, стриженная шея.

Прошел.

Жиго... прошел.

Борис... прошел, билетерша на него даже не взглянула.

Тогда мы с Йожо, осмелев, двинулись вдвоем, подали билеты, билетерша равнодушно оторвала корешки — и мы в кино!

Сердце стучало от радости. Но вдруг не пройдет Феро, ведь он, бедняга, самый маленький...

Вот он приближается к билетерше, словно всходит на помост гильотины, подает ей билет и замирает...

— Проходите, — торопит его билетерша и берет билет у следующего.

Феро пошатнулся, как лунатик, и, точно во сне, проплыл в коридор, где стояли мы.

И тут случилось невероятное.

В кино ввалились пятеро ребят из параллельного «б» класса, беспечно достали свои билеты, показали билетерше и как ни в чем не бывало прошли к нам в коридор.

Мы глазам своим не верили — застыли, как мумии, рты разинуты, глаза вытаращены: вот чудеса! Прошли без всякого страха, без всяких там фиглей-миглей, без переодевания, да еще как нахально! Смеялись и маршировали мимо билетерши точно солдаты в строю!

Что такое?

Но если сначала мы стояли как изваяния, то в следующее мгновение изваяниями стали ребята из «б» класса: едва они нас узнали, челюсти у них отвалились.

— Поглядите на этих дебилов! — первым опоминлся Лишка, самый драчливый в их классе.

И пошла потасовка!

Никогда не забуду: мы покраснели, как раки, живо стащили с себя парики, Данё, бегая за Лишкой, растянулся на лестнице, потому что в очках ничего не видел, Феро потерял мамину туфлю, а когда «бешники» стали над нами смеяться, стащил с ноги другую туфлю и давай лупцевать их по головам. Но ужаснее всего был позор, который мы пережили после схватки. Оказывается, мы не заметили на дверях надпись:

«По техническим причинам с вечера 15.30 вместо фильма, указанного в программе, будет демонстрироваться кинокартина-сказка «Золотой ключик».



Пока Тоник читал, он был сильным, находчивым путешественником. Теперь все. Книга дочитана, он прижимается животом к твердой доске стола.

Холодно, надо бы затопить, думает Тоник, но тогда придется бежать в подвал за углем. Нет, никуда он не побежит. Скоро зайдет Ростя, и они вместе отправятся на стадион. Там уж будет не до холода!

Ого, ноги, и правда, озябли! А когда еще придет этот Ростя? Может, через час? Пожалуй, все же надо сбегать в подвал. Он затопит и весь этот час просидит в тепле.

Тоник снял с вешалки ключ, подхватил ведро для угля, и ноги вдруг сами понесли его вниз. Ступеньки замелькали одна за другой, и вот он уже перед дверью подвала. Совок подскочил, с металлическим звоном ударился о ведро. Тоник африканец, он танцует и бьет в барабан, созывая соплеменников на большой праздник у костра.

Это их закуток, а рядом владения Махачеков. У них там все еще стоят старые оконные карнизы. Тоник набирает в ведро уголь. Со стуком и грохотом. Пыль так и лезет в нос. Теперь он уже не африканец, а маленький гномик, который добывает из земли гигантские куски окаменевших хвощей, превратившихся в уголь.

Тоник запирает подвал и мчится наверх. Навстречу ковыляет бабушка Махачкова. Божий одуванчик, сущая пушинка, дунь — и улетит, только ведро и удерживает ее на земле.

— Подождите, пани Махачкова, — Тонда сам не знает, как очутился в подвальном отделении Махачеков, где стоят эти старые карнизы. Ох ты, у бабушки Одуванчика одни здоровенные кусища, придется их разбить. Ага, вот и топорик. Тонда перевернул его тупым концом и бьет. Он каменотес. Вокруг летят черные осколки, но хватит, теперь можно собирать, а этот кусок он положит сверху, такой как раз войдет в бабушкину печь.

Пробегая наверх мимо своего ведерка, он чувствует, как радуются руки и ноги, как прибывает силы в плечах. На ум приходит фраза, как будто вычитанная из книжки: «Его статное тело напряглось...» Экая чушь лезет в голову!

— Пожалуйста, бабушка Одуванчик, осторожнее, не улетите, я хотел сказать — осторожнее, не ударьтесь совом! — И наложил бабушке полную печь угля.

— Спасибо, Тоничек, ты хороший мальчик, — сказала бабушка Одуванчик и закрыла дверь, чтобы ее не унесло сквозняком.

Тут отворилась дверь напротив, выглянула детская голова.

— Если ты опять доказываешь всему дому, какой ты герой, можешь принести ведро и нам, — прерываясь от волнения, произносит девчачий голосок. — Подумаешь, задавака!

— Запросто, — говорит Тонда и небрежно отстраняет малышку от двери, словно это веточка ивы, вся в сережках. — С дороги, Ивушка! Принесу вам угля, извольте дать ведро, пани Бартова.

Снова ступеньки мелькают под ногами. За его спиной они взлетают вверх, если так будет долго продолжаться, скоро они долетят до самого неба. Это подвал пани Бартовой? Ну конечно же, ключ подходит. «Тонда, — обычно говорила она, — ты умный мальчик. Мой муж сообщает в школу, что ты занимаешься общественно-полезным трудом». Тонда набирает и набирает уголь, роет нору словно крот, ноги больше не зябнут, руки горят, постепенно он сам превращается в раскаленный уголь, так ему жарко. Сбросил свитер, повесил его на гвоздь, все равно придется еще носить уголь, ведь он грузчик, он грузит уголь на пароход! Пароход отчалил, поплыл, за ним тянется черная баржа, они уже плывут между закутками подвала, а вот и шлюзы, которые поднимут их на второй этаж.

Ивушка стоит в дверях и насмешливо моргает карими глазами, вот-вот посыплется золотая пыльца.

— Мама говорит, ты хочешь, чтобы сообщили в школу.

Тогда чуть не сплюнул, отстранил Ивушку, которая снова загораживает ему путь, стоит и шуршит, и трепещет на ветру...

Он снова бежит наверх. В теле такая радость, такая кошачья радость — мяу, и такая медвежья радость — топ, топ, топ! Экая сила! Нет, он не пойдет домой! Топ-топ! Позвонил к Перинам.

— Ты один дома, Яроушек?

— Нет, мама тут и еще у нас молодая Рыбова.

Молодая Рыбова — их соседка по площадке. Тогда не стал долго расспрашивать, взял ведро и побежал.

— Постой, — кричит молодая Рыбова, — принеси угля и мне! Наконец-то парню пришла в голову разумная мысль. Все равно тратит время без толку.

Тогда молчит. Натруженные руки горят... Не стоит прислушиваться к тому, что говорит эта Рыбова. Ступеньки сзади него опять уплывают наверх, все выше и выше, скоро на них присядет облачко или серебряный месяц. Вот подавал Перинки, а тут закуток, принадлежащий женщине с повадками хищной рыбы, Хищной рыбе.

Тогда — поезд, он доставляет людям уголь. Машинист товарного состава. Ш-ш-ш-ш, еду, еду, — так он играл, когда был маленький. А зачем он играет теперь? Удивительное дело, опять играет в это ш-ш-ш-ш... Может, когда он станет дедушкой Одуванчиком — и тогда будет играть в свое ш-ш-ш-ш... Кто знает, не играют ли взрослые, не разговаривает ли садовник с цветком, не шепчет ли биолог кишечнорастворимому или эвглене зеленой: «Иди-ка сюда, малышка!» — или что-нибудь в этом роде. Наверняка да, если им это нравится так же, как Тонику носить уголь. Конечно, играют!

Тогда опять наверх, протягивает ведерки молодой Хищной рыбе и пани Перинке. Перинка, как и положено настоящей перинке, вся розовая, только очень уж недоверчивая.

— Если ты хотел заработать на жевательную резинку, я дам тебе крону.

Но Хищная рыба говорит:

— Ах, оставьте, это его обязанность. Все равно тратит время без толку.

Тогда бежит вниз за свитером и своим ведром. Ноги чуточку дрожат. Взял свитер, нагнулся за ведром.

Напротив стоит Ростя.

— Ну, пойдешь?

— Ага, — говорит Тонда, — погоди, умоюсь. — И сплевывает черную слюну.

— Топишь печку?

— Да нет. Пока что ношу уголь. Людям... в нашем доме...

Мальчики поднялись наверх, Тонда поставил ведро с углем возле печки и пошел умываться.

— А зачем ты им носил?

— Просто так. Нравится.

Тонда намазал маслом булку, выпил морсу, взял коньки, и они вышли. В белесом предвечернем небе стоял месяц, едва видимый, точно нарисованный над домом. Тонда улыбнулся. Он вспомнил ступеньки, взлетевшие вверх за его спиной, — ох как они взлетали! Еще немного, и долетели бы до месяца.



Мальчишка старался вовсю. То бежал, то подпрыгивал, пнул ногой здоровенный лопух и, пройдя еще шаг, попробовал выдернуть доску из деревянного забора. Потом подобрал с земли горсть камушков и принялся бросать их в табличку «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН». Почти все камушки попали, он радостно проскочил мимо таблички и взбежал на груды щебенки. Там он огляделся. Долго на холмике задерживаться не стал — спустился вниз и приготовился к прыжку, но тут вдруг почувствовал, что падает...

Близилась полночь. У женщины припухли и покраснели глаза, в руке насквозь промокший носовой платок, мужчина нервно барабанил по оконному стеклу и глядел в непроницаемую тьму.

— Если я понял вас правильно, — дежурный милиционер отодвинул чашку черного кофе, — из дому он вышел около шести. Почему вы явились к нам так поздно?

— Мы думали, — женщина стала всхлипывать, — он у кого-нибудь из товарищей. Вечером показывали футбол, а наш телевизор в ремонте. Но когда он не вернулся и в десять, муж...

Мужчина перестал барабанить по стеклу.

— Я обошел всех его товарищей. Везде мне отвечали, что он у них не был.

— Побег из дому исключен?

— Безусловно. Этого он никогда бы не сделал.

— Что ж, — сказал капитан, — и тем не менее я хотел бы получить адреса всех родственников и приятелей вашего сына, живущих в других городах. О ходе поисков будем вас информировать.

Мальчик терял силы. С головы до пят вымазан противной липкой грязью, одежда на локтях и коленях порвана, пальцы и ногти в крови — никак не выбраться! В темной яме он едва мог пошевелиться, а когда это с величайшим трудом удавалось — все равно проку никакого не было: каждый раз, самую чуточку поднявшись по отвесной стене, он сползал вниз, в слякоть. Снова и снова пытался кричать, но из горла выходил уже еле слышный хрип. Он беспомощно задрал голову — высоко в небе мерцали звезды.

С самого утра школа была взбудоражена новостью. В классах собиравлись кучками, в коридоре тайно перешептывались, и первый урок начался с необычным опозданием — учителей созвали на срочное совещание. Потерялся один из учеников!

— Есть новости, товарищ капитан?

— К сожалению, пока ничего, хотя делаем все что можно.

— Так пошевеливайтесь, черт возьми!

Капитан поднял усталый взгляд, и посетитель опомнился:

— Прошу прощения, поймите, это наш единственный сын!

— Вполне вас понимаю. Но, пожалуйста, идите домой. Мы сообщим о вашем Янко в центральное управление, и теперь его разыскивают по всей республике. Как только получим какие-нибудь сведения, дадим вам знать.

Когда дверь затворилась, капитан поднял трубку, набрал номер и проворчал:

— Послушайте! Где, черт возьми, пропадает старший сержант с собаками?

В голове шумело, перед глазами все кружилось. После, вероятно, тысячной попытки вскарабкаться по мокрой скользкой стене он впал в тупую безнадежность и неподвижно скорчился, по колено в грязи. Ладожками, покрытыми слоем засохшей глины, сжимал виски. Потом задрал

голову. Над ним, в темно-синей дали неба плыло облачко, похожее на клочок ваты. Мальчик прикрыл глаза, подождал, пока хоть немного стихнет непрерывный глухой шум, доносящийся откуда-то сверху, и, собрав остатки сил, еще раз закричал...

Девочка выждала, пока прогремит скорый, и перебежала на другую сторону железнодорожного полотна. От товарной станции доносились непрестанный скрежет вагонов, гудки и удары. Стройка, посреди которой она очутилась, тоже грохотала вовсю: впереди ревели грузовики, по правую руку с рыком вгрызалась в глину землечерпалка, а чуть ближе засыпал рвы огромный бульдозер. Над городом пролетели три реактивных самолета, оставляя чуть видный след; от их пронзительного свиста закладывало уши. Шум окружал ее со всех сторон. Но... что это?

Девочка застыла, удивленно приоткрыв рот.

— Эй! — испуганно пролепетала она. — Кто-нибудь меня звал?

Она стояла шагах в пяти от узкой траншеи и пыталась уловить звуки, явно не относившиеся ни к железной дороге, ни к стройке. Потом равнодушно махнула рукой и беззаботно поскакала на одной ножке вдоль рельс.

— Это я! Это я зову! Помогите, помогите!

Ему казалось — он кричит, но на самом деле он только шептал, голосовые связки отказали. С величайшим напряжением всех сил он чутко подтянулся к близкому и такому далекому краю траншеи и прислушался: никто его не звал. Только земля вновь задрожала от стука приближающегося поезда. Мальчик заплакал и бессильно опустился в грязь...

— Проклятая работенка, — сказал старший сержант и сунул под нос овчарке детский ботинок. — Тут еще уйма каких-то чужих следов. В такой неразберихе немудрено потерять след.

— Я тоже сомневаюсь в успехе, — пробормотал его товарищ. — Мальчишка, возможно, давно за горами, за долами... Ну да что делать, попытка не пытка.

Он кивнул старшему сержанту и вместе со своим псом двинулся в противоположном направлении.

— Имро! Эй! Слышь, Имро! — прораб, весь покраснев от натуги, набрал воздуха, точно хотел одним духом погасить дюжину свечек, и взревел: — Имро-о-о-о!!!

Бульдозер остановился, из окошка выглянул водитель.

— Ну, что еще? Пожар тут у вас?

— Провались ты пропадом вместе со своей машиной, глотку сорвешь, пока докричишься! Слышь, Имро, вчера ты забыл засыпать обводную траншею... Это же халатность!

— Всего и осталась-то одна яма! Завтра успею...

— Нет! Необходимо исправить немедленно. Предписаний не знаешь? Сейчас же засыпь. Чтобы через полчаса ямы не было!

Бульдозерист проворчал что-то насчет вечных придинок, однако положил руку на рычаг, и огромное чудовище двинулось в сторону железнодорожного полотна, где в тот момент стоял товарный поезд. На светофоре горел красный глазок.

Машинист знал эти места как свои пять пальцев, почти всякий раз приходилось тут стоять, пока на станции освобождали колею. Стройка шумела и гудела, в центре ее медленно двигался бульдозер. Между поездом и бульдозером была полоса травы, потом узкая траншея и возле нее большая куча щебенки. В нескольких метрах левее — уже за стройкой — раскинулась небольшая лужайка, здесь, как всегда, мальчишки играли в футбол.

— Сейчас пробьют штрафной! — засмеялся машинист и толкнул в бок своего помощника. — Глянь-ка, этот белокрысы даст им жизни!

Светлоголовый сорванец в голубой футболке положил мяч на траву, разбежался и ударил... Мяч взлетел высоко-высоко, стукнулся о доску на границе стройки, отскочил и, словно нарочно, дугой полетел в узкую траншею.

Мальчик уже бредил. Летал на облаках, голова была легонькая, как перышко, и ничего больше не болело. Он не почувствовал ни сырости, ни холода, даже ужасный грохот, доходивший сюда как-то приглушенно, убаюкивал, точно колыбельная песенка...

Во тьме что-то плюхнулось, в лицо брызнула грязь. Он приоткрыл глаза и последним напряжением воли заставил себя пошевелиться. Нащупал рядом что-то круглое, вскрикнул, стиснул распухшие губы и, цепляясь окровавленными ногтями за землю, стал миллиметр за миллиметром подниматься...

— Ах вы антихристы, ах шельмецы! Не нашли для игры лучшего места! Только мешаете работать! Скорее вытаскивайте свой мяч! Не то заваляю его такой кучей, что...

Бульдозерист не договорил... А машинист поезда, хоть краешком глаза и заметил, что на светофоре зажегся зеленый огонек, не спешил брать за рычаг, приводящий локомотив в движение. По футбольному полю шел милиционер с собакой, но это было не так уж важно — машинист смотрел на ребят. Белокрысы мальчишка, который только что склонился над траншеей, кричал теперь что-то непонятное, остальные сбегались к нему и, кажется, вот-вот один за другим попрыгают в узкую щель. Поднялся крик, и вдруг машинист, сообразив, что они кричат, испугался.

Машинист, старший сержант и водитель бульдозера подбежали к яме одновременно, железнодорожник направил в ее глубину луч фонаря. На дне что-то копошилось, что-то... при виде чего все оцепенели от

ужаса — жалкий комочек грязи там, внизу, в пяти метрах от их ног, пошатываясь, пытался приподняться, а потом с едва слышным всплеском свалился в лужу.

Бульдозеристу внезапно стало плохо, у него подкосились колени. Попятившись, он тяжело опустился на кучу щебенки.

— О господи... — прошептал он, и лицо его стало пепельно-серым. — Надо же... Не будь штрафного удара... я... я бы его засыпал!



Море, как всегда, было спокойно и наш улов необычайно богат. Кроме удивительно красивых морских лилий и мхов нам удалось вытащить из воды еще двух огромных головоногих. Мы рассматривали добычу, наши спины грело позднее солнце, а внизу, под нашим высоким берегом, шумел вечерний прилив.

Несколько лет назад, прежде чем привести нас сюда, дед прочел нам целую лекцию. Если бы мы слушали ее в школе, она бы нам навеки наскучила. Но дедовы научные выводы были не редкость замечены и привели нас в восторг, который до сих пор не выветрился. Эту лекцию можно было бы озаглавить примерно так: «Всего за 60 геллеров к морю. Дети и солдаты платят половину — пользуйтесь случаем!» Далее речь шла о трещинах земной коры, о превратностях погоды, о головокружительных пропастях времен и бездонных глубинах моря, которое плещет

у конечной остановки трамвая номер пять. Увлеченные его лекцией, мы пришли сюда, на окраину Праги, чтобы с воодушевлением древних предков начать охоту на невероятных чудовищ, тех, что увязли в окаменевшем иле морей, высохших миллионы лет назад.

— Экие чудища, идите-ка вы с ними куда-нибудь подальше, — говаривала бабушка, когда возникла реальная опасность превращения нашей квартиры в музей ископаемых животных; тайком одного за другим она бросала наших забытых предков в корзину и выносила на помойку.

В тот вечер, когда палеозойское море у Глубочеп¹, как всегда, было спокойно, а наш улов был необычайно богат, мы с Ярдой сидели в баррандовских скалах и наблюдали прилив: кончалось воскресенье, все население Праги, ~~и~~ волны моря, несло к родным берегам, в дикой спешке, точно преследуемое по пятам новой геологической катастрофой. Какой контраст со спокойствием окаменевшего прошлого!

Мы с Ярдой постоянно выдумывали самые дикие истории, подшучивали друг над другом и особенно над бабушкой, которую нам так до сих пор и не удалось перевоспитать, приучить к взлетам нашей фантазии. Мы и сейчас фантазируем.

— Представим себе... ну хотя бы запруженное машинами шоссе, — говорит Ярда, и я привычно закрываю глаза. — Машины, машины... целая вереница машин стоит у шлагбаума. Но это не теперешние машины, мы на шоссе в году этак... словом, очень давно. Здесь десятки и десятки уродливых допотопных автомобилей, а в них сидят очкастые шоферы, господа и дамы в кожаных куртках и спортивных свитерах — короче, жуткий затор, настоящая пробка! И в этой суматохе все удивленно плят глаза на крошечный современный мотороллер, который притулился у самого шлагбаума, а рядом с ним стою я как ни в чем не бывало, и внизу подпись: «без слов». Можешь себе представить?

— Могу, — отвечаю. — А ты представь себе обратную картину: крыши наших современных домов, лес телевизионных антенн, в окнах и на крышах уйма людей с биноклями, все тычет пальцами в небо, по которому летит прадедушка нынешних самолетов — биплан выпуска тысяча девятьсот одиннадцатого года... между крыльями тонкие провода, пропеллер и сиденье, а на нем я, в кожаной куртке и огромных очках. И тоже: «без слов».

— Идет, — сдержанно говорит Ярда и снова упорно размышляет.

Так всегда бывает к концу нашего совместного лова, когда приходится оценивать и сравнивать не только добычу, но и выдуманные истории. На этот раз мы поделили первенство поровну: Ярда получил очко за выкопанного «трилобита», я — за придуманную картинку: наш прапредок куском горелого дерева рисует на стене пещеры древних охотников, которые со щитами и стрелами бешено нападают на гигантский экскаватор, модель — вторая половина двадцатого века... Без слов.

Итак, счет 1 : 1. Пора возвращаться домой. Белоснежная браницкая скала на противоположном берегу Влтавы постепенно натягивает серую рубашку, а под нами збраславская автострада, на которой уже царит полнейшая неразбериха.

Мы спустились к старому асфальтовому шоссе, миновали автобусную остановку, прошли под железнодорожным виадуком, но за подзем-

¹ Окраинный район Праги.

ным переходом злорадное любопытство погнало нас вбок и наверх, к автостраде. Бесконечная процессия машин со всем их запыленным лакированным великолепием опять остановилась и неподвижно застыла. В нескольких шагах от нас стояло «рено», до отказа набитое Прокоповыми, нашими соседями по дому. Глава семьи высунул из окошка локоть и глядел на нас в тупой задумчивости. Мы поклонились, он деревянно кивнул в ответ, но тут же уставился на дорогу в напрасной надежде, что вереница машин наконец тронется. Нам было как-то неловко глазеть на этих несчастных, и, отлепившись от металлической загородки, мы спустились к тополям.

— Глянь-ка!

Я увидел тополь да веревку, привязанную к одной из его густых ветвей.

— Ну и что? — спрашиваю.

— Носорог!

Я пригляделся. И верно, стоит чуть-чуть напрячь фантазию и увидишь: к другому, свисающему концу веревки привязан здоровенный, покрытый шерстью носорог с двумя — маленьким и побольше — рогами на носу и мотоциклетным номером сзади.

— Ага, — говорю. — Откуда он здесь взялся?

— Это вместо такси, — отвечает Ярда. — Если хочешь обогнать Прокоповых, садись — и поехали.

Я мигом все понял. Мы отвязали носорога и за теннисным кортом, у переулка, взобрались на его хребет. Это был добродушный, явно выходящий представитель млекопитающих. Он слушался нас с первого слова, во Влтаву полез без возражений. И вот мы поплыли... как настоящая моторная лодка! Конвой уток сопровождал нас до бранничного берега, где наш носорог отряхнул с себя воду, — дальше предстояло путешествие по мостовой. Мы снова взгромодились на него, и когда толстая на смешных коротеньких ножках пустился рысцой, а потом галопом, ощущали под собой не совсем приятную дрожь, слышали какой-то скрип в его суставах, а то и треск мелких косточек. Однако на Панкрац¹, на пустой, еще не забитый машинными двор нашего дома, въехали без лишних неприятностей и как раз вовремя.

— Ни души, — вздохнул я с облегчением. — Привяжи-ка его.

Мы шатались от усталости, пот стекал с нас ручьями. Ярда обернул веревку вокруг перил, завязать ее узлом он был уже не в состоянии.

— Крепче, — говорю. — Еще кто-нибудь его испугает, и он удерет.

Когда Ярда завязывал второй узел, во двор зигзагами въехало «рено» Прокоповых. Долго им не удавалось вылезти, видно, оцепенели от удивления.

Мы с Ярдой понинмающе переглянулись.

— Сегодня 2:1 в твою пользу, — сказал я в лифте. Ярда гордо выпятил грудь.

Бабушка накрывала к ужину стол.

— Не может быть, — сказала она, выслушав наш рассказ. — Вот подели Прокопку! Так обойти их «рено»!

¹ Название пражского квартала.

— Насчет носорога — это была идея Ярды, — говорю я.

— Какого носорога? — удивилась бабушка.

— Носорога, на котором мы приехали, — пояснил я.

Бабушка все еще не понимала.

— Ну, мы двое и носорог, — старался я ей растолковать. — Мы приехали на носороге. На старом допотопном носороге обогнали их «ренош-ку». Мы и носорог.

— Ага, понимаю, — сказала бабушка. — Поначалу-то я пропустила носорога мимо ушей, зачем же столько раз повторять да еще повышать голос? Где вы его оставили, этого вашего носорога?

— Он стоит во дворе. Мы привязали его к перилам, — пояснил Ярда.

— Разве нельзя было позвать его наверх? — спросила бабушка.

— Ах, бабушка, — произнес я с упреком, — носороги не ходят по лестнице и не ездят в лифте!

— Жаль, а то бы мы поужинали вчетвером, — вздохнула бабушка. — Кому не надоест смотреть на вас двоих да слушать ваши глупости. Я уже начинал терять терпение. Положил вилку на стол и сделал вид, будто к чему-то прислушиваюсь.

— Кажется, это он, — вдруг сказал я. — Слышите?

— Просто ты проголодался и у тебя урчит в животе, — отозвалась бабушка.

И все никак не шла к окну, все не хотела поглядеть на нашего носорога.

В тишине только звякали вилки о тарелки.

Но вот внизу закрипели железные ворота, бабушка подняла голову:

— Его бы смазать как следует, вашего носорога.

Мы с Ярдой кисло переглянулись.

Бабушка доела, но продолжала сидеть за столом. По ее лицу было видно, что она с чем-то борется. Когда доели и мы, бабушка медленно поднялась из-за стола. Мы не спускали с нее глаз. Поставив на поднос грязную посуду, она пошла на кухню каким-то необычным путем — мимо окна. Понюхала пеларгонию на подоконнике и украдкой глянула вниз.

— Ого! — сказала она. — Таких носорогов я еще не видывала. В зоопарке таких не держат.

Настала минута нашего торжества.

— Как ты могла их видеть, бабушка, — быстро сказал Ярда. — Этот носорог из эпохи делювия, он уже вымер.

Мы приготовились к взрыву, но бабушка мгновенно обезоружила нас:

— А он вам сказал, чем его кормить? Он бы и не вымер, кабы люди знали, чем он кормится.

И даже не оглянулась.

— Эй, Здендула! — она поставила поднос с посудой на подоконник, высунулась в окно и замахала рукой. — Я тут, тут!

Мы только глазами хлопали.

— Что еще за Здендула?

— Да ведь он как две капли похож на Здендулу Крамликову, та тоже задирает нос вверх! — весело ответила бабушка.

— Вовсе у него не нос вверх. Это рог торчит, — едва слышно и довольно неуверенно пробормотал Ярда.

Мы сидели, словно на углях.

— До чего же у него печальные глаза! — вздохнула бабушка, взяла с тарелки Ярды несколько оставшихся после ужина листьев салата и, размахнувшись, бросила во двор.

Ярда приподнялся со стула, я толкнул его под столом и моргнул правым глазом.

Бабушка еще несколько раз ласково окликнула носорога, потом вдруг замолчала. Мы напрягали слух и не могли понять, что шумит во дворе: то ли это ветер, то ли кто-то там ходит или ездит, все опрокидывая на пути... Поспыхивали какие-то странные, глухие удары.

Бабушка что-то бормотала себе под нос, продолжая смотреть вниз, во двор, точно кого-то там уговаривала. И кивала головой: да, да... Шум постепенно стих, и бабушка выпрямилась.

— Прощай, Здендула, — громко произнесла она. — Все же не стоило тебе тащиться сюда из самого делювия.

Она еще несколько раз махнула рукой, обернулась да так и застыла, подняв руку, словно навела на нас дуло пистолета. Вот это да! Мы чуть не подняли руки вверх, но бабушка смотрела куда-то за наши спины.

Потом вдруг схватила поднос и по пути на кухню объявила, точно нас и в комнате не было:

— Ну и психованная мне досталась семейка!

После чего скрылась за дверь.

Мы бросились к окну.

Внизу, у перил, болтался конец веревки. Наш старенький мотоцикл как ветром сдуло.

— 2:01 — торжественно крикнула из-за двери бабушка.

Мы с Ярдой оглянулись, но бабушка уже захлопнула дверь.

— Это точно! — сказал Ярда, посмотрев на меня. Я поспешил закрыть рот.

Загромыхала посуда, зашумела вода и послышался тоненький бабушкин голосок.

Она пела. И так радостно, что в ту минуту ей никак не могло быть больше двенадцати-тринадцати лет.



Первую записку отец обнаружил в своем носовом платке. Следующее рождественское послание лежало в холодильнике. Стояло отцу на минуту отложить книгу, которую он читал, как в ней оказывалась бумажка. Записки подстерегали его в самых неожиданных местах, например в упаковке зубной пасты или в спичечном коробке. Все одинаковые. И сверху еловая веточка со свечой. На первых картинках хвоя была зеленой, потом стала голубой. Очевидно, Яна исписала зеленый карандаш. Но главное: внизу каждого листка был нарисован зверек с красной, стоящей дыбом шерстью. От картинки к картинке изображение упрощалось. Тридцатый листок был прикреплен к кухонным стенным часам. Отец с удивлением отметил, что Яна научилась рисовать своего зверька быстро, буквально не отрывая карандаша от бумаги.

— Почему ты не хочешь, чтобы тебе положили под елочку цветные карандаши или акварельные краски? — спросил он у Яны, застав ее в

постели над новым рисунком, все с тем же зверьком, — Может, коробку темперы, три кисти и альбом? Вдруг из тебя выйдет новый Пикассо!

— На краски я уже смотреть не могу, — сказала Яна. Вылезла из-под одеяла, в ночной рубашке до пят. — Тридцать раз рисовать одну и ту же веточку. Только представь себе...

Отец попытался себе это представить.

— Тогда портфель, — предложил он. — Портфель или ролики. Или материю на платье. А то — книгу... готовальню...

Красная шерсть зверька на новой картинке стояла дыбом.

— Почему не готовальню?

— Потому что я хочу собаку, — ответила Яна. Глаза у нее были невинные, рождественские. Отец погрузился. Вернулся на кухню.

— Она хочет собаку.

— Собака у нее была, — возразила бабушка. — Она ее сломала. Перекрутила пружинку.

— Она хочет не заводную. Хочет настоящую собаку.

— Но зачем?

— Не знаю.

В тишине с треском разбивалась о стол скорлупа крутых яиц. По карнизу стучал дождь. Мать отложила в сторону газету с вечерней программой телевидения.

— В двенадцать лет я хотела бальное платье, — обеспокоенно заметила она. — И узкий свитер. Она не в меня.

Отец задумался.

— Яна слишком много бывает одна.

— Я всегда ненавидела собак, — сказала бабушка. — Они лияют. Всю шерсть. И потом...

Но ее уже никто не слушал.

Собаки, которые нам снятся, лучше настоящих. Отцу в эту ночь приснилась афганская борзая, смахивавшая то ли на птицу, то ли на облако. По полям маминых снов бегали очаровательные фокстерьеры и смышленные карликовые овчарки, приносящие ей в зубах головки одуванчиков.

Только их дочери не снились ни фокстерьеры, ни овчарки. Снилось просто собака.

— Какие они красивые! — сказал утром отец, имея в виду афганских борзых.

— И умные, — добавила мама, имея в виду карликовых, едва видных в траве овчарок. — Собственно, я всегда мечтала иметь собаку.

Чай пили, изредка обмениваясь фразами, вроде изречений из букваря: «Собака — верный друг человека».

Ведь каждый хоть раз в жизни мечтает завести собаку. И притом обычно думает не о самой собаке, а о существе, которое будет его любить просто так, беспричинно, лишь за то, что он есть на свете. Большинство людей никогда в этом не признается, а Яна это произнесла вслух — да еще тридцать раз нарисовала на бумаге. Растроганные родители

пили чай и говорили себе: «Ведь Яна могла бы попросить ролики. Или джинсы. Или бадминтон. Нет, ничего не скажешь — у нее доброе сердце».

— Девочка получит собаку, — сказал отец. — Но пусть заслужит. Пусть не думает, что сразу получит все, что пожелает. За здорово живешь.

Яна готова была выполнить любые требования. Ходить по утрам за газетами или за молоком.

— И ни единой тройки, — строго сказал отец. — Это первое условие. Утром, в шесть часов, гулять с собакой. Это второе. И после обеда, и еще вечером.

— Хорошо, — ответила Яна. — Я согласна. Да ведь я уже выучила сегодня парнокопытных, жвачных и проценты. Он может спать у меня, папа.

Пес обрел реальность. Его еще не существовало, но он уже перемещался по квартире.

Сначала спал под раковиной на кухне, потом из гигиенических соображений был перемещен в переднюю, решили постелить ему коврик у дверей.

— Овчарки — отличные сторожа, — сказала мать.

— Афганские борзые тоже, — добавил отец.

— Собаки линяют. Всюду шерсть. И потом... — заметила бабушка и подозрительно взглянула на Яну, — почему ей, собственно, понадобился пес?

— Потому что... — хором начали отец и мать и в эту минуту достигли полного единодушия. Они хотели сказать: потому что собаки красивые, верные, умные...

— Потому что у Итки Сламовой есть пес, — сказала Яна. — Я тоже назову своего Бинг.

Пса звали Ромео. Спал он где угодно, только не в передней. Был маленький, но все время рос. По ночам выл, а днем делал лужицы, которые Яна безропотно подтирала. Она перебирала книжки в шкафу и шептала песику:

— Ромео, почему ты Ромео?

В ответ щенок Ромео лизал ей щиколотки. Это было чудесно. Еще можно было носить его на руках. В сад и обратно. Яна представляла себе день, когда она приведет Ромео на школьную площадку. Шеренга мальчишек... И Ольда Карасек из класса «б».

Вот идет она.

Скажет, как Итка:

— Он на редкость послушный. Можешь бросить камень, он прикесет.

Ребята будут бросать камни.

— Ромео! Апорт!

Бинг обыкновенный дворняга, а у Ромео была родословная подревнее, чем у шекспировских Монтеки. Тысячи боксеров с золотыми медалями. Имена — как названия звезд или как из учебника истории. Аммон фон Шмуггельстиг. Аста де Клермон. Антье с Черного озера. Алан из Хебского замка.

На Яну это действовало как чары. Подумать только — вереница прапрапрабабушек и прапрапрадедушек!

Вит. Октав фон Дом. Шамп. Гидра фон дер Вюрм. Арес из Котнова. Пьюси оф Бир. Стоун Кастль.

— Ты мой.

Когда Ромео купировали уши, Яна горько плакала. Два дня у щенка на голове были белые бинты, он лизал Яне щиколотки и рос. Потом содрал бинты, но расти продолжал. Через месяц он уже чуть не свалил с ног бабушку.

Яна сказала:

— Это потому, что ты его ненавидишь.

Она надела новые клетчатые брюки в обтяжку и мохнатый свитер.

— Можно взять Ромео, мама?

Внизу свистели мальчишки.

Ромео осторожно ступал между островками снега. У него был новый ошейник, и выглядел он благородно.

— Похож на быка, — сказал Вейвода из класса «а» и на всякий случай сделал шаг в сторону. — Не кусается?

Ромео его повалил.

— Он хочет играть, — извинилась за питомца Яна, ремешок врезался ей в руку.

— Твой? — спросил Ольда Карасек.

И, поглядев на Вейводу из класса «а», который стирал с брюк грязь, с уважением добавил:

— При хорошей дрессировке можно сделать из него форменного осла.

Яна густо покраснела. А Ромео хоть бы что. Он залаял и завыл. Дети, катавшиеся на санках, завопили от страха.

— Пойдем лучше отсюда, — предложила Яна, но пошла туда, куда тянул Ромео.

Он тащил Яну, как бульдозер. Из окна второго этажа какой-то незнакомый мальчишка крикнул:

— Ну и голосок — прямо иерихонская труба!

А молодая мама, стоявшая возле коляски с младенцем у магазина самообслуживания, с восхищением сказала:

— Такой уродливый, что просто прелесть!

Потом мимо пронеслись трубопроводы и кирпичи стройки. Секунда полного отчаяния, поводок врезался в руку так, что через ладонь протянулся красный след, у корней волос прошибало то потом, то холодом, а потом пронзила жгучая боль в ноге — Яна упала, и пес тащил ее на поводке. Ох, доконаешь ты меня, Ромео! Она лежала на животе, пес лизал ей подбородок.

Вдруг кто-то спросил:

— Ничего не повредила?

Это был Ольда.

— Покажи колено.

Они сели на трубы.

— Брюки я зашью, — сказала Яна. — Немножко сочтется кровь, но это пустяки. Зато, если бросишь камень, он принесет!

— Ромео! Апорт!..

Камней оказалось много. Хватило до самой темноты.

Ногу жгло, и руки тоже, под горячей водой Яна смывала с них въевшиеся в кожу камушки и пыль, а Ромео лизал в ванной мыло.

— Иерихонская труба! — сказала Яна.

И засмеялась, потому что хотелось реветь.

«Но ведь это отлично, — пришло ей в голову. — И камни специально такие твердые, чтобы я разбила о них колено, и тысячи уродливых боксеров, которые были до моего Ромео, и я, и все мы, весь мир такой неказистый, что просто прелесть...»



Букет гигантских цветов синеголовника издает слабый аромат. По стене далекого дома ползет неоновая надпись: «ПОЛЬЗУЙТЕСЬ АЗРОЛИНИЕЙ ПРАГА — НЬЮ-ЙОРК». За ней в свете рефлекторов, в мглистом воздухе большого города угадываются готические украшения Пороховой башни.

Вчера, ах вчера в эту пору...

Андреа положила ладонь на синеголовник. Цветы удивительно нежные. В соседней комнате говорят радио и отец.

«ПРАГА — НЬЮ-ЙОРК» — манит зеленый неон.

Вчера вечером последний раз купались в озере. Вода была темная. Все выглядело совсем не так, как днем. Берега исчезли, и было так тихо, что Андреа боялась произнести хоть слово. И вообще чуточку боялась.

Мать и бабушка сердились на нее за это купание. Но ведь мать и бабушке, да и папа тоже для того и живут на свете, чтобы сердиться и делать ей неприятности.

— А если ты утонешь! — ужасалась мама.

Андреа в душе смеялась над ее страхами. Словно никто не тонул днем! А лотом еще этот букет синеголовника. Если бы хоть розы! Гонза пришел с ним утром к машине.

Раннее сентябрьское утро. И последний день каникул. Собственно, сегодня каникулы кончились, раз она уже была в школе...

В бабушкином саду буйно цвели розы. На росистую траву со стуком упало яблоко. Горы были так близко. Протяни руку — и коснешься колючей сосны. Угрюмые серые развалины замка величаво высились над красными крышами деревенских домов.

Раннее сентябрьское утро...

Когда ее затолкали в машину, Гонза положил букет на заднее сиденье. Мать захлопнула дверцу. Прощальные взмахи рук. Развалины, увитый розами забор, колокольня костела, зрелые сливы на ветках, дорога, деревья, леса, а там уже надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРАГУ» — и школа.

Катка расхвасталась, что была у моря в Италии. Все слушали, разинув рты. Катка рассказывала, что носят на пляже, как здорово прокатиться в гондоле. Учительница поздравила их с началом учебного года. После занятий пошли есть мороженое, потом в парк.

Когда наконец Катка, вся в сиянии итальянского лета, благосклонно спросила Андреу, где она провела каникулы, та, пожав плечами, неохотно буркнула: да чего там, ясно — у бабушки. И разумеется, никто не проявил интереса. Все готовы были до бесконечности слушать, как замечательно мчаться в поезде дальнего следования, какое в Италии вкусное мороженое, а какое оно в Вене, и какое, и какое...

Андреа давно уже не слушает. Маленькое озерцо в парке окружено детьми, старушками и ненасытными селезнями. Сюда доносятся гудки автомобилей, звонки трамваев, а с вокзала долетает голос из репродуктора. Горы, озеро, леса, развалины замка и вообще все бабушкины Блата просто перестали существовать.

— Все-таки странно, Катка, — вдруг прервала Андреа грезы подруги об итальянском пляже, — как ты смогла покинуть море, ведь оно наверняка и дня без тебя не просуществует!

Все рассмеялись.

— Разумеется, таких красот, как у твоей бабушки в Блатах, там нет, — отбрила Катержина. — Но все же, думаю, море никуда не денется.

И снова все рассмеялись. А напрасно!

«Когда я в Праге, существует только Прага, никаких Блат на свете нет. Блата будут, когда я приеду туда на каникулы», — решила Андреа.

Дома мать рассердилась, что она так поздно вернулась с прогулки, и прогнала дочь мыться. Мол, это ей не каникулы — утром снова школа, и там будет не до шуток.

Почему все только и делают, что напоминают про каникулы? Два месяца — шестьдесят два дня, а где они? Где?

Неутомимый неон авалиний на этот раз светился красным. Предлагает еще и Бомбей. Синеголовник нежно холодит кожу, точно хранит утреннюю свежесть озера.

Завтра напишу Гонзе, какая в Праге скучища и еще — зажило ли у Пиры копыто? Завтра, зав-тра, зав...

Нежный рисунок готической башни сияет в ярком свете рефлекторов, словно окутавших ее тонкой мгlistой фатой. Через открытое окно струится озерная прохлада. Комната уже полна зеленоватой воды. На берегу в низкой траве пасутся Пира и Гром. Гонза лежит неподалеку. Жует травинку и смотрит на облака.

Неон стал ярко-синим.

Андреа осторожно вошла в воду, тихо поплыла. Лошади подняли головы и тихо заржали.

Писать письмо — это целое событие.

Между нею и Гонзой — они знали друг друга с раннего детства — теперь пролегла даль, и каждый должен жить своей жизнью.

Когда пишешь родным, мама всегда учит: напиши «дорогая тетя», «милая бабушка» и так далее. Всякое письмо начинается с обращения. Это ясно. Ладно, пускай будет «милый Гонза».

Андреа внимательно разглядывает белую поверхность бумаги. Лучше бы, пожалуй, «милый Ян». Потому что его настоящее имя — Ян. Но почему — милый?

«...Такое обращение не включает в себе намека на близость между людьми. Это обычная форма вежливости», — слышится ей голос учительницы английского языка. Пожалуй, если писать по-английски, спокойно можно обратиться: «My dear John»¹, — и это бы равно ничего не значило. Но написать на родном языке черным по белому «милый Ян»?..

«Привет, Гонза».

Она внимательно прочла написанное. Кивнула. Так сойдет.

«Как поживаешь? Что делаешь? Я живу отлично».

Зазвонил телефон. Вернувшись к столу, Андреа смяла лист. Экая глупость! Как поживаешь, что делаешь... Сейчас пять часов, Гонза с Громом где-нибудь на лугу. Скорее всего за мельницей или у лесной дороги. Зажило ли у Пире копыто? Вот про что надо было спросить. Но написать: «Я живу отлично»?! Раз мне грустно, какое же это «отлично»?

Она попробовала еще раз, сначала.

«Привет, Гонзик, в Праге жуткая скучища. В этом году у нашего класса окна во двор. Когда нас накачивают физикой, мы слышим, как кричат ребята на баскетбольной площадке, а тут сиди и делай вид, будто всю жизнь мечтала узнать, чему равна работа, помноженная на работу... Папа говорит, синеголовник не надо ставить в воду, высохнет — дольше продержится. Все пасешь жеребят? У мамы бутоны роз распустились и снова завяли, тут так жарко, душно. Как у вас нынче в школе? Гонза, помнишь...»

Андреа задумалась.

Того, о чем Гонза мог помнить, было много. Андреа прожила на свете уже тринадцать лет. Это по меньшей мере десять каникул, хотя нет, первые каникулы она совсем не помнит. Ну пускай, семь — это четырнадцать летних месяцев, проведенных у бабушки, — в целом, больше года.

¹ Дорогой Джон (англ.).

А вот случай, ради которого Андреа так смело разбежалась словами «Гонза, помнишь...»

В тот раз девочка взяла ее в лес по малину. Она была еще маленькой. Вдруг перед ними вырос конь, и на нем всадник. Андреа затанла дыханием. Впервые в жизни она увидела настоящего, живого коня. Мальчик, сидевший на коне, был немногим старше ее. Подруги сразу захихикали, и каждая просила хоть чуточку прокатиться верхом. Но всадник лишь гордо на них поглядывал со своей недостижимой высоты. Потом показал на девочку, которая стояла тут же с разинутым ртом, и объявил: «Эту маленькую я прокачу».

Бидон с малиной она оставила в лесу. Полная страха и гордости сидела на коне перед Гонзой, судорожно вцепившись в гриву. Гонза ослабил узду, стиснул пятками бока лошади — и они поскакали... На большом лугу, на том самом, за мельницей, он осторожно снял девочку, а потом галантно представился сам и представил коня:

— Я Гонза. Летом пасу жеребят. Это мой Гром, но я зову его Гроша.

К ним подбежал жеребенок, обнюхал сумку, которая висела у Гонзы на спине.

— Это Пинцак, самый маленький, но самый большой озорник. Ищет груши.

— Какой красивый, черный, — похвалила жеребенка Андреа.

— А вон та дама, что наблюдает за нами, это Пира, Пинцекова тетушка.

— Тетушка! — удивилась Андреа.

— Ясно, тетушка, раз она сестра его отца!

— И тоже любит груши? — смеялась Андреа.

— Нет, Пира обожает яблоки, — со знанием дела объяснил Гонза. — Гроша, тот жуткий любитель груш. Когда едешь на нем и он учует груши — нипочем его не сдержать.

— А ты их не боишься?

— Приходи к конюшне, покаатаю.

— Ой, да ведь уже четыре часа. Мне пора домой. Пока!

Уже в аллее Андреа обернулась и крикнула:

— Спасибо за катанье!

Но писать об этом все-таки глупо. Что он подумает? Пинцека в прошлом году продали куда-то в Германию. Пира уже участвует в соревнованиях, а Гонза пасет новых жеребят. Теперь Андреа не боится лошадей. Только... о чем же тогда писать, как продолжить фразу «Гонза, помнишь...»?

Она сосредоточенно размышляла. Что бы Гонза мог помнить? Но в голову ничего не приходило. Те два месяца были чудесны, а потом... потом все одно и то же, словно время утратило краски и застыло, как бывает, когда в кино остановится камера и все замрет, а ведь у каждого из тех дней было свое очарование, с каждым связано какое-то приключение. Но теперь они исчезли, остались лишь шестьдесят дней, зачеркнутых в календаре красным карандашом. «Когда начнутся осенние дожди, — подумала Андреа, — станет еще хуже, тогда каникулы совсем умрут. Только реклама да кино сохраняют неувядаемую свежесть. Возможно, в Прагу придет отец Гонзы и возьмет его с собой. Вот оно!» — обрадовалась Андреа и дописала:

«Гонза, помнишь, ты говорил, что приедешь в Прагу. Пойдем вместе в кино? Сейчас столько интересных детективов и фильмов про индейцев! Приезжай непременно».

Андреа перечитала письмо. Нет, это послать она не может! Или все-таки послать?

Настал ноябрь, шли дожди, рекламы слепили глаза. Катержина снова дружила с Андреей. Синеголовник давно заявил и отправился в мусорное ведро. Учительница была строгая, часто хмурилась.

Однажды после уроков Андреа услышала, что мать зовет ее из кухни. На табурете стояла большая корзина со спелыми яблоками.

— Красотища! — воскликнула Андреа. — Яблочки из Блат!

— Из Блат, — подтвердила мама. Взяла из ее рук яблоко и вынула из какой-то книжки листок бумаги. — А это что?

— Не знаю, — улыбалась Андреа, ей хотелось поскорее попробовать яблоко.

— Нет, знаешь, — не поверила мама. — Начатое письмо не кладут в книжку. Уже три месяца, как мы в Праге, а ты до сих пор не дописала. Стыдись!

— Но мама.

— Сейчас же напиши. Поблагодари за яблоки. Понятно?

Писать письмо — это целое событие.

Мама положила на ее письменный стол самое большое яблоко из корзины. Андреа дала себе слово, что ни разочка от него не откусит, пока не настроит письмо. Да только летние люди — а Гонза был самый что ни на есть летний человек — как-то не подходят для дождливого ноябрьского дня в большом городе. Казалось, она смотрит на Гонзу в перевернутый бинокль. Андреа приготовила лист бумаги. Что написать? Поблагодарить за яблоки? Так ведь их послали родители Гонзы, зачем же тогда писать ему? Она позвонила Катке, позвала делать уроки. Вечером родители пошли в театр. Пустая квартира стала просторней, словно бы ожила. В радиаторе центрального отопления что-то постукивало, ветер наваливался на окна и свистел высоким металлическим голосом. Андреа не могла уснуть. Яблоки благоухали и матово светились во тьме. Неоновая реклама звала в теплые края, сулила лето в ноябре...

И вдруг в комнату вошло лето. Начало июля. Андреа и Гонза ведут коней к реке, на водопой. Благородные гривы вздымаются над водой на фоне рекламно-синего неба.

Как далеко еще до лета!

Перед Андреей снова лист бумаги. Квартира пугает пустотой и размерами, но в ней все еще июль, цветут липы, и кони выныривают из воды. Андреа знает, что сидит в комнате одна, на улице холод, и вообще неизвестно, наступит ли когда-нибудь лето. Она ясно видит развалины старого замка, далекие горы и спокойную гладь озера.

«Дорогой Гонза, сегодня я дома одна. Жутко скучаю по Блатам, по Пире, по Грому и по тебе. Нынче получили от вас яблоки, но на улице холодно и дождь. Лучше бы уж шел снег. На рождество наш класс поедет в горы. Привет! Андреа».

Как гласит пословица, утро вечера мудреней. Утром Андреа внимательно прочла письмо. За окном светило солнце. Трава в парке при-

творялась, будто ей до ноября нет никакого дела. Белый фарфор в серванте весь был пронизан солнечными лучиками, мама весело улыбалась, яблоки наполняли своим запахом всю квартиру.

Андреа прочла ночное письмо, и ей стало ясно, что ничего подобного она отослать не может. Это как в книжке, написанной специально для каких-нибудь безмозглых девчонок. Гонза наверняка посмеется, а то еще станет читать деревенским ребятам. Да ведь это и неправда, вовсе я не скучаю. С чего мне вдруг скучать? Сегодня я иду в театр, у меня новое платье. И вообще, письма — пережиток. Между прочим, Гонза тоже мне не пишет. Ну и что? Перед рождеством от Гонзы пришло письмо ее родителям. Больше всего там было о лошадях, и только в самом конце приписка: как поживает Андреа, почему не пишет?

Вернувшись с гор, где она провела зимние каникулы, Андреа еще раз перечитала это письмо. Прежде ей казалось, что там одна глупая болтовня, и чего это он пишет о лошадях, даже не интересуется, как она живет, только в самом конце — и то вроде бы для формы. Теперь она подумала как раз обратное. Письмо чудесное, ведь рассказ о лошадях касается только их двоих, и все это письмо написано для нее одной. «Завтра напишу ему. Завтра же», — решила Андреа, потому что мама кричала ей, чтобы она немедленно погасила свет и ложилась спать.

Да только это «завтра» растянулось на целый месяц. Это был противный, недобрый месяц. Что бы Андреа ни делала, голову сверлила мысль: письмо в Блаты, письмо в Блаты...

В конце концов до того обозлилась, что решила не писать ничего. Все равно письмо Гонзы глупое. Потом Андреа снова упрекала себя, что она плохой товарищ, что она противная, раз до сих пор не собралась написать и пары строк, тогда как Гонза прислал ей такое замечательное письмо.

Наконец она призвала на помощь все свое мужество. Купила новую почтовую бумагу, светло-желтую, потому что написанное на белом листе не стоило и полушки, в чем, наверное, виноват отталкивающе-холодный цвет бумаги. Села и написала:

«Дорогой Гонза, спасибо за письмо, за то, что ты меня не забыл. Я живу хорошо. Хожу в школу, в остальном тут ничего нового. С приветом. Андреа.

P. S. С нетерпением жду каникул».

Настала весна, расцвела сирень. Но письмо в Блаты лежало в ящике письменного стола. Как-то Андреа показала его Катержине. Надеялась, что та посоветует, послать или нет. Катка усмехнулась и презрительно заметила:

— Оно у тебя холодное, как собачий нос. Получи такое я, непременно бы обиделась.

Андреа вздохнула. Подруга могла бы и понять, что это не шутка — после годичной разлуки написать письмо знакомому мальчику в деревню.

— Да, раз я не знаю, что ему писать. Мне не нравится писать, когда сама не знаешь — что... — Андреа умолила. Загляделась через окно в парк. — На улице так хорошо! Давай пойдем на Петршин¹.

¹ Холм в Праге, на котором расположен парк.

Девочки поднялись на обзорную площадку, смотрели на город, и Катержина вдруг сказала:

— Пошли ему какую-нибудь красивую открытку с видом Праги.

— Так ведь он Прагу знает, — ответила Андреа.

— Экая ты дубинница, — заметила Катержина. — Ясно, знает. Зато на открытке много не напишешь, а упрекнуть, что ты не ответила на его письмо, он уже не сможет.

Итак, Андреа выбрала в магазине самую красивую открытку. Вечером, закончив уроки, набросала на открытке небрежно-элегантным почерком — так посоветовала Катержина: «Сердечный привет из Праги. Андреа». Но и открытку не послала.

Последний июньский день, последний день школьного года. Андреа простилась с учителями и одноклассниками, она спешит домой, где у мамы уже готова машина. Выехали по знакомому шоссе к Блатам. Сперва на горизонте возник горный хребет, потом показались строгие очертания замковых башен, а затем и все развалины. Машина вспрыгнула на холм — и вот уже видна их дзеванья с красными крышами, с костелом, окруженным липами.

— Мама, скорей останови! — закричала Андреа, показывая на замок. Вдали, на лугу, она увидела маленькую лошадку и на ней — всадника.

— Это Гонза на Пире!

— Что ты кричишь? — успокоила ее мама. — Никуда он не денется. Увидите. Сначала поздоровайся с бабушкой.

— Ну прошу тебя, мама! Ты ведь сама столько раз говорила, что надо ценить хороших друзей. Останови, пожалуйста!

Лошадь веселым аллюром приближалась к шоссе, к машине, которая все-таки остановилась.

— Это Гонза с Пирой. Мама, скажи бабушке, я сейчас приду, только дам Грому груш, а Пире яблок.

— А Гонзе книжку, да! — засмеялась мама.

Андреа схватила книжку. Перескочила через канаву. Из книги выпала пестрая открытка с видом Праги и исчезла в высокой траве вместе с небрежно-элегантной фразой: «Сердечный привет из Праги»...

— Гонза, Гонза! — закричала Андреа и побежала навстречу лошади, которая гапопом неслась по цветущему лугу.



С перва мы с Ярдой даже не поняли, откуда взялся этот парнишка. Когда мы сошлись на вокзале перед отъездом в лагерь, одни называли его Карелом, другие Вешком. За спиной у паренька был большой рюкзак. В поезде мы с ним оказались на одной скамейке. Все покидали свои чемоданчики и рюкзаки в сетку наверху, только он все еще сидел с рюкзаком на плечах. Ярда мне шепнул: какой, мол, загадочный малый.

Загадочных личностей мы не любим. Я шепнул Ярде, что этого парня с большим рюкзаком надо бы раскусить. Но тут как раз в наше купе зашел старший вожатый с каким-то списком:

— Вы трое будете жить в шестнадцатой палатке.

Он уже собирался задвинуть дверь, как вдруг заметил большой рюкзак за спиной загадочного малого и спросил:

— Отчего ты не положишь багаж наверх, на полку? Ведь места там хватает.

Загадочный малый ответил, что, мол, не стоит, сойдет и так. Все равно через два часа выходить.

Вожатый только головой покачал и ушел. Мы с Ярдой были недовольны: вот еще, жить в одной палатке с такой странной личностью! Зато нам еще больше захотелось разгадать его. Начал я. Несколько раз улыбнулся и ждал, как онотреагирует. Парень глянул на меня одним глазом, другой даже не открыл, точно собирался спать. Ярда не выдержал. Ткнул загадочного малого локтем:

— Послушай, Карел, почему ты смотришь на Тонду одним глазом?

— Сойдет и так. Я и одним глазом хорошо его вижу, — отвечал загадочный малый.

Он уже хотел закрыть и этот единственный глаз, но Ярда подал мне знак, и я в свою очередь спросил:

— Послушай, Вашек, а почему у тебя кеды зашнурованы только до лодыжек?

Загадочный малый зевнул:

— Сойдет и так.

И словно собираясь нам доказать, что зашнурованные таким образом кеды очень даже удобная вещь, прижал пяткой левый носок, вытащил ногу и тут же сунул ее назад.

Мы с Ярдой облобызались и крикнули ему:

— Скажи хоть, как тебя по правде зовут, Вашек или Карел?

Он даже не поднял руку с колена, только показал большим пальцем на табличку, привязанную к рюкзаку. Мы прочли, что его зовут Вацлав Карел. Поди разбери, где тут имя, а где фамилия!

Больше нам не хотелось его разгадывать. Мы смотрели, как он, закрыв глаза, лежал на своем рюкзаке, и только изредка, когда поезд останавливался на какой-нибудь станции, спрашивал:

— Где мы теперь?

— В Чимелицах, — сказал Ярда.

Потом я:

— В городе Аше.

А Ярда:

— В Бухаресте.

Мы хотели хоть разозлить этого загадочного малого. Но он преспокойно кивал головой, даже когда мы сообщили, что остановились в Мурманске.

Ярда решил сходить к вожатому и сказать, что мы не будем жить в одной палатке с этим типом. Даже пионерский галстук у него завязан каким-то необыкновенным узлом... И на все он отвечает: «Сойдет».

В конце концов на нас перешла его сонливость. Разбудил нас вожатый на конечной станции.

Из-за этого соседа даже наша шестнадцатая палатка нас не обрадовала. А это была новехонькая палатка с четырьмя топчанами. Матрасы еще не были набиты, сложенные мешки лежали на топчанах.

— Устраивайтесь, а после обеда пойдете набивать матрасы сеном. Сарай на опушке леса, — сказал нам вожатый.

Наша шестнадцатая палатка была самой красивой из всех, какие я только видел. Когда на нее светило солнце, она так и сверкала металлическими деталями. Неподдалеку стояла старая сосна, на ней сидела какая-то птица и пела. Но нас с Ярдой ничто не интересовало: мы доедали свой обед и смотрели, как Вашек (мы решили звать загадочного малого Вашekom) обтирает пальцами миску, а потом облизывает с пальцев жир.

— Мыть миску лойдешь?

— Сойдет и так, — махнул рукой Вашек и зашвырнул миску под топчан.

После обеда мы отправились в сарай набивать матрасы. У нас была великолепная еловая палка для проталкивания сена.

Вашек с нами не пошел. Идти до сарая ему показалось слишком далеко. Он сообщил нам, что изобрел великолепный способ, как набивать матрасы. Сразу же после обеда полпелся куда-то за лалатку и исчез среди елочек.

Пока мы с Ярдой донесли свои набитые сеном матрасы от сарая до палатки, с нас семь потов сошло. Вашек уже ждал нас. Удобно развалившись на своей постели, он срывал губами прямо с кустика ягоды черники, а когда мы проходили мимо, потыкал большим пальцем ноги в наши матрасы.

— Жуть как твердо. Вы же спины об это переломаете!

А сам покачивался на своем высоком матрасе.

— Потрогайте!

Сперва потрогал я, лотом Ярда. Матрас у Вашека действительно был на удивление мягкий. Я отер со лба пот.

— Чем ты его набил, Вашек?

Он снова только покачался на своем матрасе.

— Секрет изобретателя. Пускай олухи вкалывают. Я работаю вот этим, — он закатил вверх глаза, словно хотел ими показать на лоб.

— Тебе пальцем шевельнуть — и то лень, — сердито сказал Ярда.

Мы оба злились. Вашек покачивался на мягко пружинящем матрасе, а в наших мешках хрустела сухая трава.

Был поздний вечер, чуть дул теплый ветерок. Я все еще ворочался, а Вашек давно уже спал на своем мягком матрасе. Я осветил его фонариком. Из-под его спины вылезала незавязанная матрасная тесемка. Ярда, кажется, тоже на него смотрел. Во всяком случае я услышал, как Ярда, пошевелившись, тихо произнес:

— Сойдет и так.

Сено и правда было немного жестковато. Уснули мы довольно поздно, мне сразу приснился сон. Начало я забыл, но конец помню отчетливо: я стоял на холме, над холмом — черное небо, а по нему мечутся лучи прожекторов, и кто-то кричит.

Проснулся — в палатке темно. Но действительно что-то светит, только не прожекторы. Оказывается, это Вашек машет зажженным фонариком и сдавленным голосом кричит:

— Ребята, что-то меня покусало!

Потом он погасил фонарик, и во тьме тихо засветились семь зеленых точек.

Это было жутко таинственно. Я не знал, сплю или уже проснулся, Ярда тоже не знал.

Вашек снова включил фонарик и принялся им махать. Мы поднялись с топчанов.

— Что случилось?

Он уже не кричал. Сидел на постели и торопливо стаскивал тренировочную фуфайку. Вокруг его головы по-прежнему светились семь таинственных точек.

Потом и я зажег свой фонарик, и Ярда тоже. Мы увидели тучу

муравьев, которые преспокойно разгуливали по спине Вашека. И еще много всяких жучков и букашек суетилось на Вашековой спине и на лоптели. Среди них — и светлячки, отчего и светили во тьме семь огньков. И все это повылазило через незавязанный конец его матраса.

— Чем ты его набил? — крикнул Ярда.

И Вашек ответил:

— Мхом.

Мы вынесли его тюфяк. Вашек выбежал из палатки за нами. И мы долго слышали, как плещет вода в умывальнике.

Вернувшись в палатку, мы сдули муравьев с его топчана, пускай заблудятся в траве; выпустили светлячков и решили не открывать больше Вашеку палатку. Плотно затянули вход да еще конец веревки завязали узлом.

Через минуту Вашек, вернувшись из умывалки, стал вопить, что он мокрый и хочет в палатку. Мы через щель просунули ему сухое полотенце и напутствовали:

— Сойдет и так.

Потом он стал жаповаться на холод. Мы подали ему в щель тренировочную фуфайку и сказали:

— Сойдет и так.

И лишь когда начала выпадать роса, я спросил Ярду:

— Сойдет?

Ярда ответил:

— Сойдет, — и мы пустили Вашека в палатку.

Он не сказал ни слова. Лег на голые доски. Ярда шелнул мне:

— Сказать ему, что он спомает о них спину?

Я тихо ответил:

— Не надо. Сойдет и так.

И оба мы спокойно проспали до утра.

И вот настало утро. На сосне снова пела птица, от сарая на опушке леса дул теплый ветерок и доносил запах сена. Когда мы туда посмотрели, то увидели паренька, который лапкой набивал матрас. Подбежали ближе и разглядели, что кеды у паренька зашнурованы до последней дырочки. А когда Ярда, пощупав матрас, сказал:

— Ладно. Сойдет.

Вашек нагнулся и взял еще горсть сена:

— Пожалуй, нет. Немного не хватает вот здесь, в углу.



Они ехали навстречу ветру, который дул не очень сильно, зато налетал предательски неожиданно.

Две дуги между седлом и рулем. Две изогнутые горбом кошачьи спины. Глаза неотрывно вглядываются в асфальтовую змею перед колесом. Переднее колесо тягивает эту змею под себя, заднее — выбрасывает.

Ехали «на колесе» — то есть гуськом, друг за другом. Всякий, кто проехал несколько километров против ветра, не может не догадаться, что это единственно возможный способ. Иначе ехать просто невозможно.

Первый задает скорость, разрезает воздух и частично прикрывает второго от ветра. Второй должен точно повторять его движения, следя за тем, чтобы переднее колесо шло ось в ось с задним колесом лидера.

Первый продирается вперед с трудом, второй — едет спокойно. И потому они должны чередоваться. Как часто они меняются местами — зависит от договоренности. Слова тут неуместны. Первый еще разок нажмет на педаль, чуть разогнет оцепеневший кошачий хребет, и велосипед секунду движется на холостом ходу. Только миг — а тем временем другой выскочит вперед, сожмет зубы и вступит в состязание с ветром.

Вот и сейчас первый резко поднажал, разогнулся и уголком глаза успел заметить желтую цифру на сием поле придорожного столба. 42 километра.

«Значит, впереди еще марафонская дистанция, — подумал он, — а все-таки лучше жать на педали, чем бегать...»

Велосипед двинулся на холостом ходу несколько дольше положенного. Первый оглянулся.

— Послушай, Мартин, как бы на минутку слезть... — нерешительные слова второго сопровождался извиняющимся тоскливым взглядом.

— Во время гонок? Павел, да ты в своем уме? — ужаснулся Мартин.

Они уже не старались выжать скорость, а спокойно крутили педали и ехали рядом.

— Я-то в своем уме, просто умираю — хочу есть. Вот-вот свалюсь с велосипеда.

— Так почему же ты не ешь? Овсяные хлопья, шоколад, сахар, молоко, апельсиновый сок. У тебя вагон калорий!

Павел громко вздохнул. Он вспомнил, как утром в испуге пробудился ото сна. Ему привиделось, будто Мартин, сидя в полном снаряжении на сверкающем гоночном велосипеде, посмеивается над ним: «Хочешь участвовать в этапных гонках, а сам проспал старт!» Он вскочил с постели, обжег язык горячим чаем, чуть не подавился сухим рогаиком, но приехал вовремя...

— Я успел только налить в свою флягу лимонад.

— Лимонад! — заорал Мартин. — А что я тебе велел?

— Знаю, да только...

— Молчи уж!

Мартин отстегнул пластмассовую флягу, прикрепленную под рулем, отвинтил крышку и протянул Павлу.

После первого же глотка Павла затошнило. И он подумал, что все равно придется слезть с велосипеда. Наструганный шоколад, толченые орехи, изюм, сгущенное молоко, апельсин. В отдельности — отличные продукты, но вместе — проглотить невозможно, просто отраве!

— Тут уж не вагон, а целый товарный состав калорий, — попытался шутить Павел и, глотая через силу, старался утихомирить разбушевавшийся желудок.

Мартин сделал вид, что не слышал, и выразительно глянул на часы.

Павел стал глотать энергичней. Клеевидная каша застревала в глотке, но спазмы в желудке постепенно прекратились.

— Едем! — приказал Мартин и перед длительным подъемом в гору великодушно занял позицию впереди.

Переключили на малую передачу. Что ни секунда — одолевали часть подъема, но каждый такой отрезок отнимал у них немало сил. Примерно на полпути до конца подъема Мартин приподнялся в седле.

Павел послушно последовал его примеру. Переноса тяжесть с одной ноги на другую, они наклоняли велосипеды то вправо, то влево. Соленый пот щипал глаза.

Павел ничего не видел, только асфальтовую змею, вытягиваемую передним колесом. Не хватало ни смелости, ни желания, ни сил посмотреть на зеленые рядки свежескошенной травы, запах которой ударял в нос. Свалиться бы в нее и забыть про эту глупую затею. Зачем он, собственно...

Они были на вершине. Минуту еще ехали по ровной дороге на малых передачах — это было приятно, как состояние невесомости, — но затем Мартин переключил передачу, и Павлу пришлось сделать то же самое.

— Как там сзади? — полуобернулся Мартин.

— Порядок.

— Что значит порядок? Видишь ты их или нет?

— Кого? — не понял Павел.

— Ну, гонщиков.

— Ага! Нет, не вижу.

Мартин подождал, пока Павел его догонит, и весело оскалится:

— Порядок. Я нарочно перед горкой глянул на часы — засек, сколько времени у нас уйдет на подъем. Около трех минут. А они еще и у поворота перед горкой не показывались. Что ты на это скажешь?

— На что — на это?

Мартин поднял глаза к небу, отпустил левой рукой руль и выразительно постучал по лбу.

— А то, умница, что мы выиграли у них не меньше трех минут. Понял?

— Ага, понял. Но это же здорово! — удивился Павел и радостно закивал.

— Осталось не больше тридцати километров. Сначала все по равнине, потом немного в гору, затем снова по ровной местности с редкими пригорками и в конце — крутой спуск. Если будем жать как дьяволы, победа на этом этапе у нас в кармане. Только... — Мартин строго взглянул на Павла, — не увливать, честно чередоваться, а на равнине перед последним спуском каждый поедет на свой страх и риск. Выиграш у нас в кармане. Я или ты. Ясно?

— Ясно!

У Павла даже холодок пробежал по спине. Это было жутко заманчиво, и тем заманчивее, что до сих пор даже в голову ему не приходило. «А почему бы и нет, — убеждал он себя. — Осталось меньше тридцати километров, — не так уж это и много, а там...»

Они полетят, машина к машине, навстречу белой черте, поднимут зрителей с мест, и под оглушительный рев толпы перед самым финишем он обойдет Мартина на метр или хотя бы на толщину покрышки. У Мартина больше выносливости, зато на короткой дистанции он не умеет развить скорость. Да если бы Мартин и обошел его, все равно... Прийти вторым в многодневной гонке! Проиграть какую-нибудь ширину покрышки, оторвавшись от остальных гонщиков на три минуты! Холодок перешел в ноги, как ни странно — усталость исчезла, видно, он сбросил ее где-то на предыдущем подъеме и теперь чувствует поразительный прилив сил.

Они проезжали залитую лолуденным солнцем сонную деревню. Павел заметил перед крутым поворотом у выбегающего на дорогу амбара большое выпуклое зеркало. В грязном надтреснутом стекле увидел Мартина и себя рядом, колесо в колесо. Смелый наклон, выгнутые кошачьи хребты — ну точно так, как и должно быть, как он видел на фотографиях в газетах и спортивных журналах. На деревенской площади въехали в стайку кур, те с испуганным вквотаньем разлетелись в стороны. Услышав за спиной ругань, еще надали.

Въехали в лес.

— Никого? — оглянулся Мартин.

— Никого!

Теперь Мартину уже не приходилось его подгонять, теперь Павел и сам несколько раз ловил себя на том, что с нарастающим холодком в спине боязливо оглядывается, точно чувствует горячее дыхание основной группы гонщиков. До чего же хотелось пить, просто язык к небу приклеивался, а на дорогу из прохладного леса высовывались ветви ежевики с черными блестящими ягодами. Лес кончился, перед ним простиралось слегка всхолмленное плоскогорье, у черты горизонта оно резко обрывалось и падало к невидимому финишу. Еще восемь километров. Из них два с половиной — спуск. Павел напоследок оглянулся. Больше оглядываться не придется. Раз их не догнали в лесу, теперь уже не догонят.

Они переключили на большую передачу и прилежно менялись местами. Две дуги между седлом и рулем. Кошачьи спины. Глаза неотрывно вглядываются в асфальтовую змею перед колесом. Ноги с торжествующей яростью неистово крутят педали.

Затем трасса резко пошла под уклон, и глубоко внизу, в долине, показался финиш. Дорога вела к нему, но не по прямой. С первого взгляда было видно, насколько опасны эти крутые повороты. А их было немало!

— Каждый за себя! — прокричал Мартин и склонился низко-низко к рулю, пальцы обеих рук чутко сжимают тормоза. Повороты были без наклона, и Мартин входил в них на полной скорости. Первый же поворот вынес его к противоположной обочине.

— Береги челюсть! — успел еще крикнуть Павел, но уже знал, что и сам поедет так же.

Другой поворот срезали так, что Павел услышал, как педаль со скрежетом полоснула асфальт. Третий поворот казался не таким опасным. Мартин снова вылетел к самой обочине, засыпанной мелкой кирпичной крошкой и песком, а Павел со свистом пронесся за ним следом. Этот миг был похож на короткий фильм. Сначала у Мартина занесло заднее колесо. Это бы еще ничего, Мартин сумел выровняться. Потом у него занесло переднее, и Павел умудрился проскочить ну прямо на волосок от него. Затормозил метрами десятью ниже. Соскочил с машины и подбежал к Мартину.

Тот сидел около велосипеда. Не обращая внимания ни на черные от пыли ноги, ни на капельки крови, выступающие из разбитого колена, смотрел на велосипед так, что у Павла сжалось сердце.

У переднего колеса самая настоящая восьмерка, а синяя сверкающая рама непоправимо ободрана.

— Мартин, — подступил к нему Павел и не мог продолжать, ведь

Мартин, как и он, получил этот велосипед к рождеству, и никто, кроме них, не понимал, как много он для Мартина значил.

— Мартин, это можно исправить.

— Знаю.

— Тогда вставай. Я понесу твой велосипед, а ты поведешь мой.

Дойдем пешком.

Мартин резко поднял голову:

— Обалдел?! Садись и жми, ты первый!

— Да ладно уж...

— Садись и жми, говорю!

— А ты?

— Не бойся! Возьму машину на плечи и один километр до финиша как-нибудь одолею. У нас три минуты форы, а потом — в любую минуту меня может догнать аварийная, и мне дадут запасной велосипед.

— Мартин...

— Кончай разговорчики и поезжай!

Мартин встал, носовым платком отер с ноги кровь и забросил велосипед на плечо.

— Езжай. На этапе это обычное дело.

Павел оглянулся, медленно подошел к своему велосипеду и сел. Еще раз обернулся на Мартина и нажал на педали. Осторожно проехал последние повороты, и перед ним открылась широкая улица, где-то там, возле вон той кучки людей, был финиш.

Павел разогнал машину, пружинистый асфальт сменился булыжной мостовой, ладони на рукоятках руля болезненно ощущали каждый камень. Кучка людей приближалась, Павел победоносно поднял обе руки, но вспомнил про Мартина, застыдился и поскорее снова опустил их на руль.

Потом слез с велосипеда, осторожно положил его на край тротуара и нерешительно глянул на людей, стоявших перед ларьком, где продавалось мороженое. Никто не обратил на него внимания. Он подошел к газетному киоску и выбрал открытку. Сел возле велосипеда на обочину тротуара, вынул из заднего кармана шорт огрызок карандаша и начал писать:

«Здравствуй, мама, — потом колебался и написал, — мы доехали к тете в полном порядке. Не волнуйся. Сейчас умоемся у фонтана и пойдем к ней. Привет. Павел».



27 июня.

Этим летом у меня будут отличные каникулы! Вчера за ужином папа сказал, что природа лечит нервы лучше, чем все курорты, вместе взятые, и что мы начнем осваивать автокемпинг. Бабушка спросила, что это такое, и я сказал: «Это отличная штука — едешь на машине, остановишься где-нибудь в нехоженной глуши, разобьешь палатку, включишь транзистор, печешь на костре сардельки, и так далее, и тому подобное». Потом папа вышел в переднюю и вернулся с громадным свертком. «Угадываете, что тут?» — спрашивает. Я не отгадал, думал, что отгадала мама, потому что она вдруг вскочила и поцеловала папу. Потом побежала за ножницами и развернула бумагу. Но сразу же перестала радоваться. «Так это не ковер для стоповой, который ты мне обещал купить?» — огорчилась она. А я заорал: «Это же здорово!» В пакете оказалась палатка! И какая палатка! В нее целиком вошла бы наша «Волга», а может, и полуторатонка.

«Устроимся как в лучшем отеле», — предрекал удовольствие папа. Мы отставили в сторону стол и стулья, задвинули в угол рояль и тут же

попытались установить палатку. Мама с большим удовольствием любовалась бы новым ковром, но в конце концов и палатка ей понравилась. И нашему пуделю тоже. Астор хватал зубами тесемки и скреб лапой полотняные стены, пришлось его отшлепать и запереть в ванной. Только бабушка заявила: «Я вам не клоун и в цирке шапито жить не буду». Шапито — это было шикарное название, так оно у нас и прижилось. Потом папа сказал, что в июле мы поедем на нашей «Волге» и с нашим шапито в Татры, но было уже пол-одиннадцатого, и меня загнали в постель.

28 июня.

Мы сидели на лестнице перед домом, и Людек все подмигивал Оте и Зденеку. На второй ступеньке примостились Слава с Камиллом и не переставая шушукались. Я тоже строил загадочную физиономию, ведь у меня была своя тайна: шапито, Татры и автокемпинг.

Потом Людек плюнул через весь тротуар и говорит: «Слушай, Милан, хочешь кое-что узнать?» Я плюнул на метр дальше, прямо на дорожку, и отвечаю: «А мне — до лампочки». Но мне было вовсе не до лампочки, разве не интересно услышать чужую тайну, я только делал вид, будто мне до лампочки, чтобы ребята не задирали нос.

— Мы едем в Словакию, — не удержался Зденек. — Будем жить в палатках.

И все вылупились на меня: не свалюсь ли я со ступеньки. Думали, я тут же в обморок упаду. Но я продолжал преспокойно сидеть. Когда им стало совсем ясно, что я не свалюсь, Людек снова заговорил:

— Мы знаем, что ты маменькин сынок, но готовы взять тебя на пробу.

Этим маменькиным сынком он меня окончательно допек. Меня так дразнят, потому что завидуют. Мы с папой ездим за город на «Волге», а они всюду таскаются пешедралом. Потому-то они со мной никак особенно не дружат. Но почему сегодня я им вдруг понадобился? Камил проговорился: оказывается, он не нашел в свою палатку напарника. Поэтому меня и захотели взять в компанию. Я стал подыскивать такой ответ, чтобы поддеть их еще больше, чем они меня. Но вслух не проронил ни словечка, и ребята считали, будто я размышляю, ехать с ними или нет.

— Поедем, — уговаривал меня Камил. — Разобьем где-нибудь в горах лагерь, будем сами варить, охотиться на диких зверей, стрелять из лука и всякое такое.

Я знал: он говорит это, потому что боится, как бы не остаться одному ночью в палатке. Я перестал подыскивать слова и открыл свой козырь:

— Подумаешь, мы тоже едем в Словакию. А варить будет мама. И у нас есть цирк шапито, если хотите знать!

Потом я им сказал, что у нашей палатки резиновый пол, приходящая, окошко с застегивающимся клапаном, и вся она огромная, как цирковой шатер. Ребята зеленели от зависти, но не хотели, чтобы я видел, что они все позеленели, и начали говорить, что, мол, они бы на такой автокемпинг не поехали, предложи им хоть «шестисоттройку»¹, ведь порядочные туристы ходят пешком, чтобы получить настоящее удовольствие.

¹ Семиместный лимузин «Татра-603».

Я им отвечал, что они были бы рады поехать хоть на мопеде, да и того у них нет. Потом мы заговорили громче, а под конец уже кричали. Я старался кричать потише, потому что боялся, как бы Ота не полез драться.

1 июля.

Сегодня ребята уезжали. За плечами такие рюкзаки, что едва пролезли в калитку. Я снова сидел на лестнице — меня одолевала скука — и только радовался, что у нас есть «Волга». У нашей «Волги» уйма лошадиных сил, и она все потащит вместо нас.

Дед Йонэш спросил ребят, куда, мол, ребятнишки, собрались, бродяжничать небось? Люда жутко оскорбился и говорит:

— Мы не бродяги, дедушка, мы туристы.

Я хотел им крикнуть: «Бродяги-бедняги!» — пускай позлятся, но решил лучше проглотить слюну и смолчать, слишком они были близко.

Скорей бы уж и мы поехали, но придется ждать до субботы, когда папа получит отпуск.

3 июля.

Вот это отличные каникулы! «Волга» едет со скоростью реактивного самолета. К полудню мы уже были в Жилине, и на обед нам подали в отеле шницель с картофельным салатом. Потом мы поехали дальше вверх против течения Вага. У Стрча двое махали нам — просили взять автостопом, но я их не видел, я смотрел на пороги. Мне жутко обидно, что я не видел, как они махали. Вдруг папа затормозил, и, слышу, мама говорит:

— Ой, ой, откуда вы тут взялись?

У дороги стояли Людек с Камилом.

— Мне очень жаль, но я не могу вас с собой захватить, все забито до отказа, — сказал папа. А мне вовсе было не жаль. Я высунул из окошка голову и говорю:

— Они бы все равно не поехали... даже на шестисоттройке. Они любят ходить пешком, чтобы получать настоящее удовольствие.

Тут наша «Волга» снова вгрызлась в дорогу и глотала один километр за другим. Мама все время жалела ребят, а я блаженствовал на заднем сиденье и потихоньку смеялся. Потом надел темные очки от солнца и думал про себя: «Автокемпинг — чудесная штука. На этот раз у меня отличные каникулы».

4 июля.

Наше шэпито стоит на лужайке под скалой в настоящих джунглях. Наверно, километров на пятьсот вокруг ни деревушки, ни единого сруба, ну совсем ничего. Только хищные звери. Тут, должно быть, тьма-тьмущая хищников, минуту назад я слышал жуткий рев. Думаю, медведь. Я предпочел держаться поближе к машине, вытащил духовое ружье, чтобы оно на всякий случай было у меня под рукой. Наши и в ус не дуют. Мама покуривает папиросу и слушает транзистор, папа лежит под сосной и читает журнал «Всемирная литература». Тут, конечно, здорово, но немножко скучновато. Я бы сходил на охоту, если бы этот медведь не ревел так близко. Вот и решил лучше писать дневник. Папа водит «Волгу» как бог, заехал на лужайку по деревянному мостику, это стоило маме нервов, но все кончилось благополучно — мостик выдержал, и теперь мы как робинзоны на острове. Здесь отличная площадка для автокемпинга, потому что любой человек может к нам приблизиться только по

мостику, а с других сторон нас защищают скалы и ручей. И ночью никто не украдет у нас фары, как это случилось один раз в Праге. Пишу немножко бестолково — рев все не прекращается. Я не знал, что в Словакии столько медведей. Но все равно это отличные каникулы.

5 июля.

Ночью мне приснилось: сижу я в засаде и подстерегаю медведя. Сначала я слышал его рев вдалеке, потом все ближе и ближе. Вот он уже совсем близко и ревет так, что у меня по всему телу забегали мурашки. Затрещали ветки, из кустов вылез гризли. Ростом он был не меньше пяти метров и шел прямо на меня. Я выстрелил и тут вспомнил — ружье-то духовое! С перепугу я даже проснулся. А проснувшись, испугался еще больше: в лесу ревел тот самый медведь, которого я слышал вчера вечером. Он был жутко близко, уже и мама проснулась, и Астор беспокойно залаял. Потом что-то затопало по мостику через ручей, и мы услышали: какой-то зверь обходит наше шapитo. У всех душа ушла в пятки.

— Иди посмотри, кто это, — шепнула мама.

А папа тихо сказал:

— Все равно там темно, а я не помню, куда вечером положил очки. Наверное, белочка.

Ну, скажу я вам, хороша белочка, этот зверь фыркал и сопел, как слон, лично я думал, что это медведь, хоть он больше не ревел. Я натянул на голову стеганое одеяло. Не знаю, сколько я так пролежал, вдруг слышу — зверь заревел у самой нашей палатки и кто-то закричал по-словацки. Папа расстегнул полы палатки, и мы увидели, что уже светает. В шapитo заглянул бородатый дед с посохом и говорит:

— Гоняюсь за проклятой всю ночь.

Возле палатки снова послышался жуткий рев, и я увидел, что перед нашей машиной стоит корова.

— Вы не видели тут еще одной? — спрашивает дед. — С нашего выпаса удрали две телки.

Мне было чуточку досадно, выходит, вчера в лесу ревели не медведи, но немножко я и радовался: ведь когда твою палатку ночью обнюхивает гризли — тут уж не до шуток.

Пастух вскоре угнал корову. Еще не было и четырех часов, мы опять мигом уснули. Проснулись утром. Было уже больше половины седьмого. Я это точно знал, потому что папа занимался зарядкой. Поставил транзистор на пенек, делал наклоны и приседания и все не мог нарадоваться, как тут великоленно. Что касается меня, то для меня великопение всего полежать в теплой постели. Я бы преспокойно храпел дальше, но хотелось посмотреть, как выглядит такая дикая глушь рано утром. Только я выбрался из палатки, как сразу под пихажу забрался холод, а роса насквозь промочила тапки. Повсюду было море солнышка, а я все равно продрог. Над долиной кружила какая-то птица, орел или еще кто-то. Она была жутко большая, с теленка. Я бы сразу ее подстрелил, если бы под рукой оказалось духовое ружье и если бы оно стреляло так далеко.

— Иди делать со мной зарядку! — кричал папа, но я вообще ненавижу физкультуру, потому-то у меня по ней и тройка, а сейчас каникулы, не хватает еще и в каникулы заниматься физкультурой. Я быстренько снова плюхнулся на свой надувной матрас и натянул пуховое одеяло.

Встал только в полдень — к обеду. Завтрак мама дала мне в постель. После обеда захотелось что-нибудь делать, но мама загорала, а папа снова читал «Всемирную литературу». Тогда я взял духовое ружье и отправился на разведку, но за мостиком начался лес, а в лесу была тьма, хотя солнышко продолжало светить. Не то чтобы я боялся, но одному не хотелось никуда ходить, я ведь здешних мест не знаю, могу заблудиться, и вообще... Да к тому же и на нашей лужайке ничуть не хуже. Была б она только чуточку побольше да поскорей бы папа дочитал свою «Всемирную литературу», чтобы мы уж хоть что-нибудь начали делать.

6 июля.

С утра загораем на камнях у ручья. Отличное занятие. Писать в общем-то не о чем.

7 июля.

Загораем.

8 июля.

Больше не загораем, солнышко спряталось. У папы здесь, наверно, пять тысяч номеров «Всемирной литературы». Поди до самой смерти не перечитает, и я так ничего и не увижу. Мама лежит в нашем шалито. Едва мы сюда приехали, она сказала, что две недели не сделает от машины ни шагу, чтобы власть отдохнуть. Был бы здесь хоть телевизор, или кино, или еще что. Тут, конечно, здорово, но скучища жуткая.

9 июля.

Утром снова загораем. Мне даже не надо мазаться кремом, я и без того, как негр. За завтраком папа неожиданно произнес:

— Ну-ка, тихо!

Я перестал жевать и услышал, что кто-то свистит.

— Это сурок! — сказал папа и весь просиял, словно только что обогнал «форд». — Сидите тихо, может, он засвистит еще громче.

Не меньше часа мы сидели тихо, как мыши, и это меня здорово допекло. А потом свист и верно повторился гораздо громче.

— Ах, как прекрасно! — заметил папа. — Вы слышите, как он великолепно свистит?

Свист все приближался. И вдруг на том берегу ручья показались две фигуры. Я думал, что упаду в обморок. Это были Ота со Зденеком.

— Вот это класс! — заорал я. — Что вы тут делаете?

— Ищем Камилла, Славу и Людека, — ответил Ота. — Мы их недавно потеряли. — Он чуть-чуть высунул кончик языка и свистнул, как сурок. Теперь, когда выяснилось, что это вовсе не сурок, а Ота, наш папа разозлился и обругал ребят, что, мол, своим свистом они нарушают покой природы. Ребята шли сюда вдоль ручья и как раз вчера разбили палатки чуть пониже нас. А теперь рыскали по лесу, разыскивали следы разных животных. Ота показал мне великолепные гипсовые отпечатки и уверял, что это следы оленьих копыт. Я делал вид, будто меня это вовсе не занимает, и показывал им наш автокемпинг. Они заглянули в шалито, залезли в нашу кухню. Мама сварила им на спиртовке какао и угостила бисквитом. Потом пришли Людек с Камиллом и тоже все осмотрели и ели наш бисквит.

— Здорово, а? — спросил я их.

— Подумаешь, — скривил нос Людек. — Интересно знать, что ты тут делаешь с утра до вечера?

Я не хотел, чтобы они знали, что я только и делаю что загораю, но не сумел так быстро ничего придумать и сказал:

— Между прочим, у меня тут отличные каникулы.

— Приходите посмотреть на наш лагерь, — пригласил Людек.

Я хотел ответить: «Чего мы там не видали? Все равно такой палатки, как наша, у вас нет», но мама сказала:

— Что ж, можно.

Хотя совсем недавно уверяла, будто ни шагу не сделает от машины. Дорога до их лагеря была чертовски трудная. Сперва мы шли по тропинке вдоль ручья, но вдруг откуда ни возьмись перед нами очутилась метрового роста крапива и дальше пришлось прыгать по руслу ручья с камня на камень. Людек все время говорил: «Скоро придем», но мы все не приходили. Мама устала и, когда мы наконец туда добрались, была рада, что может сесть. Ребята разбили три палатки на полянке, довольно высоко над ручьем.

— И выбрали же вы местечко, — говорю, — воду надо таскать за десять километров по склону.

Зденек вскипятил нам на костре чай и поджарил хлеб. От всего так и несло дымом. Наши делали вид, будто пьют, а сами тайком выливали чай в мох и совали гренки под пенек. Потом мы заглянули в их палатки. Под спальные мешки были подстелены еловые ветки.

Мама сказала:

— Вам же, ребята, должно быть ужасно жестко!

А Слава в ответ:

— Что вы, мы привыкли.

Но все равно мы ему не поверили. Потом мы шли назад, и мама два раза поскользнулась и промочила ноги.

После обеда я лежал под елью, потому что была жуткая жара. К пяти часам вдруг дико потемнело, и не успели мы затащить все вещи в наше шашито, как из-за гор нагрянула гроза. Я видел за свою жизнь не меньше семи тысяч гроз, но такой еще видеть не доводилось. Гром гремел, будто в скалах палили из пушек, молнии, наверно, вообще не гасли, точно я этого не знаю, потому как залез под пуховое одеяло. Папа все время говорил, что в нас молния ударить не может, поскольку вокруг высокие деревья. Папа — знаменитый физик, ему лучше знать, ударит она в нас или нет, но все равно мы порядком перетрусили. По счастью, эта канонада продолжалась не больше четверти часа, а потом уже только лило. Ну, скажу я вам, это был ливень! Словно кто-то наверху опрокидывал лохань за лоханью.

— Бедняги ребята, — говорила мама. — У них в палатках будет совсем мокро, ведь там нет, как у нас, резинового пола.

— Придут, если им будет очень уж плохо, — заметил папа.

А я радовался, что они приплетутся как мокрые курицы и будут просить у нас помощи. Но никто не пришел.

Теперь вечер, ливень перешел в мелкий дождичек. Я пишу дневник, а папа уже в пятидесятый раз спрашивает:

— Вы слышите божественную симфонию природы?

Я наострил уши, как заяц, но не слышу ничего, кроме барабанной дробы капель по полотняной крыше нашего шашито, шума леса да рева ручья.

Я дописал и ложусь спать. Спокойной ночи.

10 июля. 6.30 утра.

Сижу в машине и пишу в такую рань потому, что приключились невероятные вещи. Не знаю, как долго вчера вечером наши слушали «симфонию». Я рано лег спать. Ночью меня разбудил крик. Я уж думал, на нас напали разбойники или еще что, но оказалось — это мама. Папа тоже проснулся, и мы оба соскочили с постелей. И прямо в воду. В нашем шапито полно воды, а мы об этом и не знали, ведь мы лежали на надувных матрасах, и те плавали, словно плоты. Когда мы соскочили в воду, я заорал, папа тоже заорал и вспыхнула паника. Теперь, когда я пишу, все это выглядит, как потеха, а ночью был сущий ад. В темноте да еще посреди воды мы вообще ничего не могли найти, папа споткнулся об Астора, упал и немного хлебнул воды. Потом мы сбежали в машину, и это нас спасло. Вода доставала до середины колес, но внутри в общем-то было сухо. Мы зажгли фары и включили отопление, потому что жутко замерзли. Фары отбрасывали лучи через долину, и мы увидели, что наша лужайка вся затоплена — это ручей вышел из берегов.

— Надо переехать на другую сторону, — сказала мама папе, — если вода поднимется, нас смоеет, как щепку.

Но папа переехать не мог: мостик скрылся под водой, и мы точно не знали, где он.

Так и просидели мы в машине до рассвета. По счастью, вода больше не поднималась. Папа схватил насморк, наверно, оттого, что в одной пижаме перелетел через Астора и плюхнулся в воду, а у мамы началась мигрень. Только Астору и мне ничего не сделалось. Я думаю — все это здорово, ведь мы здесь, как робинзоны, отрезаны от всего света. Мостик никак не выныривает. На спор, ни один робинзон не был отрезан от света на автомобиле!

10 июля. 9.15 утра.

У мамы все еще мигрень, она лежит на заднем сиденье под одеялом. Хотел бы я знать, кто сварит завтрак, раз мама лежит. А у меня как раз начинает урчать в животе. Уровень воды немножко снизился, но мостика не видно.

10 июля. 11.15.

Идет мелкий дождь. Папа больше не говорит о симфонии, только ругает собачью погоду. Наше шапито уже на суше, но в нем чертовски мокро. Мы до сих пор не завтракали, подыхаю с голоду. Папа принес из палатки спиртовку, да все спички отсырели. По счастью, он нашел в машине запасной коробок. Только воды у нас нет, родничок на другом берегу. А ручей все не хочет утихомириться и вернуть нам мостик.

10 июля. 13.00.

Хлеб, мука, лапша, манная крупа и вообще все, что не в консервных банках, дочиста размокло. Мы согрели банку гусиных потрохов, но есть пришлось без хлеба. Съели собачьи сухари Астора, только они и остались сухие, потому что были в машине. Астору придется подождать, мяса у нас мало. Папа с мамой запивали гусиные лотроха вином, а мне не дали, говорят, наберись терпения, скоро покажется мостик. И потому мне так хочется пить, будто я съел пять кило селедки. Астор пьет прямо из ручья, а я смотрю и завидую.

10 июля. 13.15.

Черт знает что. Большая вода снесла мостик. Мы поняли это, когда вода еще чуточку опустилась, а бревна все не показывались и не пока-

зывались. О Робинзоне здорово читать, как он потерпел кораблекрушение и семнадцать лет жил на необитаемом острове, но если он был такой же голодный, как я, и так же хотел пить, то мне всех его приключений даром не надо.

Папа только что пытался перейти ручей по упавшему дереву. Это всем нам стоило нервов. Теперь он сел на ствол, как на коня, и потихоньку продвигается вперед.

10 июля. 13.55.

Папа перебрался на другой берег, но назад к нам вернуться не может. Чертовски мешает кувшин с водой. Уже два раза он расплескал всю воду еще на полпути, а на третий — чуть не упал в ручей сам, вместе с кувшином.

Потом пришли Людек, Камил и остальные ребята, решили нас проведать и узнать, как мы пережили грозу и не нужно ли нам чего. У меня во рту так пересохло, что даже язык прилип к небу. Людек взял из палиных рук кувшин с водой и перешел по стволу спокойно, как канатоходец, даже ни капельки не расплескал. За ним перешли и остальные ребята, только папа переползал сидя.

— Здорово же вас затопило, — сказал Ота.

А Людек добавил:

— Я сразу так и подумал.

Мне хотелось крикнуть им что-нибудь жутко обидное, но в эту минуту я как раз пил. Выпил не меньше пятнадцати литров и сразу почувствовал голод. Мама сказала папе, что он должен идти куда-нибудь в лесничество за едой и чтобы кто-нибудь пришел починить мостик, иначе мы не сможем уехать. Папа ей сердито ответил, что уже по горло сыт бессмысленным ползаньем по стволу и что она могла бы это сказать, пока он был на той стороне. И добавил:

— До лесничества двенадцать километров. Двенадцать туда и двенадцать назад — это двадцать четыре, считай по меньшей мере шесть часов ходьбы. Настоящее самоубийство — ходить пешком так далеко.

Тогда Слава сказал, что в их лагере достаточно продуктов, и обещал поделиться с нами. Пришлось мне отправиться в их лагерь.

10 июля. 18.40.

Хочешь не хочешь, надо перебираться по дереву через ручей. Я прошел по бревну, как все ребята, только чертовски дрожал — на каждом шагу бревно подпрыгивало. Но все-таки я перебрался на другой берег и смотрел на ребят — что они скажут. Они ничего не сказали.

— Мы по таким стволам лазаем во время каждого похода, — заметил наконец Камил.

В их лагере был один Зденек. И уже приготовил ужин. Из котелка вкусно пахло супом, у меня так потекли слюнки, что я не успевал их сглатывать.

— Хочешь? — спросил меня Камил.

Гордость приказывала мне заявить: «Нет, я не голоден». Я и открыл было рот, чтобы сказать «нет», но почему-то у меня вылетело:

— Ага.

Я не виноват, я ведь по-честному хотел сказать «нет».

В палатках было абсолютно сухо. Я удивился, а Ота показал мне отводные канавки, которые они вырыли перед грозой вокруг каждой палатки.

Ребята дали мне буханку хлеба, сахар, чай, пакетик рису, чтобы маме было что варить. Я делал вид, будто нам всего этого не надо, но уж раз они дают, мы, так и быть, возьмем.

Потом я во весь дух припустил к нашему лагерю, мне было жутко стыдно.

11 июля.

Отличное воскресенье, солнышко жарит во все лопатки, только наши без конца ругаются. Папа с утра был в лесничестве, дорогой совсем выдохся, но все равно ему сказали, что в воскресенье сюда никого не заманишь и придется нам обождать до завтра. Мама любой ценой хочет немедленно ехать, ведь у нас мало еды, а что если начнется новая гроза! Кричит на папу, что этот автокемпинг стоит ей последних нервов и что остаток отпуска она должна провести в Марнанных Лазнях, чтобы хоть как-то прийти в себя. Мне их споры надоели, и я пошел в гости к ребятам. Люден со Славой стреляли из лука, а Ота со Зденеком собирали на склонах гор камни для геологической коллекции. Я нашел для них один чертовски редкий камень. Мне было интересно, и я продолжал искать, не найду ли чего снова. Но больше ничего не нашел, и мы с Камилем отправились по малину. Он открыл на одном из склонов целую плантацию и взял меня с собой. Мы даже не разговаривали, рот все время был набит. Потом мы увидели на другом склоне какую-то фигуру. Это, наверно, был Люден или Слава. Вдруг Камил заорал и понесся вниз к ручью. Я оглянулся и тоже заорал: передо мной был медведь. Честно, самый настоящий медведь. Стоял на задних лапах и собирал малину. Когда он нас увидел и услышал наши вопли, то испугался и стал улепетывать по склону. Мы примчались в лагерь, запыхавшиеся, а Камил блеял, как коза «ме-ме-ме...» Наверно, только через час он смог выговорить слово «медведь». Люден взял колчан, полный стрел, Ота взял мешок с гипсом, и все бросились назад, в малинник. Я удивился, что они не боятся, но не хотел оставаться в лагере один и побежал за ними, правда, последним. Ребята обыскали все кусты, но медведя уже и след простыл. Потом Ота увидел в мягкой земле след медвежьей лапы, он чертовски обрадовался и сделал гипсовый слепок.

Вечером я вернулся к нашей машине. Папа с мамой не разговаривали; наверно, целый день, не переставая, ругались. Но все равно это был отличный день, хотя ужинали мы только хлебом с чаем. Медведь явно того стоил, и еще мне нравилось, что я прославился находкой редкого камня.

12 июля.

Утром пришли какие-то люди, срубили несколько елей и сделали новый мостик через ручей. Потом мы упаковали наше шипито и все вещи, и папа сказал:

— Едем.

Мы уселись в машину, а я только и желал, чтобы у папы не завелся мотор, или кончился бензин, или случилось еще что-нибудь такое, из-за чего нам пришлось бы остаться здесь хоть на несколько дней. Я бы уходил с утра к ребятам, и было бы жутко интересно.

Но мотор все-таки завелся, а папа сказал, что бензину хватит до самой Остравы. Жаль, теперь до конца месяца буду помирать со скуки в этих Марнанных Лазнях. А ведь могли быть такие отличные каникулы!

Мальчик из-под Угляр



«Кто не видел Угляр, тот не видел леса», — говорили люди из хутора Малиново, неверное, еще с тех пор, как там вырос из-под земли первый домишко. Малиново лежало под Угларом, и домов в нем было не более дюжины. В одном жила семья Древиников. Самый старый из них, дед Ондраш, уже подбирался к восьмому десятку. Сына звали так же, и был он главный бача — старший пастух в сельскохозяйственном кооперативе. Внук, Бонифац, ходил в школу — шесть километров до ближайшей деревни и столько же назад.

Сразу за домиками хутора начинался Угляр. Гора незаметно выросла прямо из земли меж камней и поднималась все выше и выше. Кое-где ее словно бы проламывали широкие луга, зато потом она еще круче уходила ввысь. Ее вершина — так по крайней мере казалось Бонифацу, когда он был маленький, — доставала до облаков. А когда стоял

ясный денек и припекало солнышко, Угляр своей вершиной, похожей на остро заточенный карандаш, легкой дымкой вырисовывался на небе.

Но краше всего были на Угляре деревья. Высокие, ровные, точно литые, с твердой корой, одно могучей другого, иное дерево и взрослому не обхватить. А зимой, когда из-за Угляра налетали ветры, верхушки деревьев начинали петь таким громким хором, что их слышали даже внизу, на хуторе. Они пели низкими басами, в которые вплетались тонкие чистые голоса веток. Угляр пел, пока не выпадал первый снег. Под снегом гора засыпала и просыпалась лишь весной. По склонам струилась вода, смывала снег, освобождала землю и выманивала из-под камней первые подснежники. Это было время, когда в старого Ондраша Древника и в его сына, носившего то же имя, вселялось беспокойство.

— Пора отправляться, — дед поворачивал голову в сторону Угляра, а затем медленно назад, к сыну. — Погода подходящая, к чему сидеть дома?

— За Дурным камнем еще может лежать снег...

— Ничего, перейдем. А то — протопчем тропу...

— Посоветуюсь с председателем.

В эти дни старый Ондраш ожил. Наваксил свои низкие сапоги, осмотрел все подойники для овечьего молока, гнеты, крюки, чтобы потом быть спокойным — ничего не забыто. В понедельник перед их домом остановилась телега, запряженная двумя лошадьми, — и начали грузить на нее пастушеское снаряжение.

— Осторожней с котлом! Медный, чать... теперь такого не сыщешь, — предупредил дед возницу.

— Положу его сюда, на сено.

— А под низ попонку, — посоветовал Ондраш и сам проверил, как возница все это сделает.

Телега со снаряжением тронулась. Лошади загребали копытами — нелегко вытаскивать колеса из сырой земли. Дед Ондраш смотрел им вслед, пока телега не скрылась за первыми деревьями, потом неторопливо, степенно вернулся в дом. Жил он в задней горнице, возле кухни. Пока дед собирался на пастбище, никто не смел к нему входить. Это был его праздник, праздник новой весны, новой радости, пробуждавшейся жизни... Не меньше часу уходило на сборы. Зато когда он появлялся — глаз не оторвешь: в старинной народной одежде, на голове пастушья шляпа, в руке резная дудочка, а через плечо переброшено ружье.

— Дедушка, дайте подержу ружье, — предлагал крутившийся перед крыльцом Бонифац.

— Рано тебе... Погоди!

— Ну хоть дудочку!

— Летом выстрогаю тебе, а эта — памятная, еще мой прадед вырезал. Когда твои руки найдут путь к нашему ремеслу, получишь дудочку!

— А можно я пойду рядом с вами?

— Шагай!

Отец с другими крестьянами уже подошел к хутору с зимовья овец. Тут их встретил старый Ондраш, заиграл на дудочке, и овцы сразу пошли веселее.

— Эй-богу, он с ними точно разговаривает, — обратился к председателю молодой зоотехник.

— Очень может быть, — покивал головой председатель. — Древники — старый пастушеский род. Глянь-ка, уже и младший подбирается к делу, — он показал на Бонифаца, который вышагивал рядом с дедом.

Мальчик готов был идти так хоть до Дурного камня.

— Дальше нельзя! — остановил его дед Ондраш и махнул рукой — мол, отступи в сторонку.

— Еще немножко!

— Не повторять же тебе два раза, — дед переложил ружье на другое плечо и погрузил ноги в мягкий снег, перепачканный копесами воза, что проехал впереди. — Помогай матери!

— Ладно, — кивнул Бонифац и прислонился к толстому стволу дерева.

Овцы проходили мимо него, жались друг к дружке на узкой лесной дорожке, весело блеяли, ягнята подпрыгивали. Шерсть — вся в мелких колечках, и Бонифацу казалось, будто на них нарядные шубки.

— На... На-а... — он протянул руку маленькому ягненку с черным пятном на лбу.

Ягненок остановился, приподнялся на задних ножках и несмело пошел к мальчику.

— Не бойся, иди, иди сюда! — звал его Бонифац. — Я тебе ничего плохого не сделаю.

Хотел дотронуться до ягненка, тот испугался и неуклюжими прыжками поспешил к овцам. Поскакал немного на своих тоненьких ножках, но потом обернулся и медленно побрел назад, к Бонифацу.

— Вот видишь... пришел! — улыбнулся мальчик, протягивая ягненку папыцы. Малыш осмелел и теплым шершавым языком лизнул средний палец. — Вкусно?

Вдруг ягненок схватил весь палец и принялся сосать.

— Ого, какой ты теперь смельчак! — рассмеялся Бонифац и не стал ягненку мешать — пускай повозится.

В стаде заблеяла овца. Ягненок мгновенно поднял голову, топнул копытцами и умчался.

К Дурному камню уже подходили последние овцы. Отец Бонифаца изредка подгонял их кнутом, но щелкал им скорее для порядка. Он знал: овцы, как и люди, как старый Ондраш, как все овчары, которые пасут их, сами спешат на волю, что ждет их на лугах Угляря.

— Ты почему не в школе? — спросил отец, поравнявшись с Бонифацем.

— Сегодня школа только после обеда.

— Мог бы помочь маме... хоть дров наколоть.

— Наколю, не бойтесь, — уверил отца Бонифац. Провел рукой по шершавой коре дерева и только потом спросил: — Отец, можно прийти к вам в субботу?

— Видать, тебе на Угляре интересней, чем в школе!

— Я и школу люблю...

— Когда — говоришь? В субботу? Приходи лучше в пятницу после обеда, — под длинными усами отца промелькнула улыбка. — Мне надо будет сходить в деревню, так по крайней мере дед будет не один.

— Приду, конечно, приду! — крикнул Бонифац и пожелал отцу: — Удачи вам! Пускай будут овцы в кошаре, а волки подале.

— Спасибо, — поблагодарил отец, сняв шляпу, как при прощании со взрослым. — Ну, беги, чтобы мать не искала.

Бонифац подпрыгнул и побежал к хутору.

— В субботу буду пасты с дедом! — крикнул он, и деревья ответили ему гулким эхом.

Дом обезлюдел и стих. Мама, еще до того как Бонифац проснулся, ушла на ферму доить коров. Вернулась она, когда Бонифац уже был в школе. Встретились только за обедом. Он поел и стал делать уроки.

Незаметно с Угляра спустился вечер с мелким, теплым весенним дождиком, который по-птичьи клевал крышу.

— Трава быстрее расти будет, — поднял Бонифац голову от тетрадей, заслышав дождь.

— Думай лучше о школе, — сказала мама и положила в огонь несколько щепок. — Рано тебе об овцах заботиться!

— Уроки я уже выучил.

— Умойся и ложись спать.

— Мама, отец говорил, чтобы в пятницу я поднялся к кошаре. Ничего им не пошлешь?

— Что-нибудь придумаю.

— Тогда приготовь, ведь завтра пятница, — сказал Бонифац совсем дедовским голосом и, чтобы мама не успела возразить, быстро разделся и юркнул под холодную перину. Закрыв глаза и постарался увидеть горную кошару, куда поднимаются лишь на лето, потому что дальше — только вершина Угляра. Трава там мелкая, густая — чистые молоко и сыр, как говорит дед. Раз Бонифаца застала на Угляре гроза. Молнии скрещивались прямо над головой, а овцы сгрудились в тесную кучу. Дед неподвижно стоял около них.

— Не шевелись! — крикнул он внуку. — Не шевелись, Бонифац! Коли они видят, что мы не боимся, так и сами не разбегутся.

— Я не шевельнусь! — закричал он деду. Овцы жались к его ногам — головы низко опущены, а по шерсти стекает вода.

Сверкнула страшная молния. И сразу ударил гром. Бонифац подскочил и хотел бежать в колибу¹.

— Не двигайся! — крикнул дед. — Думай об овцах!

Бонифац весь дрожал, но остался на месте. Высокое дерево в двадцати шагах от них было рассечено от верхушки до самой земли. Ветки горели странным голубовато-красным пламенем, пока все дерево с грохотом не упало на землю.

— Ты хорошо держался, — сказал дед, когда гроза ушла на другую сторону Угляра. — Видишь, ни одна овца не убежала. Ищи ее потом... а то ведь и в пропасть может сорваться.

Бонифац хотел еще что-нибудь вспомнить, но легкое облачко сна опустилось на его глаза, и он не заметил, как уснул.

В школе Бонифац едва дождался конца уроков. Сегодня он и мину-

¹ Колиба — пастушья хижина на горном пастбище.

ты не промешкал на школьном дворе, где они после занятий обычно играли в футбол: команда верхнего конца деревни против команды нижнего. Он был из хутора, и потому играл то за одних, то за других — где не хватало игроков.

К приходу Бонифаца мама уже приготовила рюкзак.

— Деду я посылаю чистое белье и табаку, — она показала на рюкзак. — А отец, что надо, возьмет сам.

— Я мог бы снести и отцу.

— Не прыгай выше головы! — мама поставила перед ним полную тарелку супа. — Еще я положила кусок солонины. Вечером пожаришь на костре. Ты ведь любишь...

— Ох, мама! — от радости он подпрыгнул. Разыскал старые штаны, холщовую рубаху, куртку. И только потом сел к столу. Наскоро поев, переложил перочинный ножик из школьных брюк в карман куртки и закинул за спину рюкзак.

— Совсем легкий! — Бонифац подбросил его плечами.

— Это сейчас легкий. Пройдешь часок, да все в гору, так отяжелеет.

— Ну, бывайте здоровы.

— Не задерживайся нигде, Бонифац!

Они вышли из дому вместе. Бонифац прошел вдоль забора и направился к лесу. Даже не оборачиваясь, он знал, что мама будет долго глядеть ему вслед, пока он не доберется до обросших мхом могучих деревьев.

Бонифац стал тихо насвистывать.

— Хозяина леса никто не видал, — неторопливо рассказывает дед Ондраш, помешивая длинной жердью в костре, который горит перед колибой. — Возможно, он прячется в деревьях, может — живет в горных потоках, что скачут с камня на камень... Говорят еще, будто его царство глубоко в земле, под горой... Тут, на Углярке, он показывался только раз...

— Когда? — Бонифац уставился на деда. По старому, морщинистому лицу прыгают отражения красных огоньков, седыми волосами играет теплый ветерок, долетающий сюда с низины. — Когда здесь видели хозяина леса?

— Его зовут еще духом леса... Один нерадивый овчар увидел его, когда собирался без надобности забить овцу. Хозяин леса схватил его за руку, в которой тот держал валашку¹, навеки запястье почернело... — Дед Ондраш смолк и склонил голову поближе к огню. Поправляя жердью угольки, точно хотел лодольше удерживать в них свет и тепло. — Говорят, к добрым людям дух леса является только перед смертью, чтобы превратить их в стройное дерево, в родничок или в красивый белый камень с темными прожилками...

— Дедушка, а дедушка...

— Чего тебе, Бонифац?

— А вы, если умрете... Чем бы хотели стать?

Дед Ондраш долго молчал, разгребая жердью костер, и Бонифацу

¹ Валашка — пастуший топорик с длинным топорщиком.

казалось, будто он не расслышал вопроса. Он уже хотел громко окликнуть деда, когда тот поднял голову:

— Больше всего я люблю Угляр... Во что бы ни превратил меня дух леса, лишь бы оставил здесь... не пользу людям и зверью...

— А все-таки!

— Джалуй, родничком... Из него может капнуть любой, кому захочется, и увидеть свое отражение, а рядом цветы, птицы поют... Лучше всего стать родничком.

Луна, вышедшая из-за Угляра, плавала в мягких тучах, словно играл с ними в прятки. Только однажды показалась в полной красе и сразу скрылась, будто ее и не было. Около колибы и стоявших поодаль деревьев луна рисовала и тут же, точно резникой, стирала длинные тени. Овцы лежали тихо, лишь изредка плечущим голосом блеял ягненок.

— Иди приляг, — сказал дед Ондраш, выбирая маленький уголок, чтобы зажечь трубку. — На нарах в колибе тепло... Можешь взять и мой тупуп.

— Не хочется...

— А то утром проспишь, когда будем выпускать.

— Разбудите — не просплю.

Вдруг заблеял большой берен. Дрожащим, долгим блеянием. Овцы мгновенно всполошились, затопали.

— Что-то их напугало! — Дед Ондраш быстро подошел к кошарам. С вершины послышалось протяжное завыванье.

— Волки! — вполголоса проговорил дед и прислушался.

Овцы блеяли и, сбившись в кучу, гребли землю ногами.

Вой приближался, и сразу же с другой стороны откликнулись новые волчий голоса... и еще, и еще.

— Бонифац, подложи в костер! — крикнул дед. — Все дрова бросай! Волки почуяли овец.

Бонифац сразу кинулся выполнять дедов приказ. Из-под веток, брошенных на затухавшие угли, повалил дым, начали выскакивать язычки пламени.

— Еще давай! — преодолевая одышку, дед бросился в колибу за ружьем.

Овцы испуганно кружили по кошарам. Дед на ходу зарядил ружье и побежал к овцам.

— Спрячься в колибе! — крикнул он Бонифацу.

— Я с вами!

Костер разгорелся, но дрова были сыроватые. Огонь вперемешку с дымом стлался низко, у самой земли.

— Мои хороши... ну, мои хороши... не бойтесь... Да успокойтесь же! — уговаривал дед овец, которые блеяли на весь лес.

— Там они! — крикнул Бонифац. — Там, у леса! Видите?

Волчий глаза мерцали при лунном свете, как угольки, которые кто-то разбросал меж деревьев.

— Где, где?

— У кривой ели... Два!

— Не вижу... — чуть слышно признался дед Ондраш и склонил дуло ружья к земле. — Не вижу...

Овцы блеяли уже словно бы человеческими голосами. Казалось, они чуяли слабость деда, чуяли, что сегодня он впервые не сможет

защитить их от волков. Большой баран вскидывал голову и все пытался вскочить на ограду.

— Бонифац!

— Что, дедушка?

— Ложись! — дед показал на плоский камень неподалеку от кошары.

— Зачем, дедушка?

— Ложись, коли велят!

Бонифац упал так поспешно, что коленом ударился о камень. От боли даже вскрикнул тонким голосом. Дед, не охнув, лег рядом.

— Держи. Оно заряжено, осторожнo! — дед приложил ружье к его плечу.

Волки сбились в стаю и злобно выли. Близость кошары возбуждала их. Боялись они только костра, который горел около колибы. Временами Бонифац замечал, как какой-нибудь из волков бросался к кошаре, но, попав в круг света, отступал. До каких пор так будет продолжаться? Костер догорит, и тогда стаю уже ничем не остановишь. От ужаса Бонифацу хотелось плакать и кричать.

— Держишь? — спросил дед сиплым голосом. — Обопрись о плечо!

— Есть!

— Зря я учил тебя целиться? Попробуй выстрелить. Осторожнo! Старайся попасть между огоньками...

Бонифац нажал курок. В правое плечо точно кто топором ударил, глаза ослепила вспышка, в ушах загудело. Овцы с перепугу затихли, а Угляр ответил стократным эхом. Волки тоже как будто исчезли. Бонифац не видел больше зеленых огоньков волчьих глаз. «Ушли!» — хотелось крикнуть ему. Но овцы опять сбились в кучу. Волки всего лишь отбежали в сторону и теперь снова подкрадывались к колибе.

— Чую их, — с одышкой произнес дед. — Возвращаются!

— Там они, там! — Бонифац увидел волка, который осмелился приблизиться чуть ли не к самому загону, приготовленному для дойки овец. Он не стал ждать, что скажет дед, повернул ружье в ту сторону и выстрелил. Боль еще усилилась, на глаза навернулись слезы.

Но волк уже метался на земле.

— Я попал... Вижу, попал!

К раненому волку приближался другой. Бонифац нажал курок — ружье осталось немo.

— Не стреляет!

— Надо зарядить.

Дед быстро, на ощупь зарядил ружье. Бонифац выстрелил. Не попал, но волк отбежал назад, к лесу. Раненый волк протяжно подвывал и не шевелился. Стая в лесу затихла. И овцы чуть поуспокоились. Дед лежал на земле без движения, повернув голову вбок, точно вслушивался в звуки, разносимые горами.

— Ушли, — прошептал он, спустя немалое время. — Кажется, ушли, — добавил он громче и с трудом поднялся. Подошел к раненому волку и добил его валашкой.

— Это твой! — крикнул он Бонифацу. — Иди взгляни на него.

— Ох, какой здоровый!

Волк лежал свернувшись, точно сторожевой пес. Зубы его и после смерти были оскалены, задние лапы подогнуты, как для прыжка.

— Давай-ка оттащим его в сторонку, чтобы овцы не пугались за-пака, — сказал дед Ондраш и нагнулся к волку. Схватил его за заднюю лапу, потащил к колибе. — Помоги мне.

Волка оттащили за колибу. Дед Ондраш, то и дело утирая тылом руки лоб, начал ворошить огонь, который тем временем потерялся в угольках и пепле. В стороне, возле колоды, дед набрал поленьев и по одному бросал их в костер.

Шибче, огонь,
гори-разгорайся,
черная сила,
прочь убирайся, —

бормотал он заклинанье и внимательно следил, чтобы костер горел ровным пламенем, без искр.

— Дедушка, они больше не придут? — спросил Бонифац, когда языки огня осветили колибу.

— Пожалуй, что нет... в может, и да... Под утро иной раз волки привыкают к костру и перестают бояться, — с тяжелым вздохом отвечал дед, плотнее запахивая длиннополый кафтан. — Эк меня холод пробирает... Все косточки ломит.

— Идите в колибу, там теплее.

— Как-нибудь выдюжу. Самому тебе не управиться... — дед сипло дышал. — Вот соберусь с силой... — Голова деда бессильно повисла, он пытался ее поднять, но она тут же снова падала на грудь.

— Дедушка, пойдите в колибу, лягте! — потряс его за плечо Бонифац.

— До утра выдюжу...

— Я посторожу!

— Волки...

Дед Ондраш хотел встать, но зашатался, как старая ель, и улет чуть не в самый огонь.

— Дедушка! — закричал Бонифац, пытаясь лоднять старика. — Дедушка!

— Волки... — шептал дед. — Будь осторожен!

— Встаньте, я помогу вам...

Мальчик обнял старого Ондраша и медленно-медленно потащил его к колибе. Хотя расстояние было не более десяти шагов, от напряжения он весь взмок.

— Держите меня за шею!

Дед Ондраш уже не мог говорить, только судорожно ловил ртом воздух, из его приоткрытых губ вырывалось горячее дыхание.

— Воды...

— В колибе дам вам напиться.. Поднимитесь на ноги, чтобы мы скорее дошли!

Нары были у задней стены. Пришлось тащить деда через всю колибу, усыпанную мелким песком. Сам невероятно уставший, Бонифац перевалил деда на старый тулуп, которым тот привык укрываться.

— Пить...

— Воды из жинчицы?¹

— Пить...

¹ Жинчица — кислое снятое овечье молоко.

Мальчик взял резной стакан и до половинки нацедил в него жиничны, отстоявшейся, кислой. Ондраш пил быстро, с закрытыми глазами, где-то глубоко в его горле жиничка слабо булькала.

— Прикрою вас одеялом.

Дед не ответил, голова его бессильно лежала на подушке.

До сих пор Бонифац ничего не боялся. Теперь, когда старый Ондраш вдруг захворал, вся тяжесть забот легла на его плечи. В первый момент захотелось все оставить, кинуться домой, разбудить отца и единым духом все ему рассказать. Но даже если бы он всю дорогу бежал, раньше, чем через два часа, он домой не доберется. За это время волки могут разогнать все стадо. Погибнут дойные овцы, большой баран, ягнята... Волки могут броситься и на деда. Нет, до утра надо оставаться тут, при овцах. Потом, когда взойдет солнышко, будет видно...

Он вышел из колибы. Костер догорал маленькими язычками, ограда кошары тонула во тьме. Луна, вечером такая большая, теперь исчезла, тьма сгустилась, стала чернильно-черной. От холода пробирала дрожь, колени были мокрые еще с тех пор, как он лежал в сырой траве и целился в волка. Бонифац нащупал возле двери длинную отцову куртку. Накинул ее на плечи и осторожно приблизился к костру. Дров осталось совсем мало; чтобы хватало до утра, придется подкладывать по несколько полешек.

Он сидел на тонком бревне, не спуская глаз с костра. Горящие поленья казались в этой жуткой тьме самыми лучшими друзьями. Овцы тихо лежали, шум веток тоже стих. Был час, когда, как говаривал дед, лес спит, и бродят в нем только фэн да крошечные гномы. Может, как раз сейчас к их колибе подходит хозяин леса.

— Нет! — чуть не крикнул он. — Деда нам оставь!

Сам испугался звука своего голоса. Еще больше ссутулился и прикрыл глаза. Даже не заметил, как задремал.

Разбудило его блеяние овец. Они топотали в кошаре, проснулись на росистую траву. Мальчик удивленно протер глаза, вытянул затекшие ноги. В первую минуту он никак не мог понять, где он, что с ним. Резко обернулся. Возле колибы валялся убитый волк. А дедушка?

Дед лежал на нарах в той же позе, как он его оставил. Рот полуоткрыт. Что-то бормочет, но что — понять невозможно.

— Хотите пить?

Дед не отвечал.

Бонифац приложил кружку с водой к его губам. Дед пытался глотать, но вода текла мимо рта.

— Потерпите маленько, я кого-нибудь приведу!

Он еще раз проверил, не могут ли овцы выбить задвижку на воротах, и во весь дух припустил вниз по узкой тропе.

Через две недели Бонифац вместе с мамой приехал в город навестить деда в больницу; тот уже сидел на постели, подпертый тремя подушками.

— Дедушка, гляньте, что мы с вами получили, — он показывал завернутые в тряпицу деньги. — Две тысячи.

— Откуда столько?

— За волка, — сказала мама.

— Это твой, — тихо проговорил старый Ондраш. — Ты его застрелил.

— Зато вашим ружьем!

— И оно будет твоим... когда подрастешь..

Мальчик схватил тяжелую дедову руку.

— Дедушка, к родничку над клином ходит олень... Я сам видел. Приедете посмотреть?

— Приеду. Только мой Угляр и поставит меня на ноги.

Дед слабо подмигнул Бонифацу, тот подмигнул в ответ. Как мальчишка мальчишке. Но для старого Ондраша Бонифац уже был не мальчик. Когда начнутся каникулы, они вдвоем будут ходить по лугам Угляра и пасти овец. А вечером Бонифац как равный будет сидеть у костра с дедом, с отцом, с овчарами. Он, Бонифац, мальчик из-под Угляра, ведь он уже сам умеет справиться с волком, сам может пасти стадо. А это под силу только настоящему мужчине!



Я смотрю вниз из окна. На краю тротуара стоят три жестяные урны. К той, что помята, прислонился спиной Франта. В руках у него гитара, но держит он ее как-то странно, книзу грифом и стучит костяшками пальцев по нижней деке.

Около него остановился старый пан с пустой авоськой. Что-то Франте говорит. Я знаю, что он говорит: «Дружище, почему ты тут стоишь? Ничего умнее не придумал?» Франта морщит лоб и молчит.

Надо же, с гитарой устроиться возле урн! Когда мы вот так стоим около урн, то всегда выглядим как нечто ненужное, выброшенное на свалку. И раздражаем людей, хотя именно в эту минуту им следовало бы улыбнуться нам и сказать: «Тебя удручает мир, да?»

Дело в том, что нас с Франтой и правда иногда удручает мир. Просто так — ни с того ни с сего... Даже удивительно. Руки тяжелеют и слбеют в плечах, ноги не желают ходить, в голове пусто. Так и хочется прислониться к чему-нибудь холодному, грязному, вроде, например, этих урн. Гитара в руках тут не поможет. Помогло бы, если бы кто-нибудь подошел к нам и сказал: «Тебя удручает мир, да?» Но никто

этого не делает, видно, все, как состарятся, — забывают. Мальчишка, по ня мнению, всегда должен быть в хорошем настроении и рот до ушей. Каждому «х» в математическом уравнении уделяется столько внимания, а этого «я» с гитарой никто не замечает. Замечают только, как мы стоим, прислонившись к урнам. Но ведь про то, почему мы стоим, наверно, написано в каких-нибудь книгах, которые никто не читает.

Вот отчего, когда на нас с Франтой это находит, мы чувствуем себя одиночками. И каждый из нас в отдельности — тоже совсем одинок. Мы стесняемся говорить друг другу, что порой нас так странно удручает мир, и точно играем в молчанку.

Я спустился вниз, встал напротив нашего дома возле Франты и прислонился спиной к урне. В этот момент мир меня вовсе не удручал, но ведь Франта мой друг.

Старый пан возвращался по другой стороне тротуара. В авоське у него была картошка.

— Вот красота, вот прелесть! — говорит. — Вас уже двое!

И больше ничего.

Я выждал, пока он отойдет на несколько шагов, и сказал Франте:

— У тебя вся спина вымазана пеплом.

— Хочешь яблоко? — спросил Франта.

Мы поочередно откусывали от одного яблока. Я побольше, Франта — совсем крошечные кусочки. Пришла Мирка Штеттинова. Прислонилась спиной к третьей урне. Мы ее спросили: «Хочешь яблоко?» — и отдали все что осталось.

Потом я начал:

— Выдай, Мирка, песенку. А Франта тебе подыграет.

— У меня пальцы как деревянные, — сказал Франта, — и потом, я кашляю.

Хотя никто не просил его петь.

Снова мимо нас прошел старый пан. Видно, забыл в магазине половину покупки и возвращался за ней. Остановился, поправил очки и уставился на нас.

— О, да вас уже трое!

Мое терпение готво было лопнуть.

А старый пан еще добавил:

— Бездельники!

У меня уже, право, терпение было на исходе!

Я посмотрел на пустую авоську, болтавшуюся возле колена старого пана, и взорвался:

— За что вы нас ругаете?

— Тут таскаешь один картошку, а этим троим нечего делать, только спины протирают об урны! — говорит старый пан.

— Вы бы сразу сказали, мы бы вам помогли, — пропела Мирка, сунула в урну огрызок яблока и прикрыла крышку. — Вы бы сразу сказали.

— Ну, так я говорю! — Старый пан, видимо, решил, что ему удалось подцепить Мирку ее же собственным лассо.

Вообще-то почему бы и не помочь человеку? Мирка непонятно откуда достала силовую сетку.

И мы пошли, держась примерно в двух шагах от старого пана, к магазину, где продают картошку. Франта остался около урны. Дважды

мы проходили мимо него с полными сумками. Я нес ту, что была у старого пана, Мирка свою. Когда мы все высыпали в ящик на кухне, старый пан сказал нам:

— Спасибо.

А мы:

— Не за что.

А он:

— Я бы дал вам за труды крон пять, да мне неловко.

Мы с Миркой стали дико хохотать, но старый пан все понял. Ящик с картошкой стоял на кухне, дверь в комнату была проткрыта, и через щель я увидел книжный шкаф. А в нем много рядов страшно толстых книг в коричневых с золотом переплетах. Старый пан заметил, что я рассматриваю книги.

— Это энциклопедия, — пояснил он. — В ней можно найти все, что тебе придет в голову.

Я толкнул Мирку в бок:

— Спроси что-нибудь.

Мирка сглотнула слюну, подумала и вспомнила, что вчера на школьном вечере профукала викторину. Не знала семь чудес света.

— Че, — сказал старый пан. Вытащил из ряда книг одну и вдруг как посыпет: — Чудеса. Чудеса света. Семь чудес света: египетские пирамиды, висячие сады Семирамиды, храм Артемиды в Эфесе, статуя Зевса работы Фидия в Олимпии, Галикарнасский мавзолей, Колосс Родосский и маяк на острове Фарос.

Я думал, что хоть одним из чудес света окажется человек. Не тут-то было! Не знаю, отчего это вдруг меня расстроило. И когда старый пан предложил мне тоже что-нибудь спросить, я сказал:

— А теперь отыщите, почему какой-нибудь мальчишка вдруг ни с того ни с сего грустный. Вот хоть Франта, что стоит около урны. Можно это найти на букву «фе»?

— Нельзя, — ответил старый пан. И перестал гладить корешки своих словарей, точно сразу их разлюбил. — Существают вещи, о которых не пишут даже в таких толстых книгах. И грустный Франта — одна из них. Их можно назвать восьмым чудом света. Так они необычны и таинственны.

Мы прошли через кухню, мимо ящика с картошкой... остановились уже на улице, около урн и Франты. Мирка не удержалась от глупой шутки. Говорит Франте:

— Знаешь, что ты такое? Восьмое чудо света.

Я ожидал, что Франта ей двинет. Но он стоял как ни в чем не бывало. Только стукнул гитарой о колено. Мирка обиделась, что Франта не обращает на нее внимания, и ушла домой.

Я прислонился к урне рядом с Франтой и стоял молча, пока к нам не подошел старый пан. Носком ботинка он разгреб кучку леппа возле третьей урны и прислонился к ней спиной. Так мы и стояли втроем: Франта, я и старый пан.

Я шепнул старому пану:

— Вы его изучите, а потом сделаете что-нибудь, чтобы он не был грустный, да?

Старый пан прошептал мне в ответ:

— Ничего я тут не изучаю. Я только хочу вспомнить, почему мне тоже ни с того ни с сего становилось грустно, когда я был мальчишкой.

И почему я тоже стоял около урн. — А через минуту еще добавил: — Это было очень давно. Так давно... что я не могу вспомнить.

Я ответил ему:

— У вас, наверно, уже болит спина. И потом, Франта ведь не носил картошку. Не стоит вам из-за него утруждать себя.

Я уже полюбил старого пана. Это был первый взрослый человек, который не постеснялся на глазах всей улицы вымазать спину об урну, чтобы вспомнить и помочь Франте советом. Чтобы открыть восьмое чудо света: мальчишку, которому вдруг ни с того ни с сего становится грустно.

— Эй, старый пан, хорошеющий пример вы подаете этим двум юнцам! — сказали — каждый на свой лад, но в общем-то одинаково — два человека в кожаных фартуках. Они вышли из машины, которая собирает мусор. Взяли из-за наших спи урны и высыпали их содержимое в машину. Урны теперь стали слишком легкие, о них нельзя было опереться. Они бы свалились. Франта сунул гитару под мышку и сделал несколько шагов — к чугунному столбу, на котором держатся трамвайные провода. Прислонился к нему спиной.

— Зря вы только себя срамите, — шепнул я пану.

Он посмотрел на меня почти сердито:

— А тебе какое дело?

Оперся о столб спиной к Франте, а я втиснулся между ними.

Столб был новый, некрашенный, немного ржавый.

Франта молчит, барабанит костяшками пальцев по дереву гитары. Старый пан молчит, а я сбоку заглядываю ему в глаза. И болею за него:

— Уже вспомнили?

— Нет.

До чего идиотский у нас вид. Люди оборачиваются. Стоит кому-нибудь из нас шевельнуться, со столба сыплется ржавая пыль.

— Извините, старый пан, столб не нуждается в подпорке, он устоит и сам, — сказал один из тех, что подошли с ведром краски и кистью.

А второй добавил:

— Но в покраске он явно нуждается. Вы бы, молодые люди, отошли в сторонку, чтобы можно было приняться за дело.

Мы шага на три отступили от столба. Все трое. Франта постучал по гитаре. И все еще, все еще казалось, будто он глядит в какую-то страшно печальную даль. Старый пан, должно быть, где-то там с ним встретился. Тихо прищелкивает языком, и вид у него совсем потерянный. Я краснею. Ведь мы выставились тут на позор — вся улица на нас смотрит. Спины у нас седые от пепла и рыжие от ржавчины.

Двое с ведерком и кистью начали красить столб. Раз только мазнули желтым по металлу — и сразу же стало светлей, точно посреди серой улицы расцвел огненно-желтый цветок.

Это сбilo с толку пчелу. Она спутала яркую полоску с желтым венчиком цветка. Но только присела, как тут же увязла в краске. А пропитанная желтой густой краской кисть нависла над ней словно гигантское золотое солнце. Если кисть опустится — конец.

— Черт возьми, вы же ее убьете! — сказал Франта.

Впервые. За все время. И бросил мне в руки гитару.

Видно, двое с краской его не расслышали или не хотели расслышать, не знаю. Но тут вмешался старый пан:

— Алло, не хотите закурить? У меня отличные, импортные.

Те с готовностью заживали: мол, отчего же нет, охотно закурим! Не успели они взять из пачки по сигарете, как Франта уже подскочил и снял пчелу со столба вместе с порядочной каплей краски. И вот уже кричит:

— Чем ее растворяют? Эту вашу краску?

— Ацетоном, — ответил один из маляров, не вынимая изо рта сигареты.

— Слетай к Мирке! За этим... чем снимают лак с ногтей! — Франта ударом в бок направил меня к дому, где жила Мирка.

Сбегая по лестнице с крошечным флакончиком, я завыл, словно машина скорой помощи. И все мы, даже те двое с ведерком краски и кистью, склонились над большим пальцем Франты. Пчела пыталась выкарабкаться из краски.

— Черт возьми, помоги ей немного! — воскликнул тот, что держал ведерко. — Не то она влезет в краску всеми лапками — и тогда крышка.

Старый пан подобрал с земли воробьиное перышко и самым его кончиком попытался приподнять пчелу над бугорком краски.

Тот, что держал кисть, вырвал из нее несколько волосков, послунил их для верности. Волоски терялись в его огромных пальцах.

— Тут нужна рука понежней! — рассердился он на самого себя. И вот я уже держу эти волоски, намочив их кончики в ацетоне.

— Самую капельку — или ацетон прикончит ее! — шепчет, прикрывая рот ладонью, тот, что с ведерком.

А я хирург. Тут решается вопрос жизни или смерти. Я хирург, и рука у меня твердая.

— Побольше свету, — приказываю я.

Вижу только большой палец Франты. На нем вымазанную краской пчелу.

— А если она его ужалит? — шепчет в ладонь тот, с ведерком.

— Если пчела кого-нибудь ужалит, она погибает, — второй маляр вытягивает губы трубочкой и направляет на пчелу облачко сигаретного дыма. — Когда их окуривают, они, поди, не жалят.

А я хирург. Двамя волосками, намоченными в ацетоне, я прооперировал пчелу — снял с нее краску.

Вот она полетела!

Те двое уже снова красят столб. И сами себе удивляются; ну и психи же мы! Столько хлопот из-за какой-то дурацкой пчелы!

Франта насвистывает и фальшиво подыгрывает себе, дрыная на гитаре. Он насвистывает ту песенку, где восемь раз повторяется, «аллилуйя, аллилуйя!»

Старый пан стоит посреди тротуара и размышляет, не удастся ли ему открыть восьмое чудо света.

— Ничего я не открыл, — говорит он наконец. — В мире еще много будет неизвестно по какой причине грустящих мальчишек. Снова они будут стоять возле урн и ни с того ни с сего грустить. Но главное тут пчела. Пчела, которая могла трижды умереть: от краски, от дыма и от собственного укуса. Но не умерла! Возможно, в этом-то все и дело!

Я бегу к Мирке Штетиновой, чтобы вернуть ей флакончик с ацетоном.

Содержание

Приглашение к путешествию. Олег Малевич	5
Светоплук Гринчирж. На горизонте Огненная Земля. Перевод с чешского	7
Рудольф Добнеш. Месть. Перевод со словацкого	25
Гелена Шмегелова. Вот какие бывают удивительные случайности. Перевод с чешского	34
Мерия Дюричкова. Между прочим, это здорово. Перевод со словацкого	39
Ян Сузл. Рыцари и человекообразные. Перевод с чешского	42
Богумил Ржигга. Самоу братьев. Перевод с чешского	45
Гана Зеллинова. Отец, скажи правду. Перевод со словацкого	52
Рудо Морниц. Убили нашего Виннету. Перевод со словацкого	61
Наташа Танска. Дети до 16 лет не допускаются. Перевод со словацкого	63
Ольга Гейна. Сложная натура. Перевод с чешского	70
Йозеф Жарнай. Штрафной удар. Перевод со словацкого	73
Збынек Ваержини. Ужин с носорогом. Перевод с чешского	78
Ота Гофмен. Собаки, которые нам снятся. Перевод с чешского	83
Вера Адлова. Сердечный привет из Праги. Перевод с чешского	88
Вацлав Чтертен. Сойдет и тан. Перевод с чешского	95
Иржи Лацина. Победитель этапа. Перевод с чешского	99
Милов Заплетал. Отличные наникулы. Перевод с чешского	104
Ян Штваницкий. Мальчик из-под Углевя. Перевод со словацкого	113
Вацлав Чтертен. Восьмое чудо света. Перевод с чешского	123

Для среднего и старшего возраста

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Ответственные редакторы М. Е. Прийма и Е. В. Туинов.

Художественный редактор А. В. Карлов.

Технический редактор Т. Д. Рогович. Корректоры Л. А. Бочварова и Л. А. М.

ИБ 5936

Сдано в набор 21.08.81. Подписано к печати 04.02.82. Формат 70 X 100/16. Бумага офсетная № 2. Шрифт журналистский. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4. Усл. чр.-отт. 22,76. Уч.-изд. л. 9,43. Тираж 100 000 экз. Заказ № 233. Цена 50 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росгиполлитографпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7

